

ДЕНИС АТЯКИН

— СКАЗАНИЯ СЕВЕРА —

ПЕДЯНЬЕ ВЕТРА

Алаэн Дербидж — егерь королевского полка. Его привычная жизнь круто меняется, когда он находит мертвого сослуживца и странное послание. Теперь ему предстоит путь на юг.

Дин Бэйл — обычный работяга, случайно убивший свою семью. Теперь он пытается покончить с жизнью, и в поисках смерти его путь лежит на юг.

Луэннар Нуан'Наин — наследный принц. На его плечах — защита границ эльфийских земель, но он даже не подозревает о коварстве и предательстве среди своего народа. Чтобы найти справедливость, ему предстоит отправиться на юг.

Малтис — молодой мастер демонологии. Он изгой и предатель своего ордена. И чтобы спастись, он вынужден бежать на юг.

Каждый из них хранит свои тайны. Что произойдет, когда их пути пересекутся?

Однако все не то, чем кажется на первый взгляд. Мир уже давно погрузился во Мрак.

5419 год, конец осени

Крепость Последняя Твердыня

В огромном камине неистово ревело голодное пламя и, будто вторя ему, за окном бушевала метель. В крепостном дворе метались и чуть слышно кричали сражающиеся королевские егеря. Ледяная крупа, хаотично падающая с неба, звонко колотила по затянутому льдом окну.

Торопливо скрипело перо по пергаменту, словно пыталось опередить все происходящие события. Демонолог спешил, каждая прошедшая минута отдаляла иллюзорную надежду на спасение. Однако мастер Вингут не надеялся. Он чувствовал конец.

Демонолог торопливо оглянулся и с отрешенным спокойствием заметил метнувшуюся по каменной, промерзшей стене тень. Одна. Первая гостья, ну или гость, это смотря кто из узников эфира пожаловал к Вингуту с горькой вестью. Мастер сокрушенно покачал головой: столько лет он каждый час, каждый день оборачивался, страхась увидеть пришедших за ним теней и вот сегодня, когда это произошло, он был абсолютно спокоен.

Вингут обмакнул перо в чернила и вернулся к письму. Оно предназначалось командующему Ольтеру и не содержало никакой секретной информации. Демонолог дописал последнюю строчку, сложил вчетверо пожелтевшую бумагу и убрал ее в простой конверт. Залил край сургучом и оттеснил на нем собственную печать.

За окном громынуло, пронзительно свистнуло, будто незримый пастух щелкнул гигантской плетью. От северной стены крепости откололся огромный кусок льда и рухнул вниз. Тут же крики сражающихся в крепостном дворе усилились. Мастер Вингут осторожно коснулся эфира. В иной реальности все было спокойно: энергетические потоки были слегка напряжены от воздействий самого демонолога и только. Больше эфир никто кроме него не тревожил, а это значило... да что угодно! Вплоть до того, что неизвестный пока враг пользуется давно забытой магией. Не привычной и всем понятной энергией эфира, а магией! Подумать только...

Мастер зачерпнул энергии из ближайшего потока и направил ее на основной эфирный щит, выставленный по всему периметру крепости. Незримая для обычного человека защита сверкнула, уплотнилась и тут же содрогнулась от нового, более мощного удара. Щит пошел мелкими трещинами, и демонологу снова пришлось подпитывать его энергией.

Вингут закончил с укреплением защиты, вытер потекшую из носа кровь и откинулся на спинку жесткого, неудобного стула. перевел дух. Мастер на секунду прикрыл глаза, но тут же их распахнул, почувствовав новых предвестников. Да, он не ошибся: прибыли новые тени. Они призрачными темными сгустками танцевали на сырых, замшелых стенах и уже не пытались сбежать, спрятаться от демонолога. Вингут харкнул на пол и прорычал:

— Ждите! Еще немного... Не Вы заберете меня, я сам к Вам приду!

Тени заметались еще быстрее, заволновались, но тут же успокоились: они знали, что все будет иначе. Сегодня именно они заберут того, кто давным-давно заточил их в эфирных клетках.

Демонолог отложил на край стола первое письмо и принялся за новое. Теперь он писал неторопливо, вдумчиво, пытался ничего не упустить. Демонолог понимал, что от этого

письма зависит будущее не только Маркауна, но и всего Армалота.

Вингут закончил с посланием, коснулся энергии и аккуратно наложил на пергамент хитросплетенные эфирные маски. Сначала отдельные буквы, а потом и целые строчки стали исчезать, и уже через несколько секунд на столе лежал чистый кусок желтой бумаги. Демонолог удовлетворенно кивнул, запечатал письмо и вместе с первым убрал его во внутренний карман мехового плаща. Теперь необходимо было найти того, кто доставит послания на ближайшую егерскую заставу.

Мастер Вингут спешно покинул обзорную башню и засеменял по промерзшим коридорам крепости. Он спустился на три яруса вниз, так и не встретив никого из егерей. Волнение охватило демонолога, однако он упорно шел дальше. Наконец, когда мастер достиг нижнего яруса, миновал обжитые помещения, кладовки и жарко натопленную кухню, у выхода к конюшням он услышал яростное сопенье.

— Санни?!

Молодой егерь, совсем еще мальчишка, повернулся на голос и ответил:

— Мастре Вингут, вам помощь нужна?

— Да, бросай свои дела и давай за мной.

Санни оставил тщетные попытки оттащить в укрытие тело дюжего рыжеволосого егеря, утыканное черными арбалетными болтами, и последовал за демонологом.

Двое егерей миновали придворовую площадку, нырнули под крытый старыми досками переход во внутренний двор и замерли. Звуки сражения теперь слышались совсем рядом — за ближайшим поворотом!

— Санни, — шепнул демонолог, — посмотри что происходит впереди... Только тихо!

Парень кивнул и, пригнувшись, устремился дальше вдоль дощатой стены перехода. Егерь наблюдал за обстановкой совсем недолго: уже через десяток секунд он так же бесшумно вернулся назад.

— Ну, что там? — все так же шепотом спросил Вингут.

— Там... они страшные... жуть!

— Успокойся! — жестко отрезал демонолог. — В конце концов, они просто люди.

— Да... нет, я не уверен... — промямлил Санни.

Вингут укоризненно посмотрел на егеря и спросил:

— Ты не сказал, что там происходит!

— Да, да! Там... эти... ну, их больше, они теснят наших парней и скоро будут тут.

— Они рядом с нами?

— Да, совсем рядом! Мастер Вингут... — Санни немного помялся, но все-таки спросил: — Что, снова Вебарцы напали?

— Нет, это не они. Тогда, двадцать пять лет назад, была совсем другая война. Никакой магии, да и Вебарцы так далеко на север не заходили... Нет, сегодня мы столкнулись совсем с другим врагом.

Демонолог немного помолчал, вздохнул и продолжил:

— Ты лучше вот что делай: беги к конюшням, беги со всех ног и не жди меня! Сразу седлай лошадь и выводи ее к Нижним воротам, встретимся там. Все понял?

Санни кивнул. Демонолог кивнул в ответ.

— Давай! — крикнул Вингут и толкнул парня вперед. Тот кубарем вылетел из перехода и, что есть духа, бросился к стойлам. Скорости молодого егеря можно было только позавидовать. Однако демонолог уже не обращал на такие мелочи внимания, он разматывал

свою кожаную, с заточенными металлическими наклейками, плеть. Через пару мгновений оружие было готово, и Вингут смело зашагал вперед. На ходу он шепотом стал произносить слова-активаторы, и воздух вокруг плети начал уплотняться. Демонолог вышел на открытую площадку и вместе с этим произнес последний активатор. Оружие на секунду вспыхнуло ярким пламенем и тут же потухло.

Вингут прикрыл глаза, сосредоточился. Потянулся к самому мощному энергетическому потоку, что был поблизости, крепко «ухватил» его и направил на плеть. Все. Теперь все готово! Демонолог распахнул глаза и с ненавистью уставился на толпу воинов, что неслась прямо на него. Враги и вправду были устрашающими и... разнообразными: от облаченных в тяжелую броню и рогатые шлемы гигантов и до полуголых, краснокожих мужчин с яркими перьями в угольно-черных волосах. Однако эти враги были не так страшны, как самые мелкие демоны, и Вингут не дрогнул.

Егерь ударил без промедления. Плеть, рассекая воздух, взвизгнула как бешеная свиноматка. Не было ни взрывов, ни грохота, лишь тонкий багряно-красный росчерк на секунду вспыхнул там, где была толпа врагов. В этом росчерке смешалась кровь, каша из внутренностей и конечностей воинов, и раскаленный металл бритвенно-острых пластин. Эфирная энергия рвала и перемалывала плоть не хуже, чем старая добрая сталь.

Демонолог не стал смотреть на то, что осталось от врагов. Он устало подтянул к себе плеть, смотал ее кое-как и двинулся к южной оконечности крепости. Санни уже ждал Вингута у Нижних ворот, рядом с пареньком нетерпеливо переминался с ноги на ногу запряженный жеребец...

Магический удар застал егерей врасплох. Он был так силен, что на несколько секунд полностью дезориентировал демонолога, а Санни и вовсе свалил с ног. Конь бешено всхрапнул, встал на дыбы, закрутился на месте. Со стороны внутреннего двора послышались дикие вопли страха, боли и... чего-то еще. От этих криков даже у практикующего охотника на демонов встали дыбом волосы. Санни же вовсе чувствовал себя отвратительно: он катался по снегу, извивался, дергался в диких конвульсиях и безостановочно хрипел.

— Санни! — закричал мастер Вингут. — Санни, вставай!

Парень не обращал внимания на окрики, а лишь безостановочно скулил и сучил ногами по рыхлому снегу. Демонолог быстро запустил руку под меховую накидку и достал из внутреннего кармана пару красноватых корешков. Не обращая внимания на кровь, текущую из носа и на слабость во всем теле, мастер разжевал оба корня. Стало немного легче.

Вингут заковылял к егерю, присел рядом. Достал еще два корня и вложил их парню в рот, но тщетно. Из-за припадка Санни не мог жевать. Демонологу пришлось достать корешки, разжевать их самому и засунуть обратно. Молодой егерь начал глотать получившуюся кашу.

— Ну, вот и хорошо! Вот и молодец, — шептал Вингут. — А давай-ка, мы еще вот это попробуем...

Демонолог достал из кармана корешок темно-зеленого цвета и начал мять его в ладони. Получившееся густое месиво он заложил парню за губу.

— Небольшая доза дурмана тебе сейчас не помешает. Давай-давай... Да, это прочистит твой разум!

Санни перестал дергаться и скулить, а через мгновение вовсе затих. Вингут устало уселся прямо на снег и принялся ждать. Он уже не обращал внимания на яростные звуки сражения, не торопился и не нервничал. Он не боялся, а только лишь переживал: сможет ли

Санни доставит послания?

Молодой егерь зашевелился, открыл глаза. Судорожно вдохнул и неистово закашлялся. Наконец, когда егерь справился с приступом кашля, спросил:

— Что это было?

— Магия... — устало ответил Демонолог.

— Магия?!

— Да, друг мой, магия. Колдун наслал на наши несчастные головы ужас.

— Колдун? — ошарашено переспросил Санни. — Но разве они существуют? Колдуны. А магия?

— Ты видишь то же, что и я! — зло ответил Вингут.

— Но все, что я знаю, все, чему нас учили, говорит о том, что существуют лишь демонологии и эфирная энергия.

— Да, все верно. Но уж поверь мне, я знаю всех демонологов в нашем мире, и ни у одного нет таких способностей!

— Во имя Троиц! — воскликнул Санни.

— Святые Трое не помогут нам сегодня. Поэтому скачи!

***

— Скачи! Скачи на заставу Нортмарк что есть духа, не медли и не останавливайся! Доложи командующему Ольтеру все, что здесь произошло, расскажи, что ты видел. Пусть он мобилизует все патрули и направит их к северной границе. Скажи ему это!

Демонолог орал, надрывая глотку, размахивая руками, стараясь перекрыть шум адской бойни. Меховая накидка, до этого лежавшая на плечах мужчины, упала в снег, но, кажется, кричавший не замечал этого, лютый мороз уже не беспокоил его.

За спиной мужчины снова полыхнуло, жадный сгусток пламени набросился на обледеневшую стену Последней Твердыни. В разные стороны полетели осколки камня и льда, но демонолога и Санни они не задели — эфирный щит пока выдерживал удары.

Санни пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать коня на месте. Еще сложнее было не броситься прочь самому, не забиться в любую щель и ныть там, трястись, просить о милости. Сейчас молодой разведчик хотел именно этого. Желал всем сердцем оказаться в безопасности, подальше от этих тварей. Он с животным ужасом представлял, каково сейчас его товарищам, не прикрытым эфирной энергией единственного в их отряде демонолога.

Поэтому и мрут как мухи, хотя и находятся в крепости.

— И вот еще — держи! — демонолог протянул два письма. — После того, как предупредишь Ольтера, скачи, не задерживаясь, в Дербидж, передай оба послания наместнику, пусть найдет хорошего демонолога, без него второй пергамент не прочесть! Это очень важно, Санни. То, что сокрыто мной в этой бумаге, может спасти нас всех. Все, теперь скачи, давай, давай!

Дважды уговаривать Санни не пришлось. Он схватил бумаги, резво запрыгнул на лошадь и помчался прочь от Твердыни. Отъехав на несколько сотен метров, разведчик обернулся. Рядом с крепостью сновали темные фигуры, вспыхивали языки пламени, клубились тени. Санни перевел взгляд на холм, располагавшийся под стенами твердыни, и чуть не потерял сознание от страха. На возвышенность неторопливо, вразвалку взбирался Зверь.

Разведчику повезло: его конь был напуган еще сильнее, поэтому, что есть силы, рванулся прочь...

Лошадь пала на второй день. Не смогла вынести бесконечной гонки, лютого мороза и отсутствие воды. Сделал свое суровое дело и снег. Там, далеко на севере, в окрестностях Последней Твердыни он никогда не тает, лежит плотным настом, и лошадь идет по нему без проблем, не проваливается. Южнее же снег более рыхлый, конь вязнет в нем и теряет силы.

Санни бросил мертвое животное и пошел пешком. Дорогу он знал, но это не облегчало путь. До безымянного аванпоста, предпоследней крепости в Вековечном Леднике, оставалось четыре дня пути. До приграничных лесов — девять. До лесов Элькхевена — двенадцать. Двенадцать дней! Ну и еще сутки, чтоб добраться до заставы.

Разведчик устал и оголодал, он старался экономить и без того скудные запасы еды. Санни пытался охотиться, но безуспешно — снежная пустыня не богата дичью. Так считал разведчик, хотя больше склонялся к другому варианту: он — плохой охотник! Живут же здесь северные племена, чем-то питаются.

На третий день Санни повезло, и он смог убить белую куницу. Мясо он оставил на запас, а мех подшил к тулупу. На этом все везение кончилось.

На четвертый день с самого утра снова разыгралась метель. Час от часа она все крепла и к полудню превратилась в сплошной непроглядный вихрь. Небо скрыли свинцовые низкие тучи, солнце больше не проглядывало. Морозный ветер стегал по лицу, колот снежинками, пытался сбить с ног, норовил сорвать тулуп с парня. Двигаться дальше стало невозможно. Санни решил поискать убежище.

Как и в предыдущие дни, разведчик решил спрятаться в расщелине среди груд камней. Однако через какое-то время он отказался от этой идеи — согреться в таком убежище было невозможно. Ледяной вихрь пробирал до костей, и Санни начал замерзать. Парень побрел дальше по каменистой местности. Он не терял надежды найти убежище и вскоре, когда уже губы чуть шевелились от мороза, а пальцы рук перестали слушаться, ему повезло.

Забредя в небольшую ложбину, Санни наткнулся на торчащий практически параллельно земле камень. Глыба была длинная и широкая, а самое главное — под нее не задувал ветер. Разведчик, не мешкая, забился в эту нору. Под камнем было не очень просторно, но одному человеку места вполне хватало. Снега, к счастью Санни, тут не было, только голые, ледяные валуны.

Парень скинул дорожную сумку с плеча, положил ее в самый дальний угол пещеры, сам забился туда же, предварительно расстелив походное одеяло.

«Эх, сейчас бы еще костер развести, да вот только дровишек нет!» — посетовал про себя Санни.

Последние запасы хвороста, они же и самые первые, разведчик сжег еще в тот день, когда издохла лошадь. В этой ледяной пустоши трудно было отыскать даже сухой кустарник, не говоря уже о нормальных дровах.

Снаружи ревели вьюга. Не утихла она и к вечеру, все так же завывала и в полночь. Санни все это время не спал, хотя и адски хотелось. Разведчик боялся. Он знал, что мороз коварен. Сначала этот хитрец нежно гладит тебя своими студеными руками, нашептывает в твои уши сладостные слова, заставляет тебя расслабиться. Сам же незаметно обнимает морозными объятьями, пробирает до костей, и когда ты вдруг понимаешь что к чему и начинаешь сопротивляться, он снова отвлекает твое внимание и внушает, что ты хочешь спать. И вот как только ты уснешь — он не оплошает. Схватит своими ледяными ручищами и заморозит так, что на утро останется от тебя окоченевший труп. Поэтому за всю ночь Санни

не сомкнул и глаза.

Ближе к утру, разведчик все-таки позволил себе съесть три полоски вяленного, пересоленного мяса, горсть нута и половину зачерствевшей горбушки хлеба. Парень хлебнул ледяной воды из фляжки, скатал походное одеяло, убрал его в сумку и стал дожидаться рассвета.

Утром метель немного поутихла. Санни не мог дольше оставаться в пещере. Он и так задержался почти на день, поэтому с первыми тусклыми лучами холодного солнца, еле пробивающегося сквозь мрачные тучи, покинул свое убежище и двинулся дальше на юг...

Весь пятый день Санни упорно шел вперед, невзирая на усталость и дикий мороз. Метель так и не утихла полностью, что еще больше затрудняло путь. После полудня местность стала еще более скалистой, и к вечеру найти вполне сносное убежище не составило труда. Разведчик так устал и проголодался, что съел все остатки вяленого мяса и весь нут, и почти сразу уснул.

Санни проснулся поздно, его разбудил бредовый кошмар. Все тело ломило, голова была тяжелой, а грудь — заложеной. Разведчик понял — у него жар!

«Треклятый мороз! Проклятая метель! Ливеллон всемогущий, помоги добраться до безымянного аванпоста!» — Санни знал, что в аванпосте есть дерево, из которого можно развести костер, помнил, что есть там и кое-какие травы, способные вылечить его.

«Угораздило же простудиться!» — в отчаянии подумал парень. Он быстро собрал свои вещи и выбрался из укрытия, заковылял вперед по заснеженной пустыне. Санни упорно брел на юг, чувствуя, что до безымянного аванпоста осталось часов семь хода.

Ближе к полудню, пустошь постепенно стала превращаться в небольшую возвышенность, и Санни пришлось взбираться вверх. Разведчик быстро устал. Делал свое недоброе дело и так внезапно нагрянувший недуг.

Добравшись до небольшого каменистого перевала, парень свалился в снег. Идти дальше сил больше не было. Санни била мелкая дрожь, его рубаха и даже шерстяной свитер пропитались потом. Все тело горело как в огне, мышцы и суставы ломило, выкручивало. Сделав над собой усилие и преодолев слабость, разведчик все-таки поднялся и поплелся дальше. В голове царил полный хаос. Мысли, словно надоедливая мошкара знойным летним вечером, беспорядочным роем вились в мозгу, спутывались, ускользали, пропадали. Парня лихорадило.

Санни с содроганием и ужасом так некстати вспомнил события, произошедшие в Последней Твердыне пять дней тому назад: поход Последнего Патруля на север и нападение неизвестных. Он вспомнил погибающих товарищей и тех тварей, что явились неизвестно откуда. Вспомнил демонолога, который пытался противостоять вражескому колдуну. Санни не мог до конца поверить в то, что произошло: шестнадцать отлично обученных егерей не смогли сдержать два десятка чужаков и мага. Хотя, эти враги были не обычными людьми, с которыми привыкли бороться егеря. Нет, они были далеко не людьми!

От этих воспоминаний и мыслей стало тошно. Санни постарался отвлечься, однако в голову лезли совсем уж бредовые мысли: горящие деревья, огромный снежный ком, натыкающийся на тонкий и острый, словно игла, кусок скалы; узкая, темная дыра в толще скальной породы, уходящая вниз, глубоко в недра. Это, скорее, были даже не мысли, а видения.

Разведчик встряхнул головой, а в следующее мгновение в его мозгу вспыхнул образ

Зверя, взбирающегося на холм рядом с Твердыней. Санни снова чуть не потерял сознание. Парень упал на колени, зачерпнул полные ладони холодного и жесткого, словно наждак, снега, утер им лицо. Видение исчезло, но оставило после себя жуткую головную боль.

С севера снова налетел мощный порыв ветра — вернулась метель. Теперь она усиливалась с каждой минутой. Ледяной, беспощадный ветер окутал разведчика, отчего парня еще сильнее затрясло.

Санни кое-как встал и медленно-медленно двинулся дальше. Разведчик силился разглядеть впереди аванпост, но буря не позволяла сделать это. За сплошной стеной снега, непрерывно падающего с неба, нельзя было разглядеть ничего дальше, чем на десять шагов. Парень продолжал упорно шагать вперед, но на очередном шаге силы покинули его.

Беспомощное тело упало в глубокий снег, и метель тут же присыпала разведчика белым саваном.

«Спи, спи вечно!» — завывал ветер.

Окоченевшее тело, укутанное снегом, так и осталось лежать посреди камней в сотне метров от безымянного аванпоста.

***

Стоны, крики, плачь, вой. В воздухе висела легкая взвесь пыли, поднявшейся от разрушенной крепостной стены. Удушливо, но так сладко и пьяняще пахло смертью, кровью, разорванными внутренностями и испражнениями врагов.

Человек в черном меховом плаще остановился посреди крепостного двора. Стряхнул с воротника несуществующую грязь, поправил капюшон, полностью скрывающий лицо, и носком сапога отшвырнул в сторону чьи-то еще теплые кишки. Ргош обернулся и с одобрением взглянул на своих воинов. Они добивали последних егерей.

Мужчина в плаще поудобнее перехватил посох и торопливо зашагал к входу в захваченную крепость. То тут, то там в грязном, окровавленном снегу валялись изувеченные тела, конечности и внутренности воинов. В том числе и его воинов!

Колдун был недоволен. Он негодовал от злобы, и в такт его негодованию пульсировал и подрагивал, словно кусок еще теплой плоти, кристалл в навершие посоха. Человек в плаще злился лишь от того, что потерял полтора десятка своих лучших воинов. Ведь он рассчитывал, что защитники крепости дрогнут в первые же минуты боя, но все вышло иначе. Егеря продержались намного дольше и доставили столько хлопот. Достойные противники, однако, колдуну было на это плевать. Павшие воины интересовали его так же, как давно протухшее гнилое мясо. Они и были для него мясом, досадной помехой на пути.

А еще колдун был зол на себя. Он промедлил, когда нужно было сразу проявить Силу и прихлопнуть этих насекомых. В первую очередь этого мага-недоучку. Или кто он там? Хотя и это не интересовало колдуна. Все вышло так, как вышло, главное, что цель достигнута. Теперь же человек в меховом плаще спешил осмотреть захваченную крепость.

Ргош, не обращая внимания на стоны раненых, прошагал по валяющимся на земле внутренним крепостным воротам и нырнул во мрак каменного коридора. Тут царил хаос. Разбросанные повсюду корзины с припасами смешивались с грязью, кровавым снегом и остатками тел. В коридоре еще сильнее воняло кровью и испражнениями. Видимо тут уже прошелся Зверь!

Колдун оказался прав. Сначала из-за поворота донесся безумный крик боли и ужаса, а потом показался и сам монстр. Он волочил за ногу израненного егеря. Воин извивался, скулил, захлебывался слезами и соплями.

Зверь остановился, зыркнул на колдуна и глухо зарычал.

— Ты не признал хозяина? Успокойся, эта добыча по праву твоя! Я не претендую на это мясо, — тихо произнес мужчина.

Зверь склонил голову и отступил к стене. Колдун отправился дальше, и когда он уже прошел несколько десятков шагов, за его спиной, наконец, раздался вопль обреченного, терзаемого острыми клыками воина. Вопль полный отчаянья, обиды и нежелания подышать здесь и сейчас. Это доставило мужчине колоссальное удовольствие.

Поплутав по нижним ярусам крепости, колдун, наконец, добрался до самого верхнего. Преодолея недлинный переход и остановился перед входом, ведущим в центральную башню. Мужчина осторожно потянул за резную, покрытую ином ручку. Дверь оказалась не заперта, и человек в черном плаще шагнул за порог.

В башне было холодно. На месте единственного окна теперь зиял неровный пролом, через который нанесло уже немало снега. В помещении гулял злой, студёный ветер. Внезапно из дальнего угла донесся тихий стон. Колдун резко обернулся, осторожно пошел на звук. Среди снега и осколков камней он обнаружил еще одно тело.

Воин был еще жив. Старческое лицо сплошь залито кровью, пыльная одежда разорвана, рядом валяется меховая накидка. Колдун присмотрелся к старику, прислушался и даже принялся, но не ощутил и капли страха. От раненого воняло лишь противной энергией эфира.

— О-хо-хо! — разразился хриплым смехом колдун. Его позабавила увиденная картина, и он решил развлечься напоследок: — Так вот кто виновник моих сегодняшних неудач! Ты, мерзкий повелитель эфира.

Израненный демонолог лишь усмехнулся. Он хотел ответить колдуну, но затих, когда по стенам заметались густые тени.

— О, я смотрю, ты ждешь гостей?! — злорадствовал мужчина в плаще. — Смотри-ка, демоны пришли по твою душу. И что ты теперь сможешь им противопоставить, а? Ублюдочный демонолог, крохобор! Грязный червь, не достойный жизни! Как вы вообще выживаете с таким скудным запасом Сил?

— Как можем, так и выживаем... — прохрипел мастер Вингут. — Не думай, что ты победил! Я все равно вздул тебя сегодня... — он всем сердцем верил, что Санни доберется до заставы и предупредит обо всем командующего Ольтера.

Демонолог потянулся к ближайшему потоку энергии в надежде огородить себя эфирным щитом. Однако колдун почувствовал это. Он вскинул руку и провел ей по воздуху, будто бы погладил незримую горизонтальную поверхность. Тут же мощнейший ментальный удар сокрушил сознание демонолога, лишил Вингута возможности двигаться и касаться эфира.

— Не обольщайся старик. Мой приход — это только начало. Скоро придет Хозяин Клинков и ни одна ваша армия не справится с ним.

В одно мгновение безразличие демонолога сменилось на дикий ужас. Ужас, от которого затряслись внутренности. Это легко читалось по взгляду Вингута.

— Вижу, ты понимаешь, о чем и о ком идет речь. Достоин уважения! Даже такое жалкое ничтожество не забывает старых легенд и пророчеств, — колдун усмехнулся. Он намеренно издевался над поверженным врагом и откровенно упивался этим. — Но открою тебе еще один маленький секрет: Он придет не один, а со своим братом...

— Железяка... — прошептал демонолог.

— Что? — колдун не расслышал последнее слово.

— Железяка! — громко повторил Вингут. Его больше не интересовали издевки Колдуна.

— Что?!! — заорал мужчина в плаще. — Как ты смеешь произносить это неуважительное прозвище? Его зовут Хозяин Механизмов!

— Мне плевать! — еле слышно ответил демонолог. Он держался на пределе своих сил. Из носа и ушей снова пошла кровь, в груди бушевал пожар, а раны кровоточили все сильнее.

Колдун, трясаясь от злости, со всего размаха вогнал посох в грудь демонолога и выдернул обратно. Кровь хлынула на пол, заструилась по рваной одежде мастера Вингута. Ргош еще дважды вогнал посох в тело демонолога, посмотрел в его глаза и неторопливо помочился на жуткие раны.

Вингут был еще жив, когда тени демонов набросились на него и начали терзать плоть и душу. Ргош, потеряв всякий интерес к еще живому куску мяса, покинул зал. Он знал, что демонолог совсем скоро подохнет в жутких муках.

Глава 1. Алаэн Дербидж. Метель

5419 год, начало первого месяца зимы

Север королевства Маркаун, леса Элькхевен, егерская застава, сторожка Бэна

Я весь обратился в слух. Не двигался и еле-еле дышал, чтобы не пропустить ни звука. Для этого пришлось приложить все силы, но и это не помогло. Сквозь дикие завывания ветра никакой другой отзвук пробиться не мог. Ни ржание лошадей, ни голоса, ни хруст снега, ничего другого не было слышно. Лишь метель.

Она разыгралась пару дней назад и застигла нас на половине пути к сторожке Бэна. Беспощадная вьюга, как и обычно, пришла с севера и принесла с собой настоящую зиму. Давно пора, ведь не за горами уже середина первого месяца зимы.

Я аккуратно, так, чтобы ничего не шаркнуло и не скрипнуло, приподнялся на руках и поудобнее устроился на топчане. Время близилось к полуночи, но спать не хотелось вовсе. Я повыше натянул одеяло, сшитое из меховых шкур, и снова прислушался. Тишина окутывала сторожку изнутри, однако в следующее мгновение она была нарушена: Пекарь громко всхрапнул, зачмокал губами, хмыкнул и снова затих. Я продолжил слушать.

За надежными бревенчатыми стенами бесновалась метель. Она барабанила в маленькие оконца сторожки, ломилась в двери, бушевала на крыше. После каждой безуспешной попытки проникнуть в дом, метель хватала горсть снега и швыряла его в разные стороны. В какой-то момент мне показалось, что стихия все-таки добьется своего: ветер с ужасным свистом и воем налетел на стены так, что в общей избе задребезжало старое мутное стекло. Я плотнее закутался в одеяло и обхватил себя за бока, чтобы не выпускать тепло.

Чуть слышно скрипнула дверь в сенях, едва различимо хлопнула дверь, ведущая в общую избу, и в темноте бесшумно промелькнула еле заметная тень. Через несколько мгновений в камине у дальней стены снова разгорелось пламя. Значит, Рон не забыл о своих обязанностях. Конечно, поддерживать огонь мог бы и я, но не хотелось то и дело вставать, шуметь, будить товарищей. Так же приход Рона означал, что время полночь, и скоро должен вернуться патрульный отряд. Парень делал все правильно, он заботился о том, чтобы патрульные егеря пришли в тепло.

Да, в такую погоду ребятам на улице приходится не сладко. Четверо парней из первого отряда сейчас наводят порядок на маленькой конюшне, готовят лошадей к скорому выходу, проверяют повозки, подбивают и смазывают полозья. Вторая четверка охраняет периметр сторожки и хлопочет по дому. Третий отряд патрулирует местность к западу отсюда и подходы к западной тропе. Наш отряд отсыпается.

Пламя в камине взревело. Видимо Рон не пожалел дров и решил протопить как следует. Я прикрыл глаза и решил все-таки покемарить. Приятно полежать вот так, в полусне, послушать грозные завывания ветра за окном, чувствуя тепло печи.

Через несколько минут в избе стало жарко. Это почувствовал и Пекарь, заворочался. Следом за ним на другой бок перевернулся Эд, заерзал на кровати Джалек. Скорее всего, парни просто выспались, привычка спать по пять часов, выработанная за долгие годы службы, брала свое.

Я не двигался, не хотел вставать с уютной лежанки. Еще немного, всего пару минут... Эх, и вот так каждый раз. Однако вылезать из тепла все же придется — служба есть служба. Ежедневное патрулирование входит в обязанности каждого егеря, с этим ничего не

поделаешь. Да и никто не старается что-то делать, не отлынивает. Каждый понимает всю значимость этой работы. Да, можно полениться один день, можно даже пару. Казалось бы: что в этом такого, ну, не вышли в патрулирование сегодня, не вышли завтра, и что? Ничего же не произойдет за пару дней. С одной стороны все выглядит логично и вполне оправданно, вот только все егеря давным-давно научены горьким опытом, что минутная слабость, несобранность и расхлябанность порождают лень. Лень же в свою очередь порождает беспечность, беспечность — потерю контроля, а потеря контроля тут, в лесах Элькхевена, приводит только к смерти. Второго не дано.

Да, на севере с дисциплиной строго. Я помню старые байки о том, как небольшой отряд Вечун, или каких-нибудь Аламетов за ночь вырезал целую роту егерей. Возможно, это были всего лишь байки, не имеющие ничего общего с правдой, да вот только подобную историю я слышал и из первых уст. Как-то раз, в один из самых морозных вечеров Пекарь перебрал с медовухой и поведал нам историю о том, как отряд из двух десятков варваров вырезал за ночь его родную деревню. Рассказ вышел печальным. Выжил только сам Пекарь, да его старший сын, жена и дочь были зарублены и, скорее всего, съедены северянами. Больше об этой истории мужчина не вспоминал, но я ее запомнил накрепко.

Снова хлопнула дверь в сенях. Заунывно запела метель, и в общую избу потянуло холодом. Раздались приглушенные голоса на кухне. Рядом со мной закричал, завозился на лежанке Пекарь. Пора вставать.

— А ну поднимайтесь, хватит дрыхнуть! Лентяи! — дребезжащим голосом рявкнул командир нашей четверки. — Поднимайтесь олухи, все на свете проспали! Давай-давай.

Да, Пекарь, как глава отряда, был интересным человеком. И мать и отец, и судья и палач, и приказчик и надзиратель, но что не говори — мужик справедливый и правильный. А в таких ситуациях, как сейчас, еще и хохмач.

— Эх, орясина, дылда ты бесталанная! Просыпайся, Эд, — не унимался Пекарь. Раздался смачный шлепок.

— Бать, ты чего? — послышался густой бас с соседнего топчана. Видимо отец знатно приложил сыну по загривку.

— Проснулся? Давай, продирай глазоньки! А коли враг на пороге? Да вот если прямо под окном? Уж почитай и мечи с топорами наточили, а ты все дрыхнешь. Приходи, да режь тебя тепленького... Ладно, вставай сын. Хе-хе! — задорно рассмеялся Пекарь.

— Доброе утро, Ториш. Доброе утро, Эд. Доброе утро Эл, — раздался безразличный и тихий голос с самого дальнего лежака.

— Доброе, доброе, Джалек! — Ехидно ответил Пекарь. — Да вот только не утро, а полночь.

Южанин ничего не ответил. Молча встал с топчана, накинул шерстяную безрукавку и отправился на кухню.

— Ну, пора и нам подкрепиться перед выходом. Эл, ты как, проснулся?

— Ага, иду уже, — ответил я и улыбнулся. Вообще-то меня зовут Алаэн, но друзья привыкли сокращать мое имя до простого — Эл. Я не против этого. В конце концов, практически у всех остальных егерей есть прозвища, только Джалека обделили. Но тут как-то сразу не задалось. То ли все боялись скрытного, черноглазого и бледнолицего южанина, то ли просто не могли придумать ничего подходящего, но этот вопрос оставался для меня тайной. Как, впрочем, и сам Джалек. О нем вообще мало что было известно. Кто он на самом деле, откуда родом и зачем прибил к егерям — непонятно. Ясны только две вещи:

он откуда-то с юга и отлично владеет любимым оружием. Сам южанин не многословен, и о себе рассказывать не спешит.

Пекарь смылся на кухню и наводил шум уже там:

— Ну, хозяин, чем кормить будешь?

— Вы бы сначала постели застелили! — раздался другой голос. — Да умылись бы, пока вода горячая, а там уж и позавтракаете.

— Давай-ка, сын, займись! — распорядился Пекарь.

В комнату вошел сонный Эд и начал застилать свою постель. Я решил помочь парню и между делом спросил:

— Что, Бэн опять не в духе?

— А когда он был в духе? — ответил Пекарь-младший. Это такое прозвище у Эда. —хлопот полно, а тут еще эта метель.

— Да, погодка та еще.

— Вот и я про что. Доколе так мести будет, то к завтрашнему вечеру и не выберешься отсюда. Да и обозам с провизией не подойти.

— Ну, у Бэна-то всегда запас на год вперед, так что с припасами проблем особых не будет, — не согласился я.

— Не скажи, Эл, не скажи! Смотря, как дальше пойдет. Я вот помню, еще совсем пацаном был, а жили мы тогда в Нижних Притоках, отец держал мельницу, да пекарню, почитай и единственную в округе. До границы с Вебаром таких не было! Так вот, лето тогда выдалось — хоть пой и пляши от радости. Батя говорил, что уж на пару лет хлеба запасли, да с избытком еще. А как зима грянула, да как завернула, что до самой весны просвета не видно было, так и положили все зубы на полку. Еле-еле до лета дотянули. Так что всякое бывает.

— Бывает, — согласился я.

— Ну, вы чего там? — рявкнул с кухни Ториш. — Во Мрак что ли кровати ушли заправлять, аль на Небеса?

— Ага, напрямую Троиим прислуживают! — хохотнул Бэн.

— Идем, батя, идем! — поспешно откликнулся Эд. Я устроил последнюю постель, и мы пошли завтракать.

На кухне было светло. Масляные лампадки, развешанные по углам, хоть и чадили, но давали достаточно света. На столе нас ждало козье молоко, белый клеклый хлеб и козий же сыр. Мы умылись и принялись за еду. Бэн, казалось, потерял к нам всякий интерес и теперь занимался шинковкой овощей и нарезкой баранины.

В сенях раздались торопливые шаги, и через пару секунд в дом вбежал парень из второго отряда. Он притулил в углу пустую деревянную бадью, принялся и спросил:

— Ты, Бэн, никак вкуснятину нам какую-то готовишь?

— Ага, овощи тушеные с мясом. Слышал про такое? — насмешливо спросил хозяин сторожки.

— Да, вроде...

— Ты пороссятам корма дал? — Перебил Бэн.

— А как же!

— Что они?

— А! Едят да нахваливают. Только что добавки не просят.

— Угу... Давай-ка, отнеси на конюшню пару мешков овса, да подсоби там мужикам, а потом к столу давайте, уж замерзли поди все.

Парень кивнул и убежал на улицу. Бэн тем временем открыл печку, степенно разложил полотенце на шестке и неторопливо достал ухватом объемный глиняный горшок. По кухне тут же разлился восхитительный аромат.

— М-м-м, картошечка тушеная, да со свиной! — облизнулся Эд.

— Ха, младшему бы только пожрать! — Подивился Бэн.

— А чего?! Зачем сынка срамишь? Растущий организм, етить его, и все такое. Ты ему бадью вон ту накладывай, так он и съест! — хохмил Ториш. — Ешь, ешь, не слушай этих-то.

Заулыбался даже всегда и ко всему равнодушный Джалек. Я хохотал в голос, не забывая, конечно же, уплетать картошку с нежнейшим мясом.

В коридоре снова раздались шаги. Дверь приоткрылась, и в щель заглянула косматая, с заиндевевшей бородой и усами, голова сержанта. Командующий всеми четырьмя отрядами егерей спросил:

— Проснулись? Давайте жрите быстрее и в патрулирование собирайтесь! Третий отряд возвращается, — сержант недобро зыркнул на всех, поплотнее прикрыл дверь и убежал в ночь.

За окном, среди завывания ветра, теперь можно было различить громкие, суетливые голоса. Это вернулись двое разведчиков. Видимо, они и доложили о возвращении патрульного отряда.

Мы быстро доели и начали сборы. Все четверо облачились в вязанные, шерстяные свитера и безрукавки, плотные штаны и меховые сапоги, отделанные грубой кожей. Пекарь и Эд повязали на поясицы шерстяные платки — оба берегли спины. Джалек же обмотал всю голову таким платком, оставив снаружи только глаза да нос. Я такой вещицей не пользовался за ненадобностью. Натянул меховую шапку, накинул полушубок и начал прилаживать широкий пояс с ромфеей. Этот меч — семейная реликвия, доставшаяся мне в наследство от отца. Я очень люблю это оружие. Удобное, с тридцати сантиметровой рукоятью и восьмидесяти сантиметровым однолезвийным, слегка изогнутым клинком, заточенным на внутреннем изгибе. Оно было очень эффективным в плотной рубке или хаотической свалке, и ни разу не подводило меня. Еще я взял короткое копье, но это уже больше для прикрытия, так, на всякий случай.

Джалек устраивал на спине заплечные ножны с неизменным минкурским ятаганом и, также, припас копье. Пекарь заткнул за пояс широченный топор, а Эд закрепил на поясе ножны с простым палахом. Так же отец и сын не забыли и про неизменные четырехзарядные арбалеты с автоматическим механизмом подачи болтов. Вот уж, пожалуй, настоящее чудо, которое совершили маркаунские оружейные мастера. И еще большее чудо то, что вытворяли эти два егеря с диковинным оружием. Когда арбалеты были надежно спрятаны в походных мешках, отец и сын закинули на спины простые луки и колчаны со стрелами. Естественно для прикрытия.

Наконец, когда все закончили сборы, Пекарь спросил:

— Ну, что, все готовы? Эд, что с припасами?

— Все готово! — ответил Эд. Он как раз распахивал по заплечным мешкам свертки с вяленным мясом, нутовыми котлетами, сыром, луком и прочей мелочью.

— Отлично. Тогда выдвигаемся!

Снаружи царствовала метель. Стоило нам только покинуть сторожку, как мы оказались в полной власти непогоды. Мороз был не сильный, но все портил ледяной ветер, с легкостью пробиравшийся сквозь слои теплой одежды.

Рядом с конюшной толпились недавно прибывшие парни из третьего отряда. Сержант был там же и выслушивал доклад командира отряда Ланца. Пекарь отправился принимать патрулирование. Он обменялся несколькими фразами с командиром третьего отряда, выслушал короткую речь сержанта и вернулся к нам.

— Пойдем по западной тропе, — сообщил Ториш. — Недалеко. После свернем на юг и, в обход Болотищ, двинем на восток.

Никто не возражал, видимо на изменение маршрута были свои причины.

Двинули молча. Передо мной замаячили меховые шапки товарищей. Я, по обыкновению, шел замыкающим, слушал, наблюдал, запоминал. В центре отряда — Пекарь, во главе — Джалек. Эд, как всегда, обходящий. Он шел с боку, иногда кружил неподалеку, изредка куда-то убегал, но всегда двигался в одном и том же темпе с патрулем.

Необычный малый этот сын Пекаря. На первый взгляд он может показаться простоватым, недалеким и даже глуповатым. Все благодаря сочетанию большого роста, могучего телосложения, простоватого выражения лица и наивного взгляда. Однако на самом деле Эд совсем другой. Осторожный, наблюдательный, не по годам рассудительный, а что самое важное — идеальный разведчик. Главнейшее из качеств для егеря. Когда это необходимо, Эд может двигаться совершенно беззвучно, хоть по лесу, хоть по полю, что в снег, что в дождь. Я не знаю, как у него это выходит. Возможно привычка. Ведь он всю свою жизнь прожил в лесах Элькхевена. А это что-то да значит.

Леса эти меняют человека. В лучшую или в худшую сторону — не важно. Важно то, что все ненужные навыки и привычки уходят за ненадобностью, а остаются лишь способности, необходимы для выживания. Да, умение выживать, вот что здесь главное.

По западной тропе мы отмахали приличное расстояние — лиги три точно. Метель сделала свое дело и неторопливо начала отступать. Снег, толстенным ковром укрывший лес, перестал падать с прохуdivшегося неба, ветер стал мягче, но усилился мороз. Меня, Ториша и Эда это никоим образом не беспокоило, а вот на Джалека смотреть было больно. Южанин, несмотря на пять лет, проведенных на севере, никак не мог привыкнуть к стуже. Он постоянно кутался в высокий ворот полушубка и с трудом переставлял ноги в глубоком, иногда доходившем до колен, снегу. Однако ни разу не пожаловался и не попросил устроить привал.

Еще через лигу Ториш сменил Джалека и пошел первым. Будто бы из ниоткуда, из ближайшего ельника вынырнул Эд.

— Ну, как обстановка? — спросил Пекарь.

— Тихо все... — ответил Эд. — Отец, мы уже почти пять лиг на запад прошли, я тут неподалеку даже свежие следы третьего отряда нашел. Тут все спокойно, чего мы ищем?

— Цыть, не спорь с батеи. Ищем — значит надо, — строго сказал Ториш.

— Младший дело говорит, — вдруг сказал Джалек. — Что произошло?

— Сами почувствуете... если ребятам из третьего отряда, конечно, не почудилось... — ответил Пекарь. — Все, двинули дальше.

Небо над головой окончательно прояснилось, стих ветер, высыпали звезды, а тонкий рожок растущего месяца тускло освещал округу. Заискрился под неярким ночным светом снег. Мы уже не шли строго на запад, а постепенно отклонялись к югу. Лес тут становился гуще, непролазнее. Широленные еловые лапы свисали все ниже, ветви буков и дубов сплетались в причудливые формы, напоминающие сети или паучьи тенета. Со временем стало темнее, стусились лесные тени, и даже неровный свет месяца теперь не пробивался

под кроны древних деревьев. Зато снега тут было намного меньше. Он едва доходил до щиколоток.

Джалек приободрился и снова пошел во главе отряда. Вскоре мы забрались в дебри. Завалы из гнилых стволов и груд хвороста перегородили нам путь. Мы взяли курс на юго-восток и, по моим прикидкам, двинулись напрямик к Болотищам. Я сразу же предупредил об этом Пекаря.

— Свернем на восток раньше, перед первыми трясинами. Есть там одно приметное местечко, граница, так сказать, болот, — у меня не было причин не верить Торишу.

Южанин уверенно и спокойно вел нас через чащобу, вот только мне почему-то было тревожно. Что-то беспокоило. Возможно, внезапно наступившая тишина? Может быть нечто иное. Я пока сам не мог разобраться в ощущениях.

Снова бесшумно появился Эд. В его глазах я увидел беспокойство, однако парень промолчал. Вскоре забеспокоился и Джалек, начал озираться, принохиваться. Чувствуя неладное, южанин преобразился и напоминал теперь опасную ядовитую змею. Спокойным оставался только Ториш. Спокойным, но внимательным и напряженным как тетива.

Теперь мы двигались на юг. Нам еще несколько раз попадались следы, предположительно третьего отряда, но я уже не был так уверен. С каждой сотней шагов напряжение нарастало. К морозному воздуху, напоенному ароматом хвои, теперь примешивался новый, едва уловимый запах. Я почувствовал это совсем недавно.

— Джалек, сворачивай вон к тому ельнику. Привал! — внезапно скомандовал Пекарь. Мы свернули и расположились под разлапистыми, зелеными ветвями. Под вековой елью было мало снега и, самое главное, очень много места.

Ториш молча достал полоску вяленого мяса и принялся задумчиво жевать. Мы последовали его примеру, однако молчание меня нервировало.

— Что тут происходит? — обратился я к Пекарю.

— Где тут? — спросил командир.

— Ну, тут, вокруг... — я обвел лесную поляну рукой.

— Жизнь... — философски заметил Пекарь.

— Я имею ввиду наше патрулирование, Ториш. Не прикидывайся.

— А что тебя не устраивает?

— Меня все устраивает. Просто я не могу понять, что происходит вокруг. Что происходит на западной тропе и здесь, у Болотищ.

— Кхм... В том-то и проблема, Эл. Никто не понимает. Вон посмотри на Эда: глаза, что два медяка, дрожит от напряжения, но тоже ничего уразуметь не может.

— И? — нетерпеливо спросил я.

— К сожалению я понимаю не больше вашего. Ланц с третьего отряда рассказал о неладном. Они сегодня как раз уже возвращались в сторожку и столкнулись вот с этим... — Пекарь неопределенно махнул рукой в сторону Болотищ. — Парни тоже ни демона не поняли. Поплутали тут, обошли всю западную тропу еще раз, да и вернулись ни с чем. Ланц рассказал об этом сержанту и мне, вот поэтому мы и патрулируем не восточный подход, а тут. Что-то встревожило парней, да и вас, как я погляжу, тоже.

— Что-то неладное происходит! — подал голос Джалек. — Я чувствую еще какой-то запах...

— И я чувствую, вот только не могу понять что это! — подтвердил я. На самом деле запах был до боли знаком, однако же, понимание раз за разом ускользало от меня.

До боли знаком...

До боли...

— Вот гадство! И главное запах-то... м-м-м... как будто... нет, не вспомню, — озвучил свое мнение Эд, до этого усердно набивавший рот козьим сыром, нутом и луком.

— Ладно, чего гадать? Нужно дальше двигаться, — подытожил Пекарь.

— Дальше — это куда? — спросил я.

— На юг. До Болотищ. Если к этому времени ничего не найдем, то свернем, как я и говорил, на восток.

— Да, знать бы еще, что искать... — протянул я.

Повисло молчание. Внезапно снова заговорил Джалек.

— Я думаю нужно идти на запах. У него ведь есть свое направление.

Все недоуменно уставились на южанина.

— Я знаю в этом толк, смогу провести.

— Ну, коли так — веди, — легко согласился командир отряда.

Слегка перекусив, мы двинули дальше. Теперь шли быстро, уверенно и молча. Я полностью сосредоточился на запахе, а он, в свою очередь, стал занозой в моем мозгу. Такие знакомые нотки, они никак не хотели складываться в общую картину и дать мне ответ. Легкий аромат меда, можжевельника, шиповника, корицы, имбиря и дикой малины. Такое ощущение, что летним знойным вечером я оказался дома. Будто бы после жаркой бани сидишь в тени могучих лип и попиваешь что-нибудь прохладное.

Меня пробрал озноб. До самых костей, до самых внутренностей. Медовуха! Запах, не дававший мне все это время покоя, был ничем иным, как ароматом медовухи! Напиток, так любимый как тут, на севере, так и в моих краях. Медовуха!

Меня трясло. Я понимал, что медовухе тут взяться неоткуда. Дело принимало дурные обороты! Слишком дурные, но и молчать нельзя.

— Могур, — тихо, но уверенно сказал я.

Перестал скрипеть снег под ногами, стих легкий ветерок, игравший с высокими кронами елей и сосен. Наш отряд остановился. Все смотрели на меня, Пекарь — пристальней всех. Я изо всех сил постарался, чтобы он не заметил в моих глазах ни капли страха или отчаянья.

— С чего ты решил? — наконец спросил Ториш.

— Запах. Я, наконец, вспомнил его. Так пахнет медовуха!

— Откуда бы ей тут взяться... — с пониманием протянул Эд.

— Вот и я о чем. А кроме медовухи так пахнуть может только Могур. Вы же помните?

Все дружно кивнули. Такое не забывается. Я сам себе удивляюсь, как смог отрешиться от этих страшных воспоминаний. Однако правду говорят, что судьба — злодейка. Сегодня то, что я годами пытался забыть, чуть не сыграло с нами злую шутку.

— Значит шатун... — с облегчением протянул Пекарь. — По крайней мере, теперь ясно, что так насторожило ребят Ланца.

— Отлично! Оказывается, что все это время мы ищем медведя-шатуна. Не было печали! — Эд теперь казался еще больше встревоженным. — Что делать будем?

— Я бы на твоём месте держал наготове арбалет, — безразлично ответил Джалек.

— Да что он против Могура? Только раззадорит больше... — растерянно бормотал Эд, однако арбалет с плеча снял и взвел спусковой механизм. Примеру сына последовал и Пекарь, вздохнул и твердо сказал:

— Что ж, выбора у нас все равно нет. Пойдем на запах дальше. Джалек, веди.

Южанин повел. Постепенно мы все круче забирали на юго-восток и все ближе подходили к Болотищам. Снова начала разыгрываться метель. Пока еще несильные порывы ветра легонько хороводили легкий пушистый снег, робко трогали густые еловые лапы, будоражили макушки исполинских вязов.

Мы заторопились. Видимо Джалек боялся, что метель развеет запахи. Внезапно южанин остановился, да так резко, что Ториш чуть не врезался в его спину. Я тоже замер, прислушался. Ничего.

— Тут запах будто бы расходится, — сказал Джалек.

— Это как? — не понял Пекарь.

— Ну, один шлейф тянется прямо, а второй тут сворачивает на восток.

Я принялся. Слова Джалека походили на правду. Обойдя Пекаря и Южанина, я прошел вперед, покрутился на месте.

— Тут запах слабее... По-моему... — сделал вывод я.

— Проверить все равно необходимо. — Парировал Джалек.

— Так, ладно, — поднял руки вверх Пекарь, тем самым приказывая нам замолчать. — Согласен, проверить надо, но все вместе мы туда не потащимся. Джалек, ты с Эдом отправляйся на юг, проверь, что там к чему и сразу назад. Мы с Алаэном осмотримся тут. Не задерживайтесь, не уходите слишком далеко и, ради Троиш, не рискуйте понапрасну... Вдвоем Могура не одолеть! Все ясно? Эд, тебя это в первую очередь касается.

Сын Пекаря выбрался из зарослей высокого можжевельника, кивнул и последовал за угрюмым южанином. Мы с Торишем остались на распутье.

— Давай-ка и мы осмотримся, — предложил Пекарь. Я кивнул и нырнул под могучие ветви древних дубов. Командир нашей четверки следовал за мной.

Мы пошли по кругу. Миновали завал из сухостоя и вышли к зарослям орешника, растущего по краю неглубокого, но довольно длинного оврага. Я начал осторожно спускаться. Снега на склоне было много, поэтому приходилось прилагать много усилий, чтобы не завязнуть или, не дай Трое, скатиться вниз. Я справился без проблем, а вот Пекарю не повезло: практически у самого дна оврага он увяз в снегу и брякнулся лицом вниз. Я подбежал к командиру и начал вытаскивать его.

— Ну, ты как? — спросил я.

— Нормально... — прохрипел Ториш. Он смахнул снег с лица, ворота и шапки, и уселся прямо в сугроб. — Как с горки скатился. Хех, м-да! Ты сам-то как?

Я непонимающе взглянул на Пекаря.

— Ну, Могур и все это... Такое ощущение, что история повторяется, — уточнил Ториш.

— Только обстоятельства другие. По крайней мере, теперь я готов.

— Это хорошо, это правильно... Ладно, нечего тут... Пошли дальше.

Обойдя выбранный участок леса, мы быстро вернулись назад. Вскоре затрещали ветки, послышался хруст снега, шаги. Это Джалек с Эдом возвращаются и шумят специально, чтобы мы их ненароком не подстрелили.

Егеря выбрались из зарослей и направились к нам. Южанин кивнул Эду, и тот начал торопливо рассказывать:

— Мы нашли берлогу! Там, — Эд махнул на юг, — запах и, правда, ослабел. Мы прошли дальше и наткнулись на следы, а потом и на берлогу. Кто-то растревожил Могура! Но это было давно...

— Стой! То есть ты хочешь сказать, что медведь вовсе и не шатун? — ошарашено спросил я.

— Я об этом как раз и говорю! Кто-то специально разбудил зверя...

— И кому-то не очень повезло... — мрачно заметил Джалек. — У берлоги я почувствовал запах крови. Не только медвежьей, но и человеческой.

— Да, но тел-то мы так и не нашли! — возразил Эд.

— Могур мог утащить их, — предположил Пекарь.

— Возможно, — согласился Джалек. — Я думаю так же. Ведь запах мы почуяли далеко от берлоги. Медведь успел побегать по лесу. Мне кажется, что он сначала пошел на север, потом вернулся и подался на восток. Иначе я никак не могу объяснить, что его запах сохранился до сих пор так отчетливо. Скорее всего, где-то по пути Могур спрятал тела, а может и съел.

— Не стоит отбрасывать тот вариант, что медведя гоняли по лесу... И загнали, — сказал я.

— В любом случае обстоятельства изменились, — подвел итог Ториш. — Медведя разбудили насильно и пытались убить... или уже убили, не суть. А это, как вы помните, прямое нарушение закона об убийстве редких животных. Могура, если он не шатун, убивать нельзя. Видимо в наши края снова пожаловали браконьеры.

Все понуро молчали. Расклад — хуже некуда. С одной стороны злой зверь, а с другой вооруженные, готовые убивать и давным-давно прожженные жизнью мужики. Хотя, сейчас первый вариант казался мне мене опасным. Могур все-таки не простой медведь. Эта порода отличается умом и наличием мало-мальски развитого разума. Просто так Могур не нападает на людей и в обычное время практически не опасен. Кроме зимы. Хуже всего если старый зверь к концу осени не ляжет в спячку! Тогда он быстро сходит с ума и зимой превращается в очень агрессивного и нападающего на все что движется шатуна. В таком случае Могур может напасть и разорить даже целую деревню. С молодыми особями такое редко случается, они очень спокойны.

Пекарь окинул нас строгим взглядом и продолжил:

— Мы пойдем дальше и найдем медведя... ну, или его убийц. Теперь нас выведут следы...

— Сомневаюсь! — перебил командира Джалек. — Все следы перепутаны, некоторые занесены снегом. Теперь уже и не поймешь, какие из них свежие.

— В любом случае мы попытаемся! — отрезал Пекарь. — К тому же ты можешь вести нас по запаху.

Южанин кивнул.

— Ну, чего тогда расселись? Двигаем дальше!

Глава 2. Алаэн Дербидж. Перед рассветом

5419 год, начало первого месяца зимы

Леса Элькхевен

Близилось утро, но было все так же темно. До первых лучей солнца еще далеко, однако впереди брезжил свет. Красноватые блики отражались от снега и танцевали на обледенелых стволах деревьев. Не смотря на сильный ветер и густой снегопад, костер все же горел, хоть и неровным, мечущимся из стороны в сторону, светом.

Мы уже около получаса наблюдали за охотниками, засевшими в небольшой ложбине. Их было восемь человек, и они очень беспечно себя вели: даже не удосужились выставить часовых. Но это только их проблемы. Охотники жгли костер, вольготно расположившись на поляне, поэтому обнаружить их не составило труда. Браконьеры... похоже Ториш был прав.

Как и предполагал Пекарь, запах должен был привести нас к цели. Он привел нас сюда, на край овражка, со всех сторон поросшего могучими деревьями. Чем не цель? Тем более, теперь все складывалось в целостную и предельно понятную картину: охотники намеренно выкурили Могура из берлоги, загнали и убили зверя. В этом я оказался прав. Оставался открытым только один вопрос — как браконьеры дотащили мертвого медведя сюда? Хотя, они ведь могли все спланировать: устроить ловушку в этом овраге, найти берлогу Могура, разбудить его и, став как бы приманкой, привести зверя в западню! Как вариант — возможно. На деле же, скорее всего, трудновыполнимо. При такой «охоте» без потерь не обойтись. Интересно, скольких потеряли охотники?

Нет, к демонам! Меня это не волнует. Не смотря ни на что, мне жалко медведя. Вымирающий вид. Из-за ценного меха и спокойного характера они долгое время были желанной добычей для любого охотника. Лет пятьдесят назад, когда Могуров еще не охраняли, на этих зверей собирали целые охотничьи рейды. Медведей убивали десятками, а то и сотнями, убивали до тех пор, пока королевские лесничие не схватились за голову. Могуров осталось всего пара десятков. Тогда-то и решено было вверить охрану этих животных егерям.

От размышлений меня отвлек вернувшийся Эд. Он ловкой змеей скользнул меж сосновых ветвей, низко стелящихся над землей, и бесшумно нырнул в снег рядом со мной. Вся шапка и лицо паренька были покрыты инеем. Даже юношеская щетина, которую Эд старательно растил, чтобы казаться взрослее, в мелких ледяных крупинках. Парень пристально следил за костром.

— Ну, что там? — шепотом спросил Пекарь.

— Тихо. Никого вокруг, все у костра, — ответил Эд.

— Да, в такую-то погоду хороший хозяин собаку из дома не выпускает, — пожившись, высказался Ториш.

— Ну, эти-то свое по лесу набегали. У южной оконечности оврага много следов. Видимо там они уходили и там же возвращались обратно. Я немного пошарил там, но ничего не нашел, видел, вроде, только какую-то яму. Дальше заходить не стал, мало ли.

— Это правильно. Светиться пока не стоит. Понаблюдаем...

Шепот отца и сына стих. Я принялся быстро растирать озябшие руки. От холода не спасали даже шерстяные варежки и перчатки под ними. Хотя, что там руки — замерзло все! Да, валяться в снегу то еще удовольствие. Нужно было, все-таки, прихватить с собой какой-

нибудь теплый шарф, хоть лицо бы укрыл. Только теперь-то что горевать. Эх, сейчас бы к костру, согреться, ну или, хотя бы, поесть. Но это все потом. Сейчас мое внимание было сосредоточено на браконьерах.

У костра наметилось движение. Двое браконьеров поднялись со своих мест, подхватили мечи и нырнули в лес.

— Ага, патрульных засылают, — заметил Эд.

— Точно, — подтвердил Ториш.

— Что делать будем? Может, прихлопнем поодиночке? — спросил сын Пекаря. Глаза парня засветились азартом и предвкушением битвы.

— Не суетись. Дергаться раньше времени не будем, а то эти заподозрят неладное, хватятся искать. Или с места снимутся, да сбегут, лови их потом по всему Элькхевену. Нет, мы по-другому сделаем. Сами к ним в руки придем. Заодно и убедимся, что это они мишку завалили. А то мало ли, может эти-то вообще не причем.

— Да они это! Тут и сомневаться нечего... Только вот где медведь! — вспыхнул Эд.

— Тихо! — шикнул на сына Пекарь. — То-то и оно, что Могура мы так и не видели.

— Ну, и что ты тогда предлагаешь? — встрял я в разговор.

— Так. Сделаем вот как. Ты, Эд, скрываешься в лесу. Только броди рядом, да посматривай, если заваруха начнется — ты знаешь что делать... В общем не мне тебя учить. Мы же трое выходим к патрулю... Ах, да, Эд, прихвати-ка мой арбалет. Не время пока светить дорогушками побрякушками.

— А ты?

— Я-то и топориком справлюсь, если что! — улыбнулся Пекарь.

Эд забрал арбалет отца и скрылся в ельнике, а мы, стараясь как можно громче шуметь, пошли вдоль оврага, но так, чтобы нас не было видно у костра. Вскоре, впереди услышали треск ветвей и хруст снега.

— Эй, кто там лезет? Стоять на месте! — раздался грубый голос из зарослей. Мы остановились.

— Неужто кто живой тут есть?! — наигранно удивился Пекарь. Нам же шепотом сказал: — Помните, мы — охотники. Заблудились. Идем из Селушек. Все. Говорить буду я, а вы помалкивайте, а коли что — поддакивайте.

— Есть, есть... да не про вашу честь! Кто такой? — проорал патрульный.

— Ох, милоч, охотнички мы! Да токма заблудились. Пурга сучья, будь она неладна... Едрить ее в горло!

— Так ты там не один? Сколько вас?

— Да трое, сынок, трое! Так, замерзли! — плаксиво крикнул Ториш.

— Гусь, тут пришлые! — крикнул патрульный. — Чего делать-то?

— Да я уж слышу! Тащите их сюда... идиоты хреновы! — раздался громкий, гнусавый голос из оврага.

Через пару секунд к нам вышел первый часовой. Он остановился, подозрительно осмотрел нас и крикнул в темноту:

— Брайт, ты далеко?

— Да тут я уже! — совсем рядом раздался еще один голос. Через заросли орешника ломился низкорослый мужичок в рваном, кое-где зашитом цветными лоскутами, тулупе и вязаной шапке, натянутой по самые глаза.

— Ну, чего пялишься, узкоглазик?! — злобно спросил Джалека второй браконьер. По-

восточному раскосые глаза южанина грозно сощурились и остановились на мужичке. Ноздри егеря бешено раздувались. Я незаметно пихнул товарища локтем в бок. Джалек успокоился, но, по лицу видно, ничего не забыл.

— А ну давай, топай! — подтолкнул Пекаря кулаком в спину первый часовой. — Не заставляй Гуся ждать, он этого ох как не любит.

Я, поддерживая Ториша под локоть, помог спуститься по пологому заснеженному склону. Джалек шел за нами следом, двое браконьеров спускались последними.

— Вот так вот! Ну и ну! К нам гости пожаловали! — дребезжащим, противным, но вроде как, добродушным голосом протянул высокий, тощеватый мужчина, сидящий на бревне в самом центре поляны. Видимо это и был тот самый Гусь. А что, очень даже похож: длинная, тонкая шея, чуть приплюснутая голова; маленькие, злобные глазенки, мелкий нос и широченный губастый рот. Да еще этот противный голос... Точно гусь!

— Ну, что ж. Проходите к нашему костру, раз такое дело, — еще более ласковым голосом сказал главарь браконьеров и указал рукой на свободное бревно. Ага, знаем такое: мягко стелет, жестко спат! Но надо отдать должное Гусю — играет роль добродушного хозяина он отлично.

Мы шагнули на поляну, ярко освещенную пламенем костра, и двинулись к свободному месту. Хм, эти охотники не дураки, уже успели подготовиться. Освободили бревно у дальнего края поляны, а местечко-то отличное. Мы все трое будем у них как на ладони, и никуда не дернешься. Хотя, нам это и не нужно.

Несмотря на добродушные слова Гуся, на поляне царило напряжение, прямо витало в воздухе. Я тут же смекнул, что будь мы на самом деле простыми охотниками, нас бы не выпустили живыми отсюда. Судя по внимательным и суровым лицам браконьеров, они уже все решили — нас в расход!

Мы расселись у костра, положили копья и луки рядом. Повисло тяжелое молчанье. Вдруг Гусь заговорил все также приторно любезно:

— Ну, рассказывайте, кто такие, откуда?

— Так я ж и говорю, мил человек, охотники мы. Да только заплутали. Как из Селушек вышли, так в метель, почитай, и попали. Потерялись вот, — ответил Ториш.

— Да, далековато вас занесло! — удивился Гусь.

— Далековато? Так а что это за места? — озадаченно спросил Пекарь.

— Северная окраина Болотищ. Тут уж Подборье недалече!

— Подборье... А вы сами, случаем, не оттуда?

— Ага, оттуда, — ответил Гусь.

— От ить! Ну и свезло же нам, ребятки! — это уже Ториш к нам обратился. — Значит прям туда и двинем... У меня ведь там друг живет! Маруш кличут. Знаете такого? Поди должны знать.

— А как не знать? Староста он теперь у нас там!

— Маруш-то? Да иди ты! От ить, а?! Ну мужик — железный характер, — кудахтал Пекарь.

Ай да Ториш! Складно чешет наш командир. Да как умело! Во вранье так мастерски правду вплетать. Хотя, тут нам по большей части повезло. Обстоятельства сошлись так, что браконьеры оказались из знакомой Торишу деревни. Да это и не мудрено: за свою нелегкую жизнь Пекарь много где побывал.

— Значит из Селушек... — протянул Гусь. — А в Подборье чего делал?

— Да дела давние, да семейные... Теща у моей женушки там жила, чтоб ей в гробу подскочить да лоб об доски расшибить, шельма противозная! Вот, бывалочи, по лету и ездили. А как померла теща, так и не были. Уж, почитай, годков десять.

— Ясно. А много ли с вами других охотников было? — как бы между делом спросил браконьер.

— Только мы втроем. Сынка-то я еще не беру на промысел. Маловат еще. А другие мужики кто дрова заготовливать уехал, кто пьет... Погода-то...

Гусь еще о чем-то расспрашивал Ториша, а тот охотно отвечал. Да что там отвечал — болтал напропалую! Я перестал слушать пустой треп и еще больше начал присматриваться к браконьерам. В первую очередь все к тому же Гусю.

Главарь браконьеров так же сидел на бревне в центре поляны и кутался под меховой накидкой. Вон как мило улыбается, ну прямо гостеприимный хозяин, а сам еле заметно шевелит руками под мохнатым покрывалом, будто прячет там что-то. Скорее всего, короткий мощный арбалет. А что очень удобно. Не надо вставать, поворачиваться, тратить лишние секунды. Просто направил в нашу сторону и жди, а если что, то прямо от бедра и стрельнуть можно, все равно кого-то из нас зацепит.

Я перевел взгляд на правую сторону поляны. Рядом со старым пнем беспорядочной кучей лежало оружие. Два щита, меч, топор и недлинное копье с листовидным лезвием и металлической поперечной планкой под ним. Этаким распор, которым можно остановить нарвавшегося на копье зверя. Например, медведя. Как вариант. Оружие это, по-видимому, уже ничейное, так как все браконьеры вооружены. Значит, охотники потеряли как минимум троих бойцов, пока загоняли Могура, а оружие павших товарищей все-таки подобрали.

Мой взгляд упал на остальных браконьеров. Типичные головорезы, отребье! Лица всех без исключения были в шрамах, а некоторые и вовсе изувечены. Один из охотников имел и вовсе ужасный вид. Мужчина был похож на демона! Правое ухо изорвано и заострено, вдоль всего лба тянется глубокий жуткий шрам, а кончик носа и вовсе срублен, открывая на всеобщее обозрение две продолговатые мерзкие ноздри.

Моя наблюдательность, отточенная за долгие годы службы егерем, позволила мне подметить все оружие охотников, запомнить их расположение, а также возможные пути отхода и атаки. Еще я прикинул варианты развития событий. Расклад был явно не в нашу пользу. Браконьеры расположились так, чтобы сразу взять нас в клещи и прижать к деревьям, тогда перебить нас будет проще простого. На руку охотникам играл и численный перевес, и узкий овраг, окруженный пологими спусками, заваленными снегом. Все на стороне этих мразей! Вот только и у нас в рукаве есть козырь. Жаль, что всего лишь один, но я все равно надеялся на него.

От наблюдения меня отвлек хрип. Он больше походил на рычанье, но сразу же превратился в кашель. Это захрипел браконьер сидевший дальше всех от нас.

— Эй, Боб, чего опять началось?! — жестко спросил Гусь.

— Все нормально, я... — Боб опять закашлялся, покраснел и ослабил коричневые, гниловаты зубы. — В норме...

— Не вздумай у меня тут расхвораться. Я с тобой нянчиться не буду! — Гусь, казалось, поставил ультиматум, который ни в коем случае нельзя нарушать. Приболевший браконьер кивнул, успокоился.

— Так вот, — Пекарь продолжил, видимо, прерванный разговор, за которым я давно перестал следить, — на куницу-то всегда к Низкому ходили, а теперь, почитай, как отрезало.

То ли перебили всех, то ли мигрировали куда — не поймешь.

— Да брось! Куница там и до сих пор водится...

— Пойду отолью! — Джалек внезапно прервал разговор Ториша и Гуся. Южанин поднялся и, не обращая ни на кого внимания, ушел в темноту. В сторону южной оконечности оврага. Недавно кашлявший Боб дернулся, было, следом, но главарь браконьеров еле заметно махнул рукой. Боб остался на месте.

Ториш проводил взглядом Джалек и сказал:

— Так о чем бишь это я? А, да! Свояк мой говорил: нету там куницы. Выдра, ондатра, выхухоль. Куницы — нема.

— Да и демоны с ней. Больно мелковат зверь-то. Пока набьешь, пока мех обделаешь... Тьфу! Не выгода, а кошачьи слезы, — подытожил Гусь.

Повисла неловкая пауза. Все браконьеры теперь смотрели на нас. Пекарь поерзал на бревне и смущенно сказал:

— Ну, чего? Тут перекусим или уже до Подборья потерпим?

— Потерпим, — хмуро сказал я. Пекарь кивнул.

— А что, ребятки, вы когда домой-то думаете возвращаться? — снова входя в роль, спросил Ториш.

— Не скоро, отец, — ответил Гусь. Пекарь вздохнул, покивал.

Сзади раздался хруст снега. На поляну, в свет костра, вышел Джалек и остановился. Садиться он не спешил.

— Ну, пора нам! Погрелись у костра, да и честь знать надо, — Ториш встал со своего места, я последовал его примеру.

— А что, посидели бы еще... — протянул Гусь.

— Нет уж, хватит. Спасибо вам, хозяева за очаг, а только и стеснять других мы не привычные.

Я сделал незаметный шаг и сместился Пекарю за спину.

— Ну, как знаете!

— Да уж, пойдём.

Я легонько прихватил Ториша за полушубок. Командир поправил заплечную сумку.

— Как вы его сюда дотащили? — Вдруг спросил Джалек.

— Кого? — изумился Гусь.

— Могура...

Гусь дернулся и в ту же секунду тренькнул арбалет. Я упал на правый бок, утянув за собой Пекаря. Болт прошелестел в десяти сантиметрах от нас. Джалек отпрыгнул за бревно. Южанин молниеносно вскинул ятаган и выписал им невообразимый пируэт, отбив метательный нож. Браконьер с обрубленным носом метнул следующий, но мимо. Третьего шанса убийце Джалек не дал. Призрачной тенью метнулся вперед и разрубил горе-охотнику лицо напополам.

Я поспешил товарищу на помощь. Перескочил поднимающегося на колени Пекаря и, пригнувшись, бросился вперед. На меня ринулся здоровенный детина с двумя топорами. Я стремительно поднырнул под первый рубящий удар и врезался плечом врагу в живот. Браконьер перелетел через меня и грузно брякнулся сзади. Я, не останавливаясь, помчался вперед. На меня неслись двое. Пришло время обнажить ромфею!

Не успел я сделать и взмаха, как двое убийц упали замертво с болтами в затылках. Где-то в темноте, за деревьями, еще раз стукнул четырехзарядный арбалет, и браконьер за моей

спиной тоже получил смертоносный заряд.

Джалек крутился, словно волчок, уже у костра. Он сражался сразу с двоими. Пекарь, поднявшийся все-таки на ноги, сцепился с кашлявшим Бобом. Мне оставался только Гусь, который уже достал припрятанную за бревном глефу. Это оружие я заметил и был готов.

Противник стоял не двигаясь, выжидал. Пытался подловить меня. Но я-то знаю эти приемы, сам изредка пользуюсь глефой, как вторым оружием. Ну, будем играть по его же правилам! Я остановился, но тут же ринулся в атаку. Гусь предсказуемо ткнул в меня глефой. Я увернулся влево и тут же рубанул мечом снизу. Враг крутанул оружием и древком отбил лезвие ромфеи. Не став медлить, браконьер полоснул наотмашь, и тут уж мне пришлось блокировать. Удар был мощным, и я отступил на шаг, резко качнулся в сторону и боковым ударом попытался достать Гуся. Очередной блок. Начался классический боевой танец. Смертельный танец, ведь один из нас все равно умрет. Жутковато, как, впрочем, и всегда.

Удар, блок, хитрый финт! Сместиться в сторону, уклониться, поднырнуть под удар! Попытка зайти со спины и... новая серия атак. Да, этот противник оказался искусным бойцом. Видна отличная подготовка и серьезная фехтовальная школа за плечами.

Новый взмах, и я еле-еле успеваю увернуться. Лезвие глефы прошелестело всего в паре сантиметров от моего лица.

Быстро меняю стойку и резкими короткими взмахами полосую браконьера. Тот, используя глефу вместо шеста, блокирует удары. Вот настырный ублюдок!

Гусь ловко и стремительно раскрутил оружие над головой. Глефа набрала приличную скорость и теперь двигалась по инерции. Браконьеру оставалось только направлять оружие. А вот мне приходилось несладко. Я не мог подступиться к Гусю. Приходилось сидеть в глухой обороне и постоянно двигаться. Снег, вперемишку с прошлогодней мерзлой листвой, летел из-под ног.

Рубящий удар сверху, коварный выпад, тычок в лицо! Подсечка древком глефы! Я чудом успел подпрыгнуть. И снова: низкий рубящий удар, оттяжка, тычок! Мне насилу удавалось блокировать. Однако с каждым ударом натиск Гуся слабел — браконьер выдохся.

Внезапно меня сотряс и опрокинул набок мощный удар. Земля, снег, деревья, костер вращались перед глазами с бешеной скоростью. В следующую секунду круговерть прекратилась, и я обнаружил на себе Пекаря. Командир ошалело и потеряно вращал глазами лежа на мне. Гусь стремительно кинулся к нам. Четвертый раз стукнул арбалет. Гусь запнулся и плашмя упал в снег с торчащим в шее болтом.

Арбалет стукнул в темноте в пятый раз. Боб, так удачно сбивший Пекаря и меня заодно, опередил смертоносный болт всего лишь на шаг. Браконьер как раз бросился к нам. Мы с Пекарем на пару бросились навстречу врагу.

— Сам! — прорычал Пекарь. Я не стал мешать командиру и устремился на помощь Джалеку.

Южанин так и не успел разобраться со своими противниками. Он как раз атаковал двоих браконьеров. Тех самых патрульных, которые привели нас на эту поляну. Долговязый охотник переключился с Джалека на меня. Теперь мы полностью сровняли шансы — один к одному. Эд, засевший в лесу, не в счет: он не рискнет стрелять пока мы в плотном контакте с врагом. Хотя к Пекарю-младшему как раз претензий нет. Он реализовал все данные ему шансы.

Долговязый прикрылся легким щитом и начал отчаянно полосовать палашом. Я, по

большей части уклонялся от ударов и бил по ногам. Браконьер умело отбивал щитом мои удары. Я сменил тактику и ударил ромфеей будто топором. Изогнутое лезвие, заточенное с внутренней стороны, разрубило щит до половины и засело в нем. Я дернул оружие на себя. Щит противника отлетел в сторону, освободив ромфею. Крутанувшись, я без проблем срубил голову браконьеру. Тело грузно упало на землю. Обрубок шеи, фонтанируя кровью, заливал снег, превращая его в бурое, грязное месиво.

Я хотел, было, броситься на помощь Джалеку, но южанин и сам справился. Он как раз всадил ятаган противнику в живот. На руку товарища хлестала кровь и обжигающая жидкость из внутренних органов. Южанин, не винимая клинка из раны начал потрошить врага. От живота и до глотки. Браконьер не кричал, его била частая дрожь.

— Ну, и кто тут узкоглазик? А ну-ка повтори... — ядовито спросил Джалек, глядя умирающему браконьеру прямо в глаза. Южанин отомстил за недавнее оскорбление!

Я бросился к Пекарю. Положение командира было плачевным: Боб, не так давно кашлявший и вообще казавшийся больным, держал Ториша за глотку. Егерь хрипел, дергал ногами, но освободиться не мог. Боб смотрел на Пекаря красными глазами и хищно улыбался.

Внезапно раздался глухой удар, и последний браконьер свалился в снег. Из лесной тени показался Эд с арбалетом наперевес. Командир вырвался из захвата и сел рядом с Бобом. Ториш растирал горло, сипел и судорожно дышал.

— Ну... кх-кх-кх... ты, сына, как раз... вовремя! Кх-кх... Еще бы пару секунд и все... того батя, скопытился бы.

Эд лишь кивнул и уселся на бревно.

— Браконьера связать бы надо. Притащим в сторожку, а там уж разговорим, — предложил я.

— Само собой! — сказал Пекарь. Командир немного раздышался.

Джалек убрал в сторону оружие браконьера, скинул заплечную сумку, достал веревку. Внезапно оглушенный охотник затрясся, будто в припадке. На его губах выступила пена, из глотки донеслось утробное рычанье.

— Эд, ты, случаем, не перестарался? — спросил Джалек.

— Да я его тихонечко приложил, — обиженно отозвался парень.

Джалек потряс браконьера за плечо. Тот затих, но в следующую секунду резко взвился в прыжке и ударил южанина наотмашь. Егерь отлетел к костру. Обезумевший браконьер сбил с ног Эда и, рыча, бросился ко мне. Я рубанул ромфеей, а противник отмахнулся рукой, будто щитом. Брызнула кровь, отрубленная кисть браконьера отлетела в сторону. Однако нападавший не замечал боли и пер напролом.

Очухавшийся Эд выстрелил из арбалета. Болт пробил тело охотника насквозь. Браконьер обернулся и непонимающе уставился на Эда. Парень выстрелил еще раз. Заряд засел в глазнице противника, но не остановил его. Охотник зарычал, безумно захихикал, поптычьи заклекотал.

— Голову рубите! — заорал Джалек. Он уже пришел в себя и несся на помощь.

Ториш подхватил топор и рубанул что есть силы. В последнее мгновение браконьер успел выставить руку, и оружие Пекаря засело в плоти. Я стремительно подпрыгнул и обеими ногами сбил охотника с ног. Однако врага это не остановило. Он быстро вскочил на ноги, но и я не медлил — срубил голову противника одним махом.

Повисла тишина. Только жутко скалящаяся голова браконьера с тихим шорохом

прокатилась по снегу. Она остановилась. Единственный уцелевший глаз, лишенный зрачка и черный, как сам Мрак, уставился в светлеющее небо.

— Что это такое... было? — дрожащим голосом спросил Эд.

— Да уж... Ничего подобного в жизни не видел, — просипел Пекарь, — только слышал.

— Одержимый демоном, — ответил Джалек.

Я никогда не видел южанина таким напуганным, как сейчас.

Глава 3. Дин Бэйл. Перспективы

5419 год, последний месяц осени

Юг королевства Маркауна, Трангол

Дождь хлестал без перерыва. Третий месяц подряд. Казалось, что он даже и не думал прекращаться. Холодные, частые капли звонко барабанили по цеховой крыше, гудели в ущербном старинном водостоке, проникали во все возможные щели. На полу в углах, у прядильного станка и в самом центре помещения скопились небольшие лужицы, но подлатать кровлю никто не спешил.

По мутным, изгаженным мухами стеклам пробегали неровные дождевые волны. Дин печально взглянул в окно, но, как и обычно, ничего, кроме серой, давящей действительности, не увидел. Парень уже и забыл, когда последний раз светило солнце. Похоже, оно вообще никогда не заглядывало в эти края. По крайней мере, Дин не помнил таких времен. Хотя нет. Давным-давно, в беззаботном детстве, яркое солнце все же освещало лужайку под березами и овраг за домами. Однако это было так давно и, возможно, только в воображении парня...

Дин вздохнул, размял пальцы. Поудобнее перехватил колотушку и принялся дальше бить шерсть. Работа сама себя не сделает, а ее еще ой как много. Вчера на их фабрику поступил солидный заказ, а уже сегодня с утра ему натаскали шерсти. Воз и маленькая тележка! Десяток объемистых корзин, да еще прямо на пол валом накидали. Тут и до обеда не управиться.

Парень с остервенением работал колотушкой. Поскрипывал зубами.

«Эх, плюнуть бы на все, бросить это неблагодарное занятие и уйти! За что тут горбатиться? Даже спасибо не скажут! А план, хоть кровью обгадья, но выполни. Да, уж управляющий-то точно звонкую монету хапнет, да и мастер в накладе не останется, только мы, работяги, тут хуже говна. И ведь даже никакой прибавки не кинут... Э-э-х, взять бы да уйти! Вот только куда? Где работать, как на выживание зарабатывать?» — думал Дин, выполняя свою неинтересную, монотонную работу.

И правда: выбор работы в Транголе был невелик. Все мало-мальски значимые фабрики и предприятия тем или иным образом принадлежали бургомистру, а тот дал четкие указания своим управляющим платить зарплату по минимуму и везде одинаковую. Все горожане об этом знали, но молчали. А куда деваться? Вот и думай после этого: а стоит ли менять шило на мыло?

В Транголе вообще в последние годы происходили плохие, неприятные вещи. Бургомистр будто озверел и всячески затягивал гайки и ужесточал свою политику. То ли наглость его поперла через край, то ли долгое отсутствие королевских проверок сделали свое дело, но хозяин города чинил форменный беспредел. Видимо, чувствовал свою безнаказанность. Ну а что: уголь, руда и драгоценные камни из шахт под Транголом исправно и в срок поставляются в столицу. Король и крупные производственники центра довольны, а большего им и не надо. На самодурство бургомистра, при таком раскладе, можно и глаза закрыть.

Дин откинул на настил очередной готовый пласт шерсти, осмотрелся. На соседнем участке наметилось движение. Затих ручной пресс, перестали стрекотать прядильные станки.

— Перекур, мужики! — замахал руками мастер. — Сегодня по пятнадцать минут!

— Эй, какого хрена?! — заорал кто-то из работяг.

— Мужики, заказ большой, надо постараться. Чем быстрее сделаем, тем лучше!

— Ага, для тебя лучше. Ты начальству лизнешь, с тобой монетами поделятся. А нам чего? Дулю сосать?

— Заткни пасть, Эркен, и делай, что говорят. Я сказал пятнадцать минут, значит пятнадцать минут! — прошипел мастер.

Рабочие, гомоня, разбрелись по цеху.

— Дин, передохни! Пойдем, подышим дымком, — крикнул Оланд.

Дин не курил, но охотно пошел вместе со своим бывшим наставником.

В дальнем конце цеха былолюдно. Мужики пыхтели самокрутками, дымили самодельными трубками. В воздухе витал прогорклый, кисловатый запах дешевой мохорки и стоял гвалт десятка глоток. Дин уселся на ржавое, перевернутое вверх дном ведро и прислушался к разговорам.

— Ты слышал последние новости-то? — спросил один работяга другого.

— Это какие?

— Да утренние. Со вчерашнего вечера весь город на ушах стоит.

— Иди ты... Нет, не слышал!

— Ну ты и даешь! Говорят, что из Казематов какой-то заключенный сбежал.

— Да-да! — подключился к разговору третий мужик. — Сбежал и теперь на улицах такой кипеш устроил!

— Прямо из Казематов? Да ладно вам заливать-то! — не поверил их товарищ.

— Ну, мне не веришь, так вон у любого прохожего спроси!

— А чего мне спрашивать-то? Ну, допустим из Казематов, только вот чего ему в городе делать?

— Так, а ты сам покумекай. Куда ему, оборванцу с голой жопой да без гроша за пазухой идти? Чай не в леса бежать! Там он быстро с голодухи подохнет. А в городе — красота! Где украдет чего, где переночует. В городе-то выживать проще. И поспать есть где, и пожрать всегда найдется.

— Какой заключенный? Из каких Казематов? Чего вы несете? — встрял в беседу четвертый рабочий. — От тюрьмы до города лиги три, не меньше, а то и больше. И весь путь патрулями стражи перекрыт. Так и кишат через каждые сто метров. Тем более там сейчас из шахт уголь большими партиями везут, так вообще муха не проскочит. Внимание удвоили и шерстят каждый закуток, каждый кустик осматривают по три раза на дню. Нет, это вы про заключенного привираете. Говорят, в городе какой-то северянин буйствует! Словно берсерк какой. И никто его остановить не может.

— Что за северянин? — спросил второй работяга.

— Ну, вроде кто-то из егерей пожаловал. Да прямо с самих лесов Элькхевен. Говорят, сразу же упился до беспамятства и буйствовать начал! Местных обижает, всю стражу по щелчку пальцев раскидывает! В общем, обезумел да и наводит шорох в городе, — мужик хохотнул.

— Да, дела... — протянул первый рабочий. — Да и как тут не обезумеешь? Тут одичаешь! Поживи-ка столько в ледниках, да без доброго стакана медовухи, или самогонки! Ха! С ума точно сойдешь. Голыми руками всех рвать начнешь да зубами грызть.

Рабочие захохотали. Дин тоже улыбнулся. Зная натуры спорящих мужиков, парень был

не удивлен, что весь их разговор опять свелся к выпивке. Да и к чему он мог привести, если эти работяги каждый вечер уходили с рабочих мест никакие. Только сегодня что-то странное с ними творится: время уже к полудню близится, а от них даже не пахнет привычным дешевым пойлом.

— Эх, дурни вы! Головы бедовые! — решил вставить свое слово набожный мужичок, чье рабочее место было рядом с Дином. — Чего вы мелете-то? Услыхали бабские сплетни и ну скорей трепать. В городе-то демон объявился!

С новой силой грянул дружный хохот. Дин даже не улыбнулся.

— А ты все про свой конец света, богомольный? — отсмеявшись, спросил один из мужчин.

— Нет, — набычился мужичок. — Конец света еще не скоро, а демон в городе — это только его первый предвестник.

Собеседник обреченно махнул рукой и сказал:

— Ладно, чего из пустого в порожнее переливать? Вот к обеду Бигзи вернется и все расскажет. Он точно в курсе.

— А чего это? Где Бигзи-то?....

Дальше Дин слушать не стал. Поднялся с ржавого ведра и направился уже к своему рабочему месту, как его тормознул Оланд.

— Постой-ка, — сказал бывший наставник. — Разговор есть.

— Выкладывай, — с готовностью сказал Дин.

— Тут информация промелькнула, что наше начальство хочет приобрести еще один станок по прокату шерсти. В общем, хотят увеличить объем.

— Ну а мне что с того? Ни горячо ни холодно.

— Да ты дослушай сначала! Короче, я же тоже на таком станке работаю, и меня спросили, кто еще может с такой штуковиной управиться. Ну, вот я и порекомендовал тебя. Сказал, что ты парень толковый и все схватываешь на лету. А если что, то я тебя обучу, покажу что к чему.

— Хм... спасибо, конечно... — Дин не знал, что сказать Оланду. — Но зачем мне все это? У меня вон, работы непочатый край еще.

— Как зачем?! — возмутился Оланд. — Денег будешь больше получать на станке. Глядишь, и семье полегче станет, хоть с долгами рассчитаетесь.

— Спасибо... — хрипло бросил Дин. — Но мне пока еще никто ничего не предлагал. Спасибо еще раз, я тебя понял, на досуге подумаю над этим.

Оланд хлопнул паренька по плечу и ободряюще улыбнулся. Дин кивнул, отвернулся и, стараясь не заплакать, отправился работать.

Снова медленно и уныло потянулось время. Монотонно заухал пресс, зачирикала прядильная установка, поскрипывая деревянными рамками, позвякивая блестящими направляющими. Замелькала огромная тяжелая колотушка в руках Дина. В воздухе закружились мелкие остюльки и микроскопическая пыль, от которой постоянно хотелось чихать и кашлять. Легкие зудели от вредной грязной взвеси.

Дождь врзал с новой силой. Так, будто главной его целью было затопить весь мир до наступления зимы. Окружающая действительность за окнами исчезла, а на ее месте повисла темно-серая, густая хмарь. Она шевелилась, перетекала, бесновалась. Частыми волнами накатывались дождевые потоки и приглушенно грохотали по дырявой крыше.

Вуух! Вуух! Вуух!

Дин, не отвлекаясь от работы, все думал о словах Оланда и о его доброте. Бывший наставник, не смотря на прошедшие годы, всегда старался помогать семье Дина. По большей части из-за давних хороших отношений с отцом парня. Раньше они вместе работали в строительной бригаде и помогали друг другу строить собственные дома. Однако прошло время, а Оланд вот он, все такой же энергичный. Продолжает жить, зарабатывать хоть какие-то деньги и содержать семью. А вот отец Дина... Эх!

Парень еле сдержал слезы, побелел от злости. Ударил по шерсти так, что свело запястье. Несправедливо! Вот он, Дин, к примеру, горбатится, пытается на совесть сделать свою работу. А что имеет? Да ничего! Вон, ботинки давным-давно прохудились, а денег, чтобы купить новые, нет и не предвидится... Еще долги надо отдать, за старый дом уплатить и за то, что жилье в собственности находится. А денег нет... Нету... Совсем! Ни у него, ни у матери. Про отца и говорить нечего: все уже пропито.

«Где взять... Как... Что делать?! М-м-м-м... Так-так-так... Может грузчиком пойти во вторую смену? А что, на восточных угольных складах всегда нужны рабочие руки! Нет, некогда... Дома каждый день столько дел, что успевай только поворачиваться. Когда все успеть?» — мысли Дина пугались, сбивались. Нужно было еще столько всего сделать, столько всего запомнить, что голова шла кругом.

Вот если бы работал отец, парню жилось бы чуточку проще. Но отец Дина только пил напропалую. И было из-за чего. Сломала его жизнь. Так придавила, что камнем на дно пошел некогда отличный строитель, примерный отец и просто хороший человек. Да что там говорить?! Многие судьбы тогда пошли под откос, некоторые прямиком во Мрак. А случилось все, когда к власти пришел новый бургомистр и взялся за свои реформы. Повысил все налоги, ввел ту самую плату за занимаемую жилую площадь, а для тех, кто имел жилье в собственности, ввел дополнительный сбор.

Семье Дина не повезло вдвойне. Отец тогда только-только отстроил новенький дом. Большой, просторный. Когда в первый раз пришли сборщики налогов, да озвучили сумму, тут-то и схватились мать и отец за голову. Таких денег не было. Пришлось кое-что продать, сколько-то занять у родителей отца Дина. В итоге первый платеж они смогли отдать, но вот дальше... Становилось все тяжелей и тяжелей. Отец с каждым месяцем все больше и больше смурнел, отчаивался. Изредка начал напиваться.

Однако последней каплей, приведшей к катастрофе, стала сельскохозяйственная реформа бургомистра. Много жизней, семей и судеб она поломала, и большую часть деревень и сел в округе Трангола привела в упадок. Теперь с каждого земельного надела взималась двойная плата. Дополнительно нужно было платить, если хозяин участка использует не всю свою землю, а только какую-то часть. Ну, или если вообще ей не пользуется. С каждого плодового дерева — плата. С каждой головы, имеющейся в подворье, — плата. Так, буквально за какие-то два года, держать свое хозяйство в деревнях и селах стало невыгодно и даже убыточно.

Дед и бабушка Дина, родители отца, жили как раз близ Трангола, в селе под названием Баршак. Они владели большим участком земли, как и многие односельчане тогда, а также имели огромное поголовье всякого скота. Даже небольшое стадо коров у них было. Но вот когда ввели реформу, старшим родственникам Дина пришлось отдать сборщикам все свои деньги и даже сбережения, припрятанные на черный день. Все! До последнего гроша.

Дед Дина не выдержал. Одним летним утром он вышел в огород и выпил пузырек синильницы, которой обрабатывают посевы от жука-плодоеда. Умер старик прямо на

грядках. И случаев, подобных этому, было не перечислить. Многие тогда опустили на самое дно жизни, да так и не смогли оттуда подняться.

Все разом рухнуло и пошло под откос. Отец Дина запил, бросил работу и стал все чаще и чаще пропадать на улицах. Теперь он только и мог жаловаться на судьбу, на несправедливость и на беспредел бургомистра. Отец все время ныл и уже не мог вернуться к нормальной жизни. Что-то, что делает человека человеком, сломалось в нем.

Дин считал себя похожим на отца. Он сам себе казался слабым и таким же нытиком, жалующимся на судьбу, только, в отличие от отца, делающим это молча. Дин держал все в себе, не выплескивал эмоции наружу, не пил, пытался контролировать себя. Однако черная, темней, чем сама ночь, меланхолия давным-давно поглотила парня. Хомут безысходности затянулся на его шее. И парень смирился с этим.

В душе Дина властвовала злость на отца, но оставалась еще и любовь к нему. Ведь парень помнил те времена, когда отец был добрым, отзывчивым, заботливым и хозяйственным. А теперь превратился в потухшую, темную головешку. И от этого было еще гаже, еще тоскливее на душе Дина. Всем сердцем он жалел отца, потерявшего жизненный ориентир.

А дела бургомистра после реформирования быстро пошли в гору. Он, через верных себе людей, наоткрывал фабрик и производств, которые до сих пор процветают и приносят колоссальный доход главе города. Ну а как иначе? Ведь бургомистр был истинным политиком и понимал, что для развития собственного дела нужно задушить конкурентов, забрать их клиентов себе и установить монополию. На все. А уж условия для процветания дел кто как не он мог организовать в лучшем виде. Условия шоколадные да с карамельной начинкой внутри.

Бургомистр поступил очень хитро. Уничтожив сельское хозяйство, он получил дополнительную рабочую силу, причем очень дешевую. Куда было податься разоренным крестьянам? Правильно, идти на заработки в город. А там уж некуда деваться. Какие условия диктует работодатель, такие и примешь. На это и была сделана ставка. Ведь на простой люд власть имущим плевать. Никто никогда не беспокоится и не заботится о расходном материале. Особенно когда он неисчерпаем. Нечего даже и переживать. Бабы — дуры, рожают и рожают новых детей.

Глава 4. Алаэн Дербидж. Возвращение

5419 год, начало первого месяца зимы

Север королевства Маркауна, Леса Элькхевен

— Вот это красавец! — сержант искренне восхитился размерами мертвого Могура.

— Сержант Пайк, а это куда? — подбежал егерь из первого отряда. В одной руке он держал связку убитых тетеревов, а в другой — кроликов.

— Все в сторожку заберем! — махнул рукой сержант. Егерь убежал обратно.

— Да, медведь не молодой, но еще и не старый... Матерый зверь! — хрипло подтвердил Пекарь.

Все замолчали, рассматривая убитого Могура. Зверь лежал на дне ямы. Бок медведя был утыкан арбалетными болтами, а морда порезана в двух местах, но не это убило зверя. Ровно за ухом зияла почерневшая рана с запекшейся кровью по краям. Единственное место, ударив в которое можно с первого раза убить Могура.

— Значит, браконьеры и правда разбудили зверя, загнали в эту яму и уже тут убили его, — сержант Пайк покивал головой. Мое предположение подтвердилось. Еще вчера на рассвете.

Да, когда Джалек отлучался «отлить», он таки нашел яму с телом зверя. После того, как мы убили одержимого и осмотрели Могура, сразу отправились в сторожку Бэна. По прибытию доложили обо всем сержанту. Промолчали лишь об одержимом. Пайк не орал, не размахивал руками и никого не поднимал по тревоге. Он просто яростно сопел, скрежетал зубами и в бессильной злобе сжимал кулаки. Там и не поймешь: то ли он на себя злится, то ли на нас, или на браконьеров. А возможно на всех и сразу. Меньше всего Пайку нужен был мертвый Могур на подконтрольной территории. Разбирательств с королевскими лесничими не оберешься.

В общем, сержант, к моему глубокому удивлению, повел себя адекватно. Приказал нам поесть и ложиться отдыхать. Через несколько часов Пайк собрал все четыре отряда и повел нас на злополучную поляну. Командующий принял, наверное, единственно правильное решение. Он хотел, чтобы мы все засвидетельствовали убийство Могура браконьерами и осмотрели место происшествия. Ну и, конечно же, Пайк должен был убедиться во всем сам.

До оврага в лесной чаще, где все и произошло, мы добрались быстро. Благо теперь уже шли напрямик. Все егеря поочередно осмотрели яму со зверем и разбрелись по поляне. Рядом с мертвым медведем остались только мы впятером.

Разгорался новый рассвет. Метель закончилась еще вчера, и на небосвод выбиралось зимнее солнце. Крепчал мороз. Сегодня утром, по плану, мы должны были отправиться к северному рубежу лесов Элькхевен, но браконьеры спутали все наши карты. Поэтому мы вынуждены были отложить поход дня на два как минимум. Думаю, ребята из Последнего Патруля, возвращающиеся от Твердыни, простят нас за эту небольшую задержку. Ведь они-то должны понимать, что в пути может произойти все что угодно, а уж тем более у северных рубежей.

Сержант Пайк еще раз глянул на Могура, сморщился и приказал:

— Закопайте! — сержант кивнул на яму и неспешно отправился на поляну.

— Тьфу! Етить его налево! — выругался Пекарь. — Пошли, лопаты, что ли, поищем. Поди, не пальцами браконьеры землю шкребли.

Мы направились следом за сержантом.

— Чего вернулись, а?! — зло заорал Пайк.

— Так ить лопаты нужны... — мягко ответил Пекарь.

Сержант засопел, отвернулся. Принялся орать на других егерей, заставляя тех быстрее осматривать место и стаскивать в одну кучу все оружие.

Я принялся обходить поляну по кругу. Где-то тут вчера я видел кирку. Инструмент нашелся под ворохом шкур, пропахших немытыми телами. Там же были и выдавшие виды лопаты. Я схватил кирку и, сопя, направился обратно. К демонам все! К демонам. Мне больше не хотелось выслушивать глупую, беспричинную ругань сержанта и самому ругаться с ним. Будучи, по характеру своему, человеком бесконфликтным, я терпеть не могу словесные перепалки и стараюсь в них не участвовать. Нет, еще раз к демонам!

Вернувшись обратно, я сразу принялся за работу. Первым делом стал долбить смерзшийся земляной вал, лежавший у края ямы. Вернулись товарищи с лопатами и начали закапывать Могура. Мерзлые комья земли гулко бухали о бока зверя.

Я работал с остервенением, так чтобы пот заливал глаза. На душе было темно, муторно и тупо. Не знаю почему. Наверное, из-за такого дурного стечения обстоятельств: это ночное происшествие, одержимый и выкрутасы сержанта. Да еще и эта тревога, разрастающаяся где-то в груди. Какое-то мрачное предчувствие тревожило меня...

Уроды! Браконьеры эти... Пайк еще орет. Крыса, глупая крыса! Выслужиться он хотел, как же! Пообещал командующему Ольтеру, что патрулирование пройдет успешно и от Последней Твердыни мы вернемся раньше обычного. Лохматый идиот! Как можно о таком зарекаться?! Хотя, когда метишь в старшего разводящего — чего только не пообещаешь. Понятное дело: на такое местечко метит каждый, даже простой рядовой егерь. А что? Знай себе встречай патрули, принимай отчеты и раздавай новые маршрутные задания. Работенка не пыльная. Только вот зачем на нас срываться, в произошедшем ведь нет нашей вины...

— Эй, Торишь, ты там умер? — с поляны снова донесся голос Пайка.

— С чего вдруг? — не понял Пекарь.

— Чего возитесь? — громогласно прорычал сержант.

— Так закапываем...

— За это время можно половину Эльхевена перекопать!

— Так земля-то мороженная!

— Да какая мне хрен разница?!

Я разогнулся, крепче ухватил кирку, уставился на сержанта.

— Успокойся, Эл! — еле слышно прошипел Эд. Я размял затекшие ладони и снова принялся долбить заледеневшую землю. Пайк бросил на меня настороженный взгляд и пошел к куче уже собранного оружия.

— Придунок! — тихо заявил Эд.

— Да, но командир-то он, а не ты! — заметил Джалек.

— Вот в этом-то и вся херня. Знаешь сколько отрядов гибло из-за таких уродов? Паникер хренов... Он же теперь только и будет думать о том, как ему выкрутиться, а нам еще к Последней Твердыне идти, — разъярялся Пекарь-младший. — Пайк на повышение шел, а тут такое! Браконьеры на его участке, да еще и убийство редкого зверя. Считаю все! Тут только с одними королевскими лесничими разборки на полгода. Как в Нортмарк вернемся, так знай — сержант обязательно за отчеты да рапорта засядет.

— Ты мое слово помани, — сказал Ториш, — он еще в сторожке у Бэна депешу начнет

строчить.

Эд хохотнул. Мне было не до веселья. Упущенные возможности; шансы, перспективы и амбиции... Я, что есть силы, жажнул по смерзшимся комьям. Жалобно звякнул металл. Руки больно трягнуло отдачей. Я не останавливался. Молотил киркой так, чтобы руки начало ломить.

Вскоре со стороны поляны потянуло костром и чем-то горелым. Буд-то бы курицу палили. Однако в следующее мгновение я различил запах: горела человеческая плоть!

— Эй, чего это они там затеяли?! — встревожено спросил Эд.

— Трупы браконьеров сжигают, — хмуро ответил я.

— Так надо же было закопать! — взмутился сын Пекаря.

— Нет, тут Пайк сделал все верно, — сказал Джалек. — Лучше сжечь их, а то мало ли...

Разговор сразу же угас. Все вспомнили вчерашнюю ночь.

В овраге мы проторчали до полудня. Когда с ямой было покончено, отправились на поляну. Пришлось собирать хворост и сухой еловый лапник — костер никак не желал гореть, а обледеневшие тела браконьеров чуть тлели, разнося по округе тошнотворный запах. Когда, наконец, огонь заревел и взметнулся к макушкам деревьев, сержант приказал сортировать трофейное оружие, а сам уселся на бревно. Пайк, задумчиво глядя прямо перед собой, принялся жевать вяленое мясо. Переживает, падла. Да и как тут не переживать?!

Мы начали раскладывать по кучкам кинжалы, метательные ножи, простецкие топоры, секиры, мечи и щиты. Когда и с этим было покончено, сержант бодро спросил:

— Все? Ну, двинули в сторожку!

— Пайк, ты бы коней-то попрिдержал! — возмущенно сказал Ланц, командир третьего отряда. — Ребятам тоже перекусить следует. Всю ночь в пути, да еще тут корячились. Устали как-никак.

— Вот у Бэна и отдохнете!

— До него еще дойти надо! — встрял Пекарь. — Я своим парням голодать не дам. Путь не близкий, силы нужны.

— Да мы и так опаздываем! К северным рубежам в срок не успеваем! — заорал сержант.

— Ну, лишнее двадцать минут нас не задавят, — возразил Ланц. Остальные егеря одобрительно загомонили.

— Давайте, только быстро... — хмуро сказал Пайк.

Мы все принялись за еду. Я вяло жевал солонину вприкуску с луком и клеклым хлебом. Аппетита не было, как, в общем, и настроения. Помогало только пламя костра: оно хотя бы немного успокаивало. Но очень скоро тела догорели, и огонь стал затухать.

— Ну, что, братцы, подкрепились? — по-отечески участливо спросил Пекарь. — Можно и в путь выдвигаться.

Егеря утвердительно закивали, загомонили, стали спешно собираться. Пайк с ненавистью смотрел на Пекаря. Сержант никак не мог смириться с тем, что подчиненные уважают его меньше, чем Ториша.

Я похлопал Пекаря по плечу и тихо, но так, чтобы все слышали, сказал:

— Мы готовы, веди!

Пайк вскинулся, сурово зыркнул на всех и заорал:

— Построиться в колонну по два! По порядку отрядов! За мной шагом марш!

Мы знали свое дело. Не прошло и десяти секунд, как мы уже стояли ровным строем.

— Двинули! — скомандовал сержант.

Захрустел снег под ногами, застучали набойками по мерзлой земле сапоги, забряцало оружие.

Помимо своей ромфеи, я тащил на себе браконьерский щит и большой арбалет. Так же навьючил на себя небольшую связку с убитыми кроликами и парой тетеревов. Промысловое зверье, доставшееся нам от браконьеров. В сторожке Бэна все сгодиться.

Снег весело и задорно искрился под лучами заходящего солнца. Красиво! И тихо. Даже лес замер, любуясь этим спокойным зимним вечером. Мы шли быстро. Наш отряд — крайний в колонне, а я в нем замыкающий. Мне постоянно приходилось крутить головой, смотреть по сторонам, а еще чаще назад. Даже при большой численности отряда в лесах Элькхевена необходимо соблюдать осторожность.

Вон, не так далеко от нас в разлапистых ветвях сосны засела рысь. Наблюдает. Явно голодная, но на большой отряд нападать не спешит. Я наблюдал. Пока необходимости беспокоить отряд, нет.

Вскоре рысь слезла с дерева и опасливо пошла следом за нами. Я изредка видел ее силуэт, мелькавший среди зарослей орешника и можжевельника. Зверь боялся приближаться к отряду и всегда держался позади.

Внезапно, между нами и рысью промелькнула серо-черная тень. Она пересекла тропу и быстро скрылась в ельнике. Вскоре, где-то позади, недовольно, хрипло мяукнула рысь, отстала. Лесная кошка отступила перед более грозным хищником. Через некоторое время все та же тень снова промелькнула сзади, но теперь уже медленнее. Огромный, метра два ростом, волк всего на секунду остановился на тропе, втянул носом воздух, посмотрел мне в глаза, сощурился и приветственно вильнул хвостом. В следующее мгновение он скрылся в чащобе.

Зверь проходил довольно далеко от нас, поэтому остальные егеря не успели его заметить. Я, стараясь не шуметь и не привлекать к себе лишнего внимания, снял со связки двух кроликов и бросил их к ближайшим кустам. Волк, из-за своего непростого характера, будет идти за нами еще долго. Уж я-то его знаю! И он, в любом случае, найдет оставленное мной угощение. Пусть это и мелочь для зверя, всего на один укус, но мне для друзей ничего не жалко!

Глава 5. Луэннар Нуан'Наин. Разящее копье

5419 год, начало зимы

Думбар, Столица королевства — Дворец,

Луэннар устало оперся на резной подоконник. Невидящим взглядом уставился прямо перед собой. За окном раскинулся замерший лес. Деревья «уснули» совсем недавно — с приходом первого дня зимы. Все как обычно, но, как всегда, так неожиданно.

Луэннар каждый год с замиранием сердца наблюдал за тем, как это происходит. В последний день осени деревья были еще живыми, подвижными, а на следующее утро... Будто тело только что умершего эльфа: краски жизни еще не покинули его, осталась и свежесть кожи, и румянец на щеках, а дух уже исчез. То же самое произошло и с лесом. Теперь ни одна веточка не качнулась, ни один листочек не шелохнулся. Остались только яркие краски зеленого лета. Увы, прошедшего.

Вздохнув, Луэннар окинул тяжелым взглядом зеленое лесное море. Да, теперь оно замерло до следующей весны. В края эльфов пришла зимняя грусть. Скоро совсем нечему будет радоваться: затихнут песни адептов, смолкнут ситары менестрелей и поэтов. И только этот лес будет радовать своей вечной, хоть на некоторое время и «уснувшей», зеленью. Хвала Троице Богам. Хвала и вечная благодарность за этот древний дар вечной жизни.

Эльф убрал руки с подоконника, распрямился, размял затекшие плечи и шею. Устремил свой взгляд дальше на восток, поверх макушек Исполинских Дубов. Туда, куда полчаса назад отправились практически все члены Большого Совета. Все эти отпрыски знатных семей, представляющие их интересы в незначительных вопросах. Эти душные бюрократы и неспешные чиновники, торговцы, реагирующие только на слова «товар», «прибыль» и «выгода»; казначеи, больше похожие на вечно голодных сторожевых псов. Ну и, конечно же, самые влиятельные аристократы Думбара, надменные и древние как сам Армалот. Их лица до сих пор стояли перед глазами Луэннара. Умные, проницательные, умудренные опытом, просветленные, мудрые, честные. Но были среди них и алчные, жаждущие власти, жадные. Это не характерно для эльфов. Еще один тревожный звоночек. Еще один признак.

«Наконец-то они все ушли! — подумал Луэннар. — Семь с половиной часов одних разговоров, никаких действий! Да, это важно, но... Наконец-то они ушли».

Вся эта дипломатия, встречи и прочие формальности порядком утомляли эльфа.

— ... ты слушаешь, Луэннар?! — раздался голос отца.

Луэннар поморщился. Он с неохотой оторвался от своих размышлений, но только для того, чтобы переключиться на только что возникший, но пока еще тихий звук. Эльф прислушался. Звук перерос в низкое монотонное звучание, а то в свою очередь в прекрасную первую ноту песни. Красивые голоса адептов Троицы неспешно затянули праздничную песню. Песню в честь ежегодного Праздника Жизни. В этот день тысячи лет назад первый эльф ступил на эту землю.

Песня разрослась, заполнила собой нижние этажи королевского замка, улицы и все окрестности Дворца. Стихли разговоры в зале Большого Совета, и даже назойливый голос, обращенный к Луэннару, замолк. Все с замиранием сердца внимали чудесной мелодии. Ее звучание своим плавным течением уносило в невообразимые дали, в седые, древние времена.

Наконец, когда все сполна насладились песней, за спиной Луэннара снова раздался

надоедливый, скрипучий голос:

— Я не думаю, что наследному принцу подобает столь явно и открыто проявлять нетерпение и дерзость по отношению к членам совета. Такое поведение неприемлемо для сына эльфийского короля! — вкрадчиво сказал старший советник Талиган. — Или ты считаешь это нормальным, Луэннар?

Луэннар медленно отвернулся от окна. Окинул тяжелым взглядом зал Большого Совета, искусно вырезанный прямо в Исполинском Дубе. Все предметы и мебель тут были продолжением дерева.

— Я всецело поддерживаю советника, — с напускной небрежностью бросил главнокомандующий эльфийскими армиями Андарил.

Отец Луэннара, восседающий на простом резном троне, побарабанил пальцами по столу. Младший брат Каландир заерзал на своем месте.

Луэннар вздохнул и торопливо зашагал вокруг стола к своему месту.

— Нетерпение? Дерзость? — яростно спросил Луэннар. — Вы давно выбирались к южным или юго-западным аванпостам? Вы знаете, какая там обстановка?

— Я слышал... — сказал было Талиган, но тут же осекся: он зря так просто ответил сыну короля, но тот был слишком напорист.

— Мало слышать. Надо видеть самому! — воскликнул Луэннар.

— Все не так страшно, как ты описываешь, — возразил главнокомандующий Андарил.

— Пока не так страшно. Гоблины все чаще выбираются из своих нор в Рассветном хребте. Тролли теперь уже не по одному, а небольшими группами забираются в наши леса... Я же говорю — это еще один признак...

— Хватит, сын! — строго сказал король. — Мы уже это обсудили.

— Король Даэдросс, достойный потомок семьи Нуан'Наин, да продлят Трое его века, повидал и не такие времена. Он помнит еще войну, расколовшую Эльт. Вряд ли он не заметит возвращение старого врага... — проскрипел Талиган. — И да, что ты там говорил про очередной признак?

— Лица некоторых членов совета... Я заметил на них алчность, чрезмерную жажду власти, — ответил Луэннар.

— Сомневаться в советниках, значит сомневаться в короле! — вспыхнул главнокомандующий Андарил. — Твой сын, Даэдросс, слишком распустил язык. И лишь только Троим известно, как далеко зашли его мысли!

Король Даэдросс вздохнул, сцепил пальцы в замок, сказал:

— Повторяю: мы это обсудили. Да, я не отрицаю проблемы, но считаю, что пока она не критична. Так же я допускаю правоту сына на счет некоторых советников. Ведь всем нам известно, что наши старые враги действовали так всегда: затуманивали разум людей, эльфов, гномов, и с легкостью манипулировали ими.

Старший советник Талиган охнул, беззвучно, словно рыба, раскрыл рот. Король тем временем продолжил.

— Мы забыли об этом. Размякли за пять тысяч лет. Потеряли бдительность. Но... Я просто лишь допускаю такую возможность.

— Так нужно действовать, отец! — вскричал Луэннар.

— Мы действуем! — тихо, но строго сказал король.

— Как? Укрепляем аванпосты? Высылаем туда новых воинов? Этого не достаточно. Нам не запирается нужно, не затворничать, а выходит из своего леса и разведывать! Вышли

шпионов во все концы Армалота. Пусть они все разужнают...

— Нас раскроют, — хмуро сказал Даэдросс. — Эльфов давно не видели в мире, поэтому наше появление не останется незамеченным. Более того — оно будет выглядеть подозрительно. И если враг уже начал захватывать умы людей, то он сразу же обнаружит шпионов.

Луэннар тяжело откинулся на спинку стула. Отец был прав. Тупики. Кругом одни тупики!

— Но... — начал было Талиган, однако Даэдросс жестко прервал его.

— Вопрос закрыт!

Повисла гнетущая тишина. Луэннар обессилено откинул голову, поправил прядь белых волос, выбившуюся из густого, длинного хвоста, перехваченного простой серебряной цепочкой. Младший брат, Каландир, повторил движение за Луэннаром, поморщился. Его волосы были короткими, и только густая, светлая челка нет-нет да и свисала на глаза. Каландир еще не был воином и не имел права носить длинный хвост как у старшего брата. Это очень сильно задевало младшего эльфийского принца.

Тишина так и висела в зале Большого Совета, и никто из присутствующих не решался нарушить ее. Луэннар снова уставился в окно. Ему больше не хотелось говорить, да и слушать, в общем-то, тоже. Он все сказал. Сказал как есть. Озвучил все свои мысли.

Все! Пусть теперь мудрейшие этого мира думают сами. Ему было тошно, и только вид Исполнских Дубов и не менее величественных сэрутов успокаивал. Однако изредка Луэннар бросал мимолетный взгляд на оставшихся в зале советников отца. Главнокомандующий Андарил рассеяно водил указательным пальцем по отполированной столешнице и изучал лацкан своего парадного кафтана. Советник Талиган с напускным великим интересом изучал резную колонку, что соединяла пол и потолок зала.

Наконец Даэдросс нарушил тишину. Он аккуратно откашлялся и произнес:

— Я хочу решить последний вопрос на сегодня, после чего предлагаю завершить Большой Совет. Дела на востоке.

— Вам не дает покоя предложение уважаемого Эруаннона из великой семьи Кавенойнун? — учтиво спросил Талиган. В его голосе слышалась дрожь и, одновременно с этим, мед. Он боялся хоть чем-то оскорбить древнего Эруаннона, но еще больше боялся выказать малейшее неуважение к королю Даэдросу.

— Да. Эта история, как вы помните, тянется уже около четырех или пяти лет, — подтвердил Даэдросс.

— Пять, — уверенным и решительным голосом сказал Каландир. Талиган покосился на юношу и скривил лицо. К мнению Каландира, прожившего на этом свете всего восемьдесят лет, мало кто прислушивался. Тем более Талиган. Он вообще считал, что младшему принцу, этому вездесущему юнцу, тут не место.

— Спасибо за уточнение, Каландир, Сверкающий Меч! — язвительно произнес советник Талиган. Каландир не обратил внимания на издевку и лишь кивнул.

— Если короля интересует мое мнение, то я считаю, — сказал главнокомандующий Андарил, — что старейший Эруаннон слишком нетерпелив...

— И слишком многого хочет! — встрял в разговор Луэннар. Его эта тема волновала не меньше, чем обстановка с южными аванпостами.

— Для нас это не слишком много, — возразил отец Луэннара.

— Пока не много. Но в дальнейшем...

— Я уверен, что многоуважаемый Эруаннон хочет только процветания для эльфийского народа, поэтому мудро полагает, что очередная договоренность с империей Братства Озер будет полезна нам, — перебил Луэннара Талиган. — Тем более вопрос с Каутами стоит теперь как никогда остро... Вот явная и самая главная наша проблема, — Талиган с вызовом посмотрел на Луэннара.

Луэннар в очередной раз вздохнул. Да, Кауты, эти существа, с хитиновыми телами и пчелиными головами, тоже проблема. И это тоже признак.

— Итак, старейший Эруаннон говорит, что люди хотят построить большой аванпост на равнине Габбис между Рассветным и Кузнечным хребтом, — напомнил король Даэдросс.

— Да. Совместно с эльфами, — подтвердил Андарил. — Они просят сотню наших воинов, пять Исполинских Дубов и десять больших сэррутов, а так же... золото.

— Все верно. Но я считаю, что для начала нам нужны переговоры, — сказал король.

— Эруаннон уже вел переговоры с представителем людей! — взвился Талиган. — Зачем говорить одни и те же слова тысячу раз? Необходимо уже действовать. Проблема Каутов велика! Их больше не интересуют стада зируллов. Кауты собираются в большие отряды, нападают на поселения и поместья людей... Зачем нам очередные переговоры? Нужно действовать...

— Эруаннон общался с людьми, но не я, — жестко, даже зло сказал Даэдросс. — Я считаю, что нам нужно отправить в империю своего... представителя, — король выразительно посмотрел на Луэннара, а потом на Каландира.

Талиган скис, вскинул руки кверху и сказал:

— Мой совет вы слышали, и он неизменен.

— Пусть будет так, — согласился Даэдросс. — Что скажут оставшиеся члены совета?

— Я не со всем согласен, — спокойно сказал Луэннар. — Эруаннон хочет золота, это видно. И он готов устроить это, ведь не даром он ведет переговоры с империей. И если мы согласимся на условия Эруаннона, то вскоре наше золото и прочие богатства потекут в Братство Озер... А мы в сложившейся обстановке не можем так щедро разбрасываться ресурсами.

— Поэтому мы не будем соглашаться на условия старейшего Эруаннона! — жестко сказал отец Луэннара. — По этой причине я и хочу отправить на переговоры своего... представителя.

Даэдросс еще раз выразительно посмотрел сыну в глаза. Пристально, с намеком. И в этот момент Луэннар все понял. Хитрый замысел отца, решившего одним махом срубить два серрута, обрадовал и воодушевил принца.

Главнокомандующий Андарил покосился на поникшего Талигана, откашлялся и тихо произнес:

— Луэннар все правильно говорит, тут, признаюсь, я с ним полностью согласен. Так же я подписываюсь и под вашим решением, мой король. В этом деле, если уж мы возьмемся за него, необходим контроль. И контроль жесткий.

— Согласен! — кивнул Даэдросс. — Нам нужен представитель, полностью преданный мне. Заинтересованный в процветании эльфийского народа больше остальных, неподкупный. Представитель, скажем... из королевской семьи. Чистокровный Нуан'Наин!

Талиган тихо охнул.

— Согласен! — улыбнулся Луэннар.

Младший брат, Каландир, встревожено завозился на стуле.

— Поддерживаю, — коротко бросил Андарил. — Теперь осталось решить, на какие условия мы согласимся и кого пошлем в империю.

— Я считаю, — кивнул Даэдросс, — что с воинами мы менять ничего не будем. Пошлем сотню наших лучших солдат. По ресурсам: думаю, что с нашей стороны для строительства будет достаточно трех Исполинских Дубов и восемь сэррутов.

— С лихвой хватит! — согласился Андарил. — Я думаю, и число эльфийских воинов можно уменьшить.

— Не стоит, — возразил Даэдросс. — Люди, если я правильно понял Эруаннона, готовы выделить всего пятьдесят бойцов. Это мало, если учитывать их способности. Так не обеспечить необходимую защиту. Но в купе с нашей сотней это будет самый непреступный аванпост из всех, что когда-либо был... Я думаю, что люди не до конца понимают, какую силу получают в лице наших солдат.

— О да! — хищно улыбнулся Луэннар.

— Что еще остается? — спросил Даэдросс.

За массивной дверью зала Большого Совета послышался приглушенный шум. Раздались тихие голоса. Через мгновение все стихло.

— Золото, — ответил Андарил, — но это само собой разумеющееся. В остальном — все. Люди берут на себя вопрос с добычей и доставкой камня, закладкой фундамента и снабжением. Осталось только решить, кого мы пошлем на переговоры. Ведь не собираетесь же вы сами ехать?

— Нет, не собираюсь! Но и с этим вопросом я уже определился...

Каландир нервно откинул челку с волос. Луэннар еще сильнее заулыбался.

— Моим законным представителем, уполномоченным говорить от моего имени и изъявлять мою волю, — продолжил Даэдросс, — будет мой младший сын — Каландир. А сопровождать его и всячески помогать будет мой старший сын — Луэннар.

— Отец, это же ужасно скучно... — попытался возразить Каландир.

— Никаких возражений, сын! Тебе необходимо учиться, взрослеть и постигать хитрую науку — жизнь. И это будет твоим первым заданием.

Каландир понуро опустил плечи. Даэдросс тем временем обратился к Луэннару:

— Ну, а ты что скажешь?

— Я готов, отец. Каландиру, я чувствую, нужна будет помощь и, самое главное, защита. И тут уж лучше меня никто не справится. Я возьму с собой троих лучших воинов из моего отряда.

Даэдросс удовлетворенно кивнул, улыбнулся сыну. Вопросительно посмотрел на Андарила. Тот воодушевленно ответил:

— Я согласен. Каландир, Сверкающий Меч, и Луэннар, Разящее Копье! Воистину лучший союз. Кстати, предлагаю отправить с ними одного из наших строителей. Он поможет проконтролировать стройку и разумный расход ресурсов.

— Это будет очень мудро, — подтвердил Даэдросс.

В коридоре снова раздался шум. Король прервался, прислушался, но тут же продолжил:

— Итак, решено! Мы отправим на переговоры моих сыновей, троих лучших воинов и строителя. Дадим людям сотню наших солдат, золото, три Исполинских Дуба и восемь сэррутов. Этим наше предложение и ограничится. Ты запоминаешь, Каландир?

— Запоминаю... — рассеяно ответил эльф. — И когда нам выдвигаться?

— Через два дня, как только закончатся празднества в честь дня Жизни.

Каландир кивнул, покосился на Луэннара. Тот в свою очередь незамедлительно сказал:
— Зачем оттягивать? Мы можем выступить сегодня.

— Нет, сын! Вот тут спешка нам точно не нужна. Да и сегодняшней праздничный прием обязывает к тому, чтобы кто-то из принцев присутствовал за столом.

Луэннар махнул рукой и беспечно сказал:

— Праздник Жизни не последний! Может и без нас обойтись.

— Не последний, — подтвердил Даэдросс. — Все дело в том, будем ли мы вместе в следующем году... В общем это не обсуждается. Чтобы оба были сегодня вечером в церемониальном зале!

Массивная высокая дверь, ведущая в центральный коридор, распахнулась, и в зал Большого Совета стремительно ворвался личный охранник короля Даэдросса. Воин, облаченный в парадный доспех, склонился. Не поднимая головы, он громко произнес.

— Извините, мой король, но я не мог противиться и воспрепятствовать. Такое дело не...

Охранник не успел договорить, как в зал влетел второй воин. Его легкие кожаные доспехи были покрыты пылью, дорожный маскировочный плащ порван и испачкан кровью. Солдат даже не соизволил поклониться.

— Тоэлринг... — тихо прошептал Луэннар, глядя на окровавленного воина.

— Мой король, разреши обратиться! — ни капли не смущаясь, громко проговорил ворвавшийся боец.

— Для начала представься, солдат! — грозно сказал Даэдросс.

— Рядовой Тоэлринг, мой король! Личный посланник капитана Фенергифа.

Луэннар побледнел, а сердце его сжалось от нехороших предчувствий.

— Фенергифа? — Талиган нахмурился и приложил указательный палец к виску с ильсья припомнить такого капитана.

— Так точно, старший советник. Капитан Фенергиф — командующий аванпостом Нэн-Дэмин.

— Южные отроги Рассветного хребта... — прошептал Даэдросс. — Продолжай, солдат!

В первую секунду глаза Тоэлринга округлились, взгляд расфокусировался, но в следующее мгновение воин собрался с мыслями и продолжил:

— На аванпост напали! День назад! Ровно столько я добирался сюда. Большой отряд пещерных гоблинов атаковал Нэн-Дэмин. Больше полутора сотен тварей. Они пришли ночью и, как всегда, ударили подло. Капитан отправил меня доложить об этом и попросить подкрепление. Он надеется, что продержится еще день, максимум два.

— А сколько эльфов под командованием Фенергифа? — деловито спросил советник Талиган.

— Двадцать пять. Включая меня, советник! — ответил Тоэлринг.

— Тогда я не понимаю, к чему вся эта паника! Двадцать пять эльфийских воинов — это большая мощь.

— Капитан не стал бы отправлять за подмогой, если бы знал, что справится. Нет, тут что-то не так! — возразил Луэннар.

— Так точно, мой принц! — подтвердил Тоэлринг. — Под утро вернулись разведчики. Они проникли в аванпост через тайные ходы и доложили, что еще один отряд гоблинов движется с юга... Вдвое больший, чем первый...

Главнокомандующий Андарил поперхнулся и закашлялся. Даэдросс зло зашипел сквозь плотно сжатые зубы.

— А еще... — продолжил Тоэлринг. — Еще у южных отрогов Рассветного хребта видели пещерных троллей.

Повисла абсолютная тишина. Словно в самом древнем склепе.

— Я боюсь, что капитан Фенергиф уже погиб... — дрожащим голосом закончил воин.

— Чушь! — наконец прошептал Талиган, но все услышали его слова.

— Я привык доверять своим глазам и ушам, советник, — возмущенно сказал Тоэлринг.

— А я привык доверять здравому смыслу! — вскричал Талиган. — Что такому большому отряду понадобилось в наших лесах?!

— Неважно, что гоблинам тут понадобилось! — Луэннар выскочил из-за стола. Он очень пожалел, что стул, вырубленный из самого Исполинского Дуба, не сдвинулся с места, не скрипнул. — Важно то, что эти твари пересекли нашу границу и напали на опорный аванпост!

Талиган отвернулся, нахмурился.

— Сколько воинов просит Фенергиф? — спросил король Даэдросс.

— Столько, сколько сможете дать прямо сейчас, — ответил Тоэлринг.

— Что скажешь, Андарил? — Требовательно спросил король.

— Полтора, может быть два десятка, — ответил главнокомандующий.

— Отец, позволь мне повести отряд на юг! — вскричал Луэннар. — Ты ведь знаешь, на что способен я и мои воины. Мы разобьем гоблинов.

— Нет! У тебя уже есть задание! Занимайся им, — жестко ответил Даэдросс. — А вылазку на юг оставь главнокомандующему Андарилу. Он отправит кого-то из своих командиров.

— Отец, — голубые глаза Луэннара стали совсем светлыми и холодными, словно Вековечный Ледник. — Они не справятся! Почти пять сотен гоблинов... Против... скольких? Двух десятков? Трех? Без моих нуанов им не обойтись. И... ты ведь знаешь, что мне нет равных в бою!

— Среди эльфов нет! — согласился Даэдросс. — Но...

— Никто лучше меня не знает южных троп Думбара. Никто так не ориентируется в южных отрогах Рассветного хребта как я, — Луэннар даже не слушал отца. Глаза наследного принца горели, кулаки были сжаты. В своей решимости крушить врага он напоминал яростного демона, вырвавшегося из Мрака.

Король отвел взгляд от раскрасневшегося, решительного лица сына. Уставился в окно. Доводы сына были неубедительны, но Даэдросс, в глубине души, понимал, что Луэннар прав. Как всегда прав! Феноменальный боевой опыт, накопленный сыном за двести сорок лет, восхищал и даже слегка пугал короля. Наследный принц бесстрашно вступит в схватку. И, как всегда, ему будет сопутствовать удача. Это ли не эффективное решение так внезапно возникшей проблемы на юге?

Король Даэдросс вздохнул, прикрыл глаза, устало провел ладонью по лицу. Тихо произнес:

— Хорошо. Возьми всех своих нуанов, а так же тех воинов, которых сможет предоставить тебе Андарил. Отправляйся на юг...

Луэннар еле сдержался от победного вскрика. Однако окинул всех присутствующих ликующим взглядом.

— А что делать мне, отец? — спросил озадаченно Каландир. — Что с моим заданием? Луэннар ведь отправляется на юг и не сможет поддержать меня на переговорах.

Младший сын короля с надеждой посмотрел на своего отца. Быть может, тот отправит Каландира на юг вместе с Луэннаром?

— Никаких изменений, — решительно ответил Даэдросс. — Вместо Луэннара возьмишь с собой моего личного телохранителя. Все. Теперь иди со своим братом вниз. Помоги ему собраться и готовься к вечернему празднеству.

Король снова отвел взгляд в сторону. Каландир резко поднялся из-за стола, выпрямил спину и горделиво вскинул голову. Зашагал к выходу.

Луэннар чуть ли не вприпрыжку двинулся за младшим братом. Поравнявшись с рядовым Тоэлрингом, спросил:

— Пойдем?

Тоэлринг наконец поклонился оставшимся в зале членам Большого Совета и зашагал вслед за Луэннаром.

— Куда ты ведешь меня? — спросил Тоэлринг. Теперь он мог свободно обращаться к принцу на «ты», ведь все эти важные особы его не услышат.

— Отправишься вместе со мной и моим отрядом. Поведешь нас на юг. Ты ведь выдержишь еще один дневной переход? — Луэннар усмехнулся.

— Выдержу... мой принц! — Тоэлринг вернул усмешку Луэннару. Однако тот ничего не ответил. Все его внимание теперь было сосредоточенно на Каландире.

— Ты расстроен? — спросил Луэннар.

— Что... Нет! — бодрость в голосе Каландира была напускной.

— Я же вижу, — улыбнулся брат. — Не переживай: время Сверкающего Меча еще придет?

— Когда?! — Каландир все-таки не сдержался. — Когда оно придет? Я достаточно учился. Прошел боевую теорию и практику, освоил дипломатию и основы торговых отношений. Мне, наконец, уже восемьдесят! Разве этого недостаточно?

— Достаточно? — рассмеялся Луэннар. — Это только первая капля в море твоего опыта.

— Первая капля... В моем возрасте Разящее Копье уже водил полноценные отряды к границе княжества Волтарио.

— Да. Но если ты помнишь, то наш отец давал мне больше свободы, а за тебя он переживает. Оберегает. Он готовит тебя...

— К чему? Я готов! Готов, понимаешь. Я чувствую.

— Наберись терпения и опыта, и тогда твой меч засияет тебе на славу и на смерть врагам.

— Тебе легко говорить, ведь твое копьё уже давно разит врагов. Опыта тебе не занимать.

— Успокойся. Все будет, брат. — Луэннар улыбнулся и ободряюще похлопал Каландира по плечу.

Тоэлринг, шагающий позади, с уважением наблюдал за братьями.

Глава 6. Алаэн Дербидж. Дым

5419 год, начало первого месяца зимы

Север королевства Маркаун, леса Элькхевен, егерская застава, сторожка Бэна

— Просыпайтесь! Вставайте, вставайте!

Я еле-еле продрал глаза. Сержант снова орал, чтоб ему пусто было! Пайк носился по общей избе и тормозил спящих егерей.

— Подъем! Выход к северным рубежам! — рывкнул сержант.

Все начали подниматься со своих постелей. Я глянул в мутное окно. Рассвет! В это же самое время мы вчера вернулись в сторожку, но Пайк, как обычно, не дал нам отдохнуть. Он приказал готовиться к выходу. Закипела работа. Одни егеря собирали вещи, другие раскладывали по сумкам провизию, третьи вытаскивали сани. Наша четверка готовила лошадей. Мы провозились до позднего вечера, но все дела, естественно, сделать не успели. Устали и, без задних ног, грохнулись спать.

Сегодня с утра в сторожке царила суматоха. Мы все проснулись и продолжили сборы. Нужно было еще проверить широкие полозья на санях, потом в них же запрячь лошадей, нагрузить дрова, упаковать палатки и меховые шкуры; загрузить теплые вещи, еду, запас стрел и арбалетных болтов... Так, что еще? Главное ничего не забыть! Не на один день ведь уходим. И ладно бы наш маршрут лежал только в пределах лесов Элькхевен, где можно промышлять охотой и не переживать, что в одну из ночей останешься голодным. Нет! Мы отправляемся на самый север, туда, где правит вечная зима, где на многие лиги вокруг нет ничего кроме заснеженной пустоши и голых камней.

Мы проверяли сани. Пять уже были готовы, я осматривал шестые. Вот ведь!

— Эй, Эд! Тащи клинышек и распорку! — крикнул я. Подошел Пекарь, взглянул на полоз, цокнул языком.

— Вот ведь незадача! — Ториш покачал головой и присел у саней. Он подточил топориком там, где была трещина.

Прибежал Эд, отдал клин и распор.

— Давай-ка, Эл, подсоби, — кряхтел Пекарь. Вдвоем мы быстро починили полоз и отправились на конюшню.

Лошади были вычесаны и накормлены, нам оставалось только вывести их на улицу. Животины сонно тыкались мордами в плечи и никак не желали выходить на мороз. Пришлось подгонять их, а некоторых выманивать хитростью: куском топленого сахара или моченым яблоком. В итоге все лошади оказались на улице через десять минут.

Остальные егеря уже начали грузить повозки. Отряд Ланца активно таскал дрова, второй отряд грузил оружие, а первый провизию. Мы стали запрягать лошадей по три в одну упряжку. Через полчаса все было готово: двое саней дров, одна повозка с оружием, одна — с провизией для нас, другая с кормом для коней и последняя с теплыми вещами и палатками. Мы позволил себе немного перевести дух, и собрались у входа в сторожку.

На крыльцо вышел сержант Пайк, вытряхнул из густой бороды крошки и удовлетворенно окинул взглядом готовые к выходу упряжки.

— Ну, что, я смотрю, все готовы? — спросил сержант.

— А пищаль... — еле слышно проблеял кто-то из егерей. Пайк рассеяно завертел головой.

— Точно! Пищаль-то свою я и забыл, — сержант убежал обратно в сторожку.

Через несколько секунд Пайк вернулся, поставил огнестрельное оружие на резном крыльчке и достал из-за пазухи два свитка.

— Парни, я составил подробный доклад для командующего Ольтера. Тут, — сержант указал на свитки, — подробно изложено все, что произошло два дня назад. Нужно подписать. Всем. Вы все видели своими глазами, а кое-кто даже поучаствовать успел! — Пайк кивнул на нашу четверку.

Егеря согласно загомонили, потянулись расписываться в докладе. Заскрипело перо по пергаменту.

— Ну, что я говорил?! — тихо шепнул Пекарь.

Эд выпятил нижнюю губу и кивнул. Я лишь сдержанно улыбнулся. Лицо Джалека, как обычно, ничего не выражало.

Когда с писаниной было покончено, Пайк убрал один свиток в карман, а второй отнес обратно в сторожку. Я ни секунды не сомневался в том, что сержант поручил Бэну передать свиток любому отряду егерей, возвращающихся в Нортмарк. Со стороны Пайка это был мудрый шаг — заранее обезопасить себя.

— Ну, что, выходим потихоньку? — спросил сержант, подхватил пищаль и двинулся к повозкам. Мы последовали за ним, только Эд куда-то подевался.

Вышли. По глубокому снегу медленно потянулись повозки с нашими запасами. Я обернулся проверить не возвращается ли Эд, но увидел только две ровные колеи в снегу и Бэна, стоящего на крыльце. Куда же Пекарь-младший запропостился?

— Строимся! — крикнул сержант из начала колонны.

Мы стали разворачиваться в походный порядок. Во главе колонны сержант и еще четверо егерей: по одному из каждой четверки. От нашей пошел Джалек. Сразу за головным отрядом — упряжки, а за ними все остальные егеря. В наши обязанности входил контроль флангов и тыла.

Сбоку раздалось еле слышное пыхтенье. Я обернулся.

— Эд, етить тебя растудить! Ты куда пропал?! — яростно зашипел на сына Пекарь.

— Веревку забыл! — честно признался Эд. Парень поправил на плече огромный моток бечевки и зашагал к повозкам. Незаметно положил веревку под меховые шкуры и снова скрылся в лесу. Да, Эд никогда не забывает об обязанностях обходящего.

К полудню мы развили приличный темп. На привал не останавливались, даже ели на ходу. От сторожки Бэна мы отошли лиг на десять-двенадцать и до сумерек планировали пройти еще столько же. Да, нам надо торопиться, и каким бы человеком ни был Пайк, но в вопросе спешки я с ним согласен. Мы уже и так задержались на два дня.

Последний Патруль ждать не любит. По себе знаю. Я за свою жизнь уже дважды побывал на крайнем севере. Первый раз в пятнадцать лет. Ровно через три года после прихода на егерскую службу. Второй раз — в двадцать пять, три года тому назад. Тот поход был крайне неудачным. По крайней мере для меня... М-да... О Последнем Патруле можно много вспоминать, обсуждать его, высказывать неодобрение, но он все равно является необходимостью. А еще традицией.

Так уж повелось с давних времен. Егерские отряды каждый месяц отправляются на самый север, к южной оконечности Вековечного ледника. Туда, где стоит Последняя Твердыня, крепость, принадлежащая Маркауну. Отправляются не просто так, а в дозор. Егеря наблюдают, в основном за северными племенами варваров. Дойдя до Твердыни, они

возвращаются обратно и передают дозор другому отряду. Потом процедура повторяется. В поход уходят другие группы. Если учесть, что Егерских отрядов в Элькхевене сотни, то путешествие на север можно считать шпуккой редкой. Некоторые егеря за всю свою службу ни разу там не были. И слава Троим, что не были!

Север капризен и жесток. Он не любит и не прощает слабых, может обречь на гибель даже целое поселение. Север опасен не только своим жутким холодом и метелями. Одним из его главных оружий являются северные племена. Безжалостные варвары и людоеды. Они все время жаждут прорваться на юг. В основном с целью поживы, но бывает и просто ради кровавого развлечения. Поэтому и существует Последний Патруль. Чтобы защитить мирных жителей. Чтобы уберечь земли Маркауна.

Хотя... некоторые старожилы из числа егерей рассказывают какую-то старую легенду о том, что Последний Патруль создан для того, чтобы наблюдать за появлением настоящего врага. Что это за враг такой, они, правда, не говорят, и почему он настоящий — тоже умалчивают. Однако сказку эту рассказываю на полном серьезе. Что поделаешь, байки и есть байки.

Я поежился. От холода и от недобрых мыслей. Это мой третий раз. Третий раз, когда я иду на смену Последнему Патрулю. Что он мне принесет, этот поход? Надеюсь, ничего дурного. Хотя, кого я обманываю? Еще вчера с утра, когда мы закапывали Могура, меня одолевало плохое предчувствие. Только тогда я не мог понять причину. Теперь знаю — меня тревожил поход.

К вечеру мороз усилился. Изредка потрескивали деревья от холода, притихли птицы, покрылись инеем легкие попоны на лошадях. Солнце быстро поползло за деревья, а вскоре и вовсе скрылось. Наступил зимний, морозный вечер.

Сержант Пайк ушел далеко вперед, но вскоре вернулся. Он сообщил, что подобрал отличное место для ночевки. Предчувствуя скорый отдых, все вздохнули с облегчением. И правда: не прошло и получаса, как мы выбрались на довольно широкую поляну, свободную от деревьев. Решили остановиться тут.

Расставили сани по периметру. Распрягли лошадей, свели их в кучу и накрыли теплыми шерстяными попонами. Задали корма животным. О них необходимо заботиться в первую очередь, ведь путь неблизкий. После этого, в импровизированной загородке из саней, стали расчищать снег, копать отхожие ямы и расставлять палатки. Промаялись больше часа, однако старались не зря. Получилась эдакая уютная площадка, защищенная от ветра повозками и снежными валами. Не хватало только огня, но и это мы быстро исправили. Из леса натаскали валежника и сухостоя, и разожгли три костра. Те дрова, что везли в санях, не трогали. Да и зачем? В лесу ведь деревья много, а вот в далекой заснеженной пустоши совсем иная ситуация. Запасы лучше поберечь.

На поляне стало немного теплее. Остатки снега под ногами превратились в мокрую кашу. Я присел погреться у костра.

БААААААААМ!

Все-таки Пайк расчехлил свою пищаль! Ну, точно. Сержант вынырнул из темноты с самострельным оружием на плече. В другой руке он нес подстреленного глухаря.

— Разводите пары, ребята! Будет вам сегодня мясная похлебка! — благодушно сказал Пайк. — Глухарь жирный попался. У-у-у, сученыш, отъелся.

Сержант потряс мертвую птицу за лапы и бросил к костру. Двое парней из отряда Ланца принялись ошпаривать, ощипывать и разделывать тушу. Я же наблюдал за Пайком. А

если точнее, то попросту паялился на его пищаль. Отличная штука! Хвала мастерам из Вебара! Хватило же у них мозгов придумать это огнестрельное чудо, а потом еще и усовершенствовать. Вон как поблескивает отполированными боками диковинный кремниевый замок. Простое, не сложнее арбалета, в использовании оружие, но такое смертоносное и пугающее. Раз, и пуля, пробившая щит, доспех и плоть, равнодушно забирает жизнь. Жаль только, что пищаль редко где найдешь. Изделие это дорогое и трудоемкое в изготовлении, а уж на рынке стоит вообще заоблачных денег. Позволить себе такое оружие могут разве что королевские гвардейцы да егеря и то в единичных случаях. Все остальные пользуются более привычными мечами, копьями и топорами.

Я вздохнул. Пока не стану сержантом, мне такого оружия не видать. Эх, ладно! Пойду лучше за дровами схожу, чего без дела-то сидеть? Я встал, отряхнул снег с сапог и отправился к краю поляны.

Первым делом проверил лошадей. Они уже управились с овсом и теперь мирно стояли друг подле друга, хлопали большущими глазами и прядали ушами — прислушивались к подступающей ночи. Тут все спокойно. Я нырнул во мрак леса, постоял несколько секунд, привыкая к темноте, и стал собирать хворост. Его тут было совсем мало. Мои сослуживцы выбрали все в окрестностях стоянки. Мне пришлось идти дальше, глубже в лес. Коряг и толстых сучьев тут было вдоволь.

Я уже набрал довольно приличную охапку, когда услышал легкие робкие шаги. Будто кто-то несмело бродит вокруг. Хочет обозначить свое присутствие, но боится показаться на глаза. Нарочито громко хрустнула ветка. Шаги стихли. Потом снова чуть слышно захрустел снег. Опять тишина. Легкий скулеж.

— Эй, не сейчас! — строго прошептал я в темноту. — Вдруг кто увидит.

Протяжный вздох, но не разочарования, а надежды. Я чувствовал, что друг соскучился. Так и не показавшись, он снова ушел в лес. Что ж, у нас еще будет время для встречи, и уж тогда мы наговоримся вдоволь. Точнее это я буду говорить, рассказывать о том, что произошло за последнее время, а он будет только слушать. Как всегда очень внимательно.

Сложив хворост в большую кучу и увязав его веревкой, я вернулся на поляну. Тут уже во всю силу полыхали костры, было довольно тепло. У одной из повозок сидел сержант и все четыре командира отрядов. Они о чем-то совещались. Я сложил дрова в общую кучу и отправился к своим. Вскоре вернулся Пекарь.

— О чем это вы так мило там беседовали? — спросил Эд отца.

— Да... — махнул Ториш рукой. — Решали на счет часовых.

— Ну и что решили? — спросил я.

— Сегодня караулить не будем, но вышлем четверых дозорных. Нужно прочесать окрестности. Кстати, ты в дозоре.

Я согласно кивнул. Возражений не имею. Пекарь сказал, значит надо.

— Пройдешь на запад. Недалеко. И, главное, недолго. Не задерживайся. Посмотрел, убедился, что все тихо и назад!

— Да понял, понял! Когда выходить?

— Да прямо сейчас.

Я с тоской глянул на дымящийся котелок. Похлебка была еще не готова. Ну, надеюсь, к моему возвращению она не остынет.

В дозор, все-таки, вышли не сразу, решили подготовиться. Я прихватил с собой запасные перчатки и шерстяной шарф. Сегодня он мне точно пригодится.

Так, вроде бы все: ромфея всегда при мне, теплые вещи есть, а больше мне ничего и не нужно... Ах, да! Угощение-то! Угощение для друга я и забыл. Вот ведь!

Вернулся к своему вещмешку, взял оттуда пару кусков вяленого мяса и кусковой, запыхавшийся сахар. Сойдет. Вот теперь можно идти.

Лес был тих, темен и неприветлив. В общем-то, как и всегда. Я торопливо шел на запад, стараясь как можно быстрее скрыться от остальных дозорных. Как назло, парень из отряда Ланца постоянно маячил рядом. Нет, он конечно шел не след в след, но параллельно мне. Через какое-то время егерь, наконец, свернул на север и скрылся в чащобе.

Я ускорил шаг. Через какое-то время вновь послышались робкие шаги по хрустящему снегу.

— Эй, Дым! Дым! — негромко позвал я.

Волк бодро и радостно твякнул и ринулся прямо ко мне. Я остановился и, зная, что произойдет дальше, напрягся. Зверь со всего маха врезался в мою грудь своим широченным лбом. Я еле устоял на ногах. Волк поднял голову и лизнул меня прямо в лицо.

— Ну хватит, хватит! — пришлось приложить немало усилий, чтобы спихнуть его морду в сторону. — Что, скучал?

Дым строго посмотрел на меня, уселся прямо в снег. Фыркнул, отвернулся и озабоченно уставился на яркую луну. Зевнул во всю пасть.

— Ладно тебе, не обижайся! Раньше я никак не мог.

Волк снова фыркнул. Мол, хватит сказки рассказывать, все это только пустые отмазки.

— Эй! — я потрепал зверя по холке. — Ну?! А я тебе гостинец принес. Как ты любишь.

Дым наострил уши.

— Смотри-ка. Мясо. Вяленое. М-м-м.

Волк радостно обернулся, тряхнул здоровенной головой, будто бы говоря: давай выкладывай скорей свои угощения. Обиды в его глазах не было ни капли. Я достал мясо и принялся кормить друга.

Да, с Дымом у нас давняя дружба, как, впрочем, и история знакомства. Тогда я только вернулся из отпуска. Наступала середина зимы и мой двадцатый день рожденья. Наш отряд стоял у границы с Вебаром. Там я и нашел маленького, оголодавшего и хромоногую кутенку дымчатой расцветки. Забрал его себе, стал выкармливать и выхаживать. Дал ему имя — Дым. Оно как нельзя лучше подходило под цвет его шерсти. Щенок рос, креп, зализывал рану, и уже через год его было не узнать. Из милого песика он превратился в матерого зверя. Через три года он стал моего роста, а еще через пару лет уже был выше меня.

Сказать, что я был удивлен — ничего не сказать. Таких огромных волков я никогда еще не видел. Да и был ли он волком? Если только по внешнему виду. В остальном это умный, преданный и своенравный зверь, каких я еще не встречал. Он мог подолгу где-то пропадать, но в итоге всегда возвращался обратно, никогда не нападал на людей и не забывал меня. А я не забывал его. Так мы и стали друзьями. Я рассказывал ему разные истории, а он, уткнувшись мокрым носом мне в руки, слушал. Я угощал его мясом и сахаром, а он возил меня на своей спине.

Пока Дым доедал лакомство, я натянул на руки вторые перчатки и повязал на лицо теплый шарф. Волк закончил с едой, припал на передние лапы, выгнув спину. Садись, мол, чего уж там.

— Покатаемся? — спросил я и запрыгнул на зверя. Дым радостно фыркнул и сорвался с места.

Ух! Аж дух захватывает. В первые секунды я старался удержаться на спине, что есть силы вцепившись в загривок зверя. Потом привык. Не передаваемые ощущения!

Когда мчишься на гигантском волке сквозь лесную чащу, забываешь обо всем на свете. Яркая луна серебрит свежий снег, заиндевелившие ветви таинственно покачиваются над головой, в бешеном темпе мелькают перед глазами стволы древних деревьев, морозный ветер задорно пощипывает кожу. В такие мгновения все чувствуешь намного острее, и, кажется, что ты находишься где-то далеко, не здесь. Не в этом унылом, жестоком мире. А еще ощущаешь себя сильным, всемогущим, и даже демоны не страшны! Эгей!

Мы мчались строго на запад. Дым умело выбирал дорогу там, где было меньше всего веток и густых зарослей. За час я успел осмотреть довольно обширный участок леса. Ничего. Ни следов, ни людей. Пришлось завернуть волка обратно на восток. Однако на полпути мы забрали немного севернее, но и тут ничего не обнаружили. Это хорошо. Сегодня ночью можно будет спать спокойно. Хотя, чего это я? Еще обратно вернуться нужно. Да и неизвестно, что там у остальных разведчиков.

— Давай, Дым, обратно! — я хлопнул друга по боку.

За лигу до поляны мы остановились. Пришлось попрощаться с волком и отпустить его в лес. Ему нельзя показываться в отряде. Сержант сразу пристрелит. Я еще раз обернулся, но зверь уже скрылся во тьме. Что ж, до скорой встречи.

До стоянки дошел быстро. Подойдя к краю поляны, я заметил, что остальные дозорные уже вернулись. Ага, значит задерживаюсь только я... А чего это они все в круг собрались, что-то обсуждают? Неужтостряслось чего?

Я поторопился, зашагал быстрее. Уже миновав загородку из саней и выйдя в круг света, заметил, что похлебка остыла. Ну и ладно, холодную поем. Сейчас главное узнать что произошло.

— Алаэн Дербидж! — сержант Пайк строго и даже зло обратился ко мне, резко встав со своего места. — Делаю тебе последнее предупреждение! Чтобы я больше об этой твари не слышал! И уж тем более не видел ее!

— Это не тварь... — опустив голову, тихо ответил я. В первую секунду я опешил, но сразу же понял, что речь идет о Дыме.

Твою в демона душу мать! Кто меня сдал? А главное кто видел меня вместе с Дымом?!

— Не тварь?! Ты хоть понимаешь, что говоришь-то? Это матерый зверюга! Хищник! Да он выше каждого из нас. Загрызет и не подавится! — сержант орал, брызжа во все стороны слюной. — Идиот! Из-за тебя все передохнем тут. Твою ма-а-ать...

— Он не нападает на людей...

— Чего?! Чего ты там мямлишь?

— Не... не нападает, говорю, на людей.

Сержант яростно сопел и сверлил меня тяжелым взглядом.

— Чтобы я о нем больше не слышал! Я все сказал!

Глава 7. Алаэн Дербидж. Предгорья

5419 год, начало первого месяца зимы

Север королевства Маркаун, леса Элькхевен, предгорья

Я изредка поглядывал на сержанта исподлобья. Хотелось подойти к нему, резко развернуть за плечо, ударить в лицо и наорать. Высказать все, что я о нем думаю, выплеснуть всю ту ярость и негодование, что накопились внутри. Хотелось... Да много чего хотелось! Однако я постоянно одергивал себя, гнал прочь это желание и продолжал идти вперед.

После вчерашнего злополучного вечера весь сегодняшний день я хмурился и нервничал. Предупреждение Пайка — не шутка, и если нарушу его приказ, то по возвращению в Нортмарк попаду под трибунал. Дыма ждет еще более суровая кара: как только он еще раз попадетя нашему отряду на глаза, на него сразу откроют охоту. Зная наших ребят, с уверенностью могу сказать, что они выследят его и убьют, чего бы им это ни стоило.

Я был зол! На всех. И на себя в том числе. Однако вскоре обо всех обидах пришлось забыть. На следующий день снова началась метель. Порывистый ветер неистово хороводил снег. Кружил, кружил, кружил...

Буря не успокаивалась ни на секунду. Не стихла она и на следующий день, и через день все так же выла и бесновалась.

Метель бушевала целых четыре дня, а мы все также упорно двигались вперед. Правда, очень медленно. Наш отряд выбился из графика дней на пять! Но тут уж ничего не поделаешь. Перед непогодой все мы бессильны.

На седьмой день нашего пути ситуация, вроде бы изменилась. С раннего утра выглянуло солнце, ветер поутих, а крупные хлопья снега перестали падать с угрюмого неба. Все немного приободрились. Но не тут-то было! К полудню снова разыгрался буран. На восьмой день ситуация грозила обернуться катастрофой.

Было темно. Всегда. Даже в полдень. Колючий снег забивал нос, рот, глаза; пробирался под шарф, набивался в капюшон. Наш отряд еле двигался. Егеря вязли в снегу выше колен, а лошади и вовсе выбились из сил. Им было очень тяжело тащить сани, постоянно проваливающиеся в глубокий снег. Частенько нам приходилось браться за лопаты, откапывать полозья и выталкивать повозки из глубокого сугроба. К концу дня у меня подрагивали ноги и руки от усталости. Хотелось просто упасть куда угодно и уснуть. Забыться мрачным тяжелым сном с яркими, но незапоминающимися сновиденьями. Вот только нельзя. Нельзя спать на холоде без доброго костра под боком.

Наконец, когда погода окончательно сошла с ума, и мы перестали видеть друг друга сквозь плотную пелену снега, остановились на ночлег. Составили сани в плотный круг, согнали туда лошадей, развели костер. Палатки ставить не стали. Вместо этого растянули небольшой полог над местом стоянки и все забились под него. Так быстрее. На ужин ограничились сухим пайком: кто жевал мясо, кто сыр, а кто лепешки с луком. Кашеварить никому не хотелось, все и так устали и замерзли. Сейчас главное отдохнуть, набраться сил на завтрашний день.

Под пологом довольно быстро стало тепло и уютно. Я позволил себе немного расслабиться: расстелил на земле меховую подложку и устроился на ней полулежа. Многие егеря последовали моему примеру. Мы все сбились в одну кучку и жались поближе друг к другу. Даже лошади, стоящие под двойными теплыми попонами, подошли в плотную к

пологу.

С ужином было покончено. Все молчали. Я окинул взглядом сослуживцев. Каждый думает о чем-то своем. Лица хмурые, озадаченные; под глазами залегли глубокие серые тени; скулы заострились и, так же, посерели. Последние дни пути ни для кого даром не прошли.

Снаружи, за пологом, все также бушевала метель. Она яростно трепала наше укрытие, ломала сухие ветви, гнула тоненькие деревца к земле. Снег не прекращался. Рядом с санями быстро росли большие сугробы, защищавшие нас от ветра. Потрескивали дрова в костре. Мы все сидели тихо, прислушивались к завываниям ветра.

— Да... кхм-кхм... — неторопливо откашлялся Пекарь. Голос товарища прозвучал так неожиданно, что многие вздрогнули. Ториш же продолжил: — Поговаривают, что давным-давно, в одну из зим, хуже этой в десятки раз, родились трое братьев. То была Зима Отчаянья...

— Зима Предзнаменований... — тихо и мрачно добавил Джалек, но на его слова никто не обратил внимания. Все слушали Ториша. Тот лишь уважительно глянул на южанина и продолжил:

— Тогда суровые вьюги сменялись ужасными морозами даже на юге, а на севере люди замерзали прямо в своих домах. Так вот, далеко на востоке, на материке Беренор, родились трое братьев. Это были необычные дети. С ранних лет у них проснулись магические способности! Да, тогда еще существовала магия! Братья росли, и с каждым годом рос их дар. Они творили неопишуемые чудеса. Детей заметили и забрали на обучение на запад, в лучшую школу магических искусств. Однако и там им не было равных. После долгих лет обучения братья стали самыми могущественными магами, но магия, как известно, коварна. Трое юношей возгордились и возжелали еще большей власти. Они были жестоки и хитры. Силой и уговорами собрали огромную армию. Призвали на свою сторону кобольдов и банши, мелких демонов и иных существ. Даже воинов из других миров можно было встретить. Когда воинство было готово, братья повели солдат на запад. Много стран и жизней они погубили, захватили огромное количество земель. Но младший брат одумался: он ужаснулся содеянному и сбежал. Больше его никто никогда не видел. Двое магов продолжили войну, однако оставшиеся свободные люди сплотились и дали отпор мятежникам. Братьев загнали в горы Тандри, что на востоке и то ли закопали живыми, то ли завалили камнями...

— К черту эти бабушкины сказки. Брехня все это! — насмешливо сказал Ланц. — Только детишек на ночь пугать.

— Это древняя Джугатская легенда! — взвился Джалек. — Не смей оскорблять великие предания.

— Великие предания твоего народа? Плевать я на них хотел! — огрызнулся Ланц.

— Вообще-то, эта легенда всеобщая, легенда всего Армалота. — Вступился за южанина Пекарь.

— Да? — недоверчиво спросил Ланц. — Что-то я ее раньше не слышал.

— Мало кто слышал, — хмуро сказал Джалек. — Я удивлен тому, откуда ты, Пекарь о ней узнал.

— Из старой книги. Она была единственной в нашем доме и когда-то я ее читал. Очень давно. Вот уж и не припомню... Вроде как «Книга Отто Безымянного» называется. Там много еще разных баек про наш мир.

— Не читал такую! — сказал Джалек. — А легенду, что ты рассказал, я слышал от

отца... — южанин осекся на секунду, но тут же продолжил: — на востоке остались еще люди, кто ее помнит.

— Послушай-ка, а что за Джугат ты упоминал? — спросил Ториш.

— Джугат? — протянул Джалек. — Некогда была такая страна на востоке. Великая держава, но в ходе войны, о которой ты сейчас рассказывал, распалась на две независимых империи. Сейчас мы их знаем как Джугатар и Джугатан. Да, это все из той же легенды. Кстати, ты немного ошибся. Братья родились не на Береноре. Тогда этого материка не существовало. Был всего один — Эльт. Но когда ополчение загнало мятежных братьев в горы Тандри, там произошла великая битва. От магии, сотрясавшей землю, горы раскололись, вскипело и поднялось море, а Эльт раскололся на два материка...

Ланц громко и хрипло захохотал. Наконец отсмеявшись, он желчно сказал:

— Ну и лопухи же вы. Наслушались свихнувшихся стариков, начитались книжек каких-то безумцев, а теперь и нам этот понос в уши льете. Не было никаких магов, никаких битв. Просто земля задрожала, как это бывает, да и раскололась.

— Послушай, Ланц, тебя никто не заставляет верить в легенды, — словно змея прошипел Джалек. — Верь во что хочешь. Живи как и все остальные, не открывай глаза, не задумывайся. Вот только сможешь ли ты объяснить, почему мир пришел в упадок?

— В какой упадок? — взвился Ланц. — Ты посмотри на Маркауна! Королевство процветает. Вокруг мир царит! С Вебарцами как заключили мир двадцать пять лет назад, так до сих пор тишина. А Таэрмин? Богатейший город! Такое про него рассказывают.

— Не твякай о том, о чем слышал, но чего не видел! Бывал ли ты дальше Дербиджа?

Ланц потупился, смолчал.

— А я бывал! — продолжил Джалек. — Бывал в таких местах, какие ты даже представить себе не можешь. Уж поверь, я многие тысячи лиг прошел по нашему матерiku. И такое повидал... Ты даже не знаешь, что княжество Волтарио и империя Братства Озер догнивают. Вряд ли ты ответишь, почему теперь на месте великих городов безлюдные пустоши... Если бы не та война, мир бы сейчас был иным...

— Не было никакой войны, — пробубнил Ланц.

— Все, парни, хватит спорить! — Вмешался сержант. — Всем спать! Завтра очень тяжелый день. Силы еще пригодятся.

Егеря заворочались на своих местах, устраиваясь поудобней. Я тоже улегся на подстилке. Закрыв глаза. Нужно отдохнуть. Рядом быстро засопел Эд, захрапел Ториш, затих Джалек. Ко мне сон не шел. Я все думал о разговоре товарищей.

Ни разу в жизни не слышал этой легенды. Да что там! Книгу, о которой упоминал Пекарь, тоже никогда не читал. К своему стыду, я вообще мало интересовался мифами древности. Как оказалось — это интересно. Вот только не знаю насколько правдиво. Поверить в это вот так сходу сложно. Да и стоит ли? Какой в этом смысл и зачем мне это нужно? Если только ради общего развития.

Однако не все из этого разговора для меня было в новинку. Об упадке центра и востока Армалота я слышал. Говорят, что земли пустеют, города ветшают, а люди уходят, вот только неизвестно куда. И какие на это причины тоже не понятно. Возможно и, правда, какая-то древняя война. Это только у нас на западе что-то вроде хрупкого мира. Люди сидят тихо, наслаждаются спокойствием и процветанием.

Да и про войну с Вебарцами Ланц все правильно говорил. Непонятно, что там у рыжеволосых сынов запада случилось, да только они так стремительно на наши западные

границы обрушились, что никто и глазом моргнуть не успел. Поговаривают, что к пограничной стычке привели внутренние дразги в самом Вебаре. Будто бы объявился тогда какой-то самозванный потомок самого Рюна и провозгласил себя истинным князем западных земель. Действующий же князь Вебара не стал терпеть подобную наглость и устроил облаву на самозванца. В княжестве быстро завязалась настоящая гражданская война. Однако мятежника вскоре потеснили на восток, к лесам Элькхевен.

Самозванец, оказавшийся между молотом и наковальней, ввязался в войну с Маркауном. Сражения длились полгода и закончились полным разгромом самозванного князя. Вебарское официальное правительство выразило глубочайшее извинение перед Маркауном и в знак примирения отдало часть пограничных земель нам. На этом все и закончилось. Заключили мир, возобновили все торговые соглашения, но осадок остался. Теперь никто не доверяет Вебарцам, хоть и прошло уже двадцать пять лет с тех пор.

От всех этих размышлений в душу закралась легкая тревога. Я повернулся на другой бок. Нет, так не пойдет! Открыл глаза, поднялся со своего места и подошел к костру. Подкинул дров в огонь. Пламя взревело с новой силой. Так-то лучше! Я вернулся на свое место и быстро уснул.

Глава 8. мастер Малтис. Повод и предлог

5419 год, середина лета

Столица королевства Маркаун, Таэрмин

Красная Академия (академия демонологии)

В зале советов Красной Академии вовсю кипело заседание мастеров демонологии. Точнее, не то, что бы прямо-таки кипело, скорее вяло и монотонно протекало. Демонологи во главе с архи-мастером Годвардом вяло перебрасывались между собой последними новостями, сводками, докладами; вкратце обрисовывали ситуацию в разных регионах королевства. Они монотонно, обыденно бормотали хорошо заученными фразами и, казалось, не могли уже заинтересовать даже самих себя, не говоря о товарищах по ремеслу.

Малтис помассировал виски, скривился. Тупая, ноющая тяжесть, поселившаяся в мозгу, быстро превращалась в яростную, раздражающую голову боль. Еще и нос заложило! Молодой демонолог еле-еле сдерживал себя, чтобы не чихнуть. Тогда его точно неправильно поймут. А что, было бы очень весело взглянуть на вытянувшиеся, опешившие физиономии всех этих чванливых идиотов!

Парень живо представил, как под высокими, стрельчатыми потолками разносится его громогласный, лихой чих! Вот умора! Малтис яростно потер нос, сосредоточился, сжимая поплотнее губы и дыша через раз. Демонова пыль, проклятый запах застарелой плесени, засохшей, размокшей от недавних ливней и опять засохшей. Казалось, что все вокруг пропитано этим затхлым «ароматом».

Малтис медленно провел указательным пальцем по поверхности вычурного стола, неторопливо сдул пыль. Та взвилась в воздухе, заискрилась в лучах солнечного света и медленно потянулась вверх, к помпезному потолку.

«Там тебе самое место!», — подумал Малтис и оказался недалеко от истины.

Там, на потолке, островерхой свечкой уходящей ввысь, скорее всего никогда и не убирались. Слуги попросту не доставали туда. Лестниц такой длины не было, а тащить подъемный механизм со страховками никому не хотелось. Да и зачем? Все равно мастера демонологии собирались тут раз в месяц, а иногда и того реже. Так зачем же себя утруждать, если зал всегда пустует?

Малтис все-таки не сдержался и беззвучно чихнул в кулак.

«Проклятая пыль, проклятая плесень... Проклятая голова!», — мысленно простонал молодой демонолог.

Этот зал всегда действовал на парня угнетающе. Высокий, островерхий потолок башни, огромные мозаичные окна с образами Троиц Богов, аляповатая позолота на стенах, черный от сырости камень. Помятые выцветшие гобелены с красным полумесяцем на серебряном фоне. Монотонное бормотание мастеров, докладывающих о свершениях и грандиозных планах, о удачах и промахах... Все это выводило из себя, оседало давящим грузом в мозгу, отвлекало от настоящей работы.

Сказывалось еще и то, что Малтис чувствовал себя среди этих умудренных опытом мужей не в своей тарелке. Парень, давным-давно уже к этому привыкший, искусно скрывал свои эмоции и чувства, однако до сих пор болезненно реагировал на плохо скрываемую неприязнь, исходившую от старших товарищей. Да, тяжело занимать место в совете ордена, не являясь при этом мастером демонологии!

Малтис тяжело вздохнул. Три года тому назад его учителя и наставника, мастера Вингута, отправили на север с каким-то важным поручением. И отправили не просто на север, а напрямик в егерский полк, где Вингут и по сей день разбирается с делами, известными только ему да архи-мастеру Годварду. Учитель Вингут не успел перевести Малтиса из старших учеников в мастера, однако договорился с советом, о том, что молодой демонолог временно займет его должность. Мастера, после недолгих споров, согласились, а Малтис... Малтис не хотел подводить своего наставника.

«Да, удружил, так удружил ты мне, учитель, ничего не скажешь! — размышлял Малтис. — Закинул в гнездо к ядовитым змеям и был таков. И ведь ни слова, ни полслова о том, что да как тут, в верхах ордена-то. А мне сиди да выслушивай эту тягомотину от заплывших жиром и ничего не желающих делать мастеров!»

Хотя тут Малтис преувеличивал: не все мастера домонологии зажирили и вели праздный образ жизни. Были еще те, кто активно работал, постоянно совершенствовался, изучая старые тексты и техники; те, кто много путешествовал и наблюдал за делами в королевстве.

Малтис постарался припомнить тех мастеров и еще сильнее затосковал. Их по пальцам двух рук можно перечесть: его учитель — мастер Вингут, старый, но еще крепкий мастер Трэвис, который служит у наместника в поместье Дербидж; мастер Мулкан — без роду и племени, как говорится, но за год успеваешь объехать Маркаун от Лоссера до Истильдской границы и от Академии до северных отрогов гор Анрод по восточным склонам. Были еще трое из тех, о которых говорят, что из «старой гвардии», но их имен Малтис, как не старался, вспомнить не смог. А еще они — молодежь. Но тут уж совсем все печально. Из тех, кого молодой демонолог знал, активным, и то с большой натяжкой, можно было назвать лишь молодого мастера Якова. Ровесник Малтиса и его бывший друг, теперь он являлся единственным учеником архи-мастера и самым молодым мастером за последние сто лет. Яков сидел тут же, в этом зале, по правую руку от Годварда.

«Эх, Вингут! — мысленно простонал Малтис. — И зачем ты только просил за меня? Не понимаю... Хотя нет, чего тут понимать-то? Что-то тебе было нужно. Ты хотел, чтобы я в чем-то разобрался, о чем-то узнал, выведал, пронюхал! Но вот только о чем? Да и я хорош! Сидел с твоими древними книгами, да носился по всему востоку королевства... И не заметил, как подвел тебя. И теперь-то все! Все к демонам летит!»

Малтис почесал переносицу и еще раз тяжело вздохнул. Его отсылали из резиденции! Его отсылали из столицы! Да, к тому же, еще и на неопределенный срок. Нет, это, конечно, был пока просто слух, и официального оглашения не было, но слухи на пустом месте не рождаются. Особенно такие. Поэтому теперь у парня в голове роилась мысль о том, что история повторяется. Случай с мастером Вингутом начался точно также. Видимо тогда он сунул нос не в свое дело, или начал интересоваться чем-то запретным, однако его отослали на север. И вот теперь Малтис. Парень определенно не понимал, что сделал не так. Он учился и работал, изучал старые книги, в особенности те, которые рекомендовал мастер Вингут... Может в этом все дело?

Заседание тем временем перевалило за середину и плавно двинулось к завершению. Малтис прислушался к разговорам, однако ничего нового так и не услышал. Наконец последний из мастеров завершил свой доклад.

— ... из этого можно сделать вывод о том, что дела в средне-восточном и южном уделах идут более чем хорошо. Случаев одержимости стало в два раза меньше чем в прошлом году и

в три с половиной раза меньше чем в позапрошлом.

— И это радует, и вселяет надежду в меня! — хлопнул ладонями по коленям архи-мастер.

— Извините, архи-мастер Годвард, но мне есть, что возразить по восточной и южной обстановке, — внезапно сказал Малтис. Голос парня прозвучал громко, с нотками вызова. Молодому демонологу надоело молча ждать совей участи. Ему хотелось хоть что-то делать, хотя бы приблизить эту самую участь.

Архи-мастер Годвард сурово глянул на парня, но вдруг взгляд его сменился на снисходительный и даже жалеющий. Годвард мягко сказал:

— Ну что же, мы выслушаем тебя. Тем более, я считаю, что ученику такого прославленного мастера как Вингут, всегда есть что сказать! — в голосе архи-мастера звучала отлично скрытая насмешка и коварная доброжелательность.

— Да-да, конечно, безусловно! Об этом не стоило и упоминать, ведь вряд ли вообще хоть кто-то может усомниться в мастерстве моего наставника, — Малтис уловил хитрость архи-мастера и с отчаянной уверенностью включился в незримую игру Годварда. Ни один мускул не дрогнул на лице парня, даже не смотря на то, что в зале советов воцарилось всеобъемлющее, пугающее молчание.

«Я нарываюсь! — подумал Малтис. — Но только это мне и остается!»

Древние, сухие как пыль и рыхлые как грязь мастера начали переглядываться, некоторые из них завозились на своих местах. Архи-мастер откашлялся и медленно произнес:

— Ближе к делу, друг мой. Пока, к сожалению, твое красноречие не настолько же ценно, как время этих достойнейших из мастеров. Продолжай.

— Да, так вот. Касательно обстановки в восточном и южном уделах. У меня совсем иная информация!

— Вот как? — один из мастеров, тот, который последним зачитывал свой доклад, попытался сделать вид, что очень искренне удивлен. — И что же это за информация, позволь узнать?!

Малтис кивнул и спокойно ответил:

— Прямо противоположная вашей. Число одержимых постоянно растет.

Архи-мастер Годвард крикнул, но тут же еле заметно махнул рукой, чтобы Малтис продолжил говорить.

— К сожалению, — продолжил молодой демонолог, — я не могу похвастаться своей обширной агентурной сетью, да и по большим городам я путешествую мало, но та информация, что доходит до меня из деревень и сел, говорит о частых проявлениях одержимости. Также, мое последнее путешествие на юг королевства доказало этот факт. У меня было достаточно работы, и я отправил в эфирные клетки многих демонов.

— Послушай, мальчик, — вздохнув, спокойно сказал оппонент Малтиса. — Ситуация в больших городах совершенно иная! Или слова двух десятков мастеров тебя не убеждают? В Лоссере, Транголе, Тальботе, Ольте все спокойно...

— Этот факт мне тоже известен и он меня изрядно удивляет, но Маркаун — это ведь не только крупные города. Королевство живет еще и деревнями, селами.

Еще чуть-чуть и лицо мастера, спорившего с Малтисом, наверное вспыхнуло бы, но демонолог вовремя совладал со своими эмоциями. Немного отдышавшись, он сказал:

— Вздор! Один человек не может в короткие сроки объехать и юг и восток королевства,

и, соответственно, информацией полной владеть он тоже не может.

— Несомненно! — выпалил Малтис. — И, честно говоря, на востоке я уже давно не был. Но, к счастью, у меня много знакомых среди простого люда, а информация, как вы знаете, распространяется довольно быстро. И не важно, что она идет от восточной границы с империей Братства Озер.

Снова повисла давящая тишина. Пауза затягивалась и, видимо, никто не хотел ее нарушать. Лицо архи-мастера стало невыразительным, взгляд подернуло поволокой задумчивости. Казалось, что Годвард внезапно потерял интерес ко всему происходящему.

Малтис громко вздохнул. Даже громче, чем того требовала обстановка.

«Нарываюсь... Нарываюсь? Да я уже перешел все мыслимые границы дозволенного в этом зале! И что теперь? Хотя... пути назад уже нет. Повод и предлог. Я дал этот повод, теперь ход архи-мастера. Ему осталось найти только предлог, чтобы выслать меня из столицы, — мысли Малтиса неслись вскачь. — Интересно, что он задумал? Ударит прямо, или отвлечет внимание для коварного тычка в спину? И сколько скрытых ходов сделает за один единственный ход. Ох, демон его заberi... Демон его... заberi... Святые Трое, во что я ввязываюсь?!».

Дикая мысль, сжимающая ледяными тисками все внутренности, мелькнула в голове Малтиса. Парень резко вскинул голову и уставился на Годварда. Молодой демонолог по новому взглянул на архи-мастера. На его отсутствующее лицо, остекленевший взгляд, пот, проступивший на морщинистом лбу. Складывалось такое впечатление, что Годвард кого-то очень внимательно слушает и боится пропустить хоть слово. Однако в зале все также висела абсолютная тишина.

Остальные мастера домонологии сидели молча. Они понимали, что теперь глава их ордена должен что-то ответить.

Внезапно архи-мастер встрепенулся, сфокусировал взгляд на присутствующих, прочистил горло и сказал:

— Да, Малтис, эта информация очень важна для всего ордена и, что намного важнее, очень своевременна. И я согласен с тобой, что в своих трудах и бесконечных поисках зла мы многое упускаем из вида, о чем, конечно же, я очень сожалею! — Годвард потер гладковыбритый подбородок, помедлил. Видимо желание поупражняться в красноречии заставило его тщательнее подбирать слова. — Мы забыли, что в устах народа храниться мудрость и истина, чего я очень стыжусь. Ведь не зря же во все времена шпионы, соглядатаи, информаторы и даже королевские советники тайно прогуливались среди простого люда. Только там они могли услышать самые свежи новости и узнать истинные настроения народа. Все верно... все так...

— Позвольте, архи-мастер, но ведь... — попытался возразить кто-то из мастеров, но Годвард резко взмахнул рукой и неудавшийся спорщик замолк. Архи-мастер же в свою очередь продолжил с невозмутимым видом.

— Повторюсь. Та информация, которую ты озвучил, Малтис, в некоторой степени меняет дело. И я, как глава ордена, от лица всех высших мастеров должен изменить планы и пересмотреть приоритеты. Кхм... что, собственно, я уже и сделал. Необходимо еще раз разведать обстановку в южном уделе. Очень тщательно, с излишней внимательностью к мелочам и деталям. Возражения есть?

Ответом архи-мастеру была громогласная тишина.

— Отлично! Дело ясное, вопрос решен. Теперь осталось определиться с тем, кто

исполнить данное поручение... Хотя и на счет этого вопроса у меня сомнений не возникает.

Малтис оскалился, покивал в ответ на слова Годварда. Некоторые мастера ухмыльнулись, не скрывая злорадства.

— Сначала, — продолжил архи-мастер, — у меня для тебя, Малтис, было другое задание, однако сейчас обстоятельства изменились. И не в худшую сторону, смею заметить.

Малтис вздохнул и подумал:

«Демонов ублюдок, хватит тянуть. Скажи прямо, и закончим с этим».

— Карты сошлись как нельзя лучше! — торжественно объявил Годвард. — Я считаю, что Малтис отлично себя проявил в борьбе с демоническим отродьем. Вряд ли кто будет спорить с тем, что он непременно справится и с новой миссией... Отлично! Возражений нет, поэтому ты, Малтис отправишься на разведку в южный удел. До самой границы с Вокасом. Тут мы полностью полагаемся на твои знания и опыт, и не будем тебе советовать как и что делать. Надеюсь тебе все ясно?

— Более чем, — спокойно ответил Малтис и хитро улыбнулся. — Я прошел отличную школу.

— Что ж, замечательно! Ах, да! Чуть не забыл. Твое первое задание. Сначала я готовил его как основное, но теперь, видят Трое, оно будет побочным.

— С радостью выполняю и его! — все так же улыбаясь, сказал парень.

— Не сомневаюсь, — в голосе Годварда спокойная уверенность смешалась с плескающимся через край ядом. Жаль только не все это заметили. К примеру Яков, ученик архи-мастера. Судя по его глазам и выражению лица, он вообще не понимал, что значила эта, бессмысленная на первый взгляд, игра слов. — Тебе предстоит посетить академию Красного Полумесяца. Тамошние служители и демонологи просили помощи в переводе старых трактатов и хроник. Работы там не на один день и даже не на месяц, так что запасись терпением. А знания, как нам известно, у тебя есть. Вингут ведь обучал тебя древним языкам и ремеслу летописания?

— Все верно, — ответил Малтис. — Я сдал экзамен по этому предмету с превосходной оценкой.

— Точно, — подтвердил Годвард, — а еще ты помогал своему учителю переводить старые книги. Не совсем разрешенные.

«Ах вот оно что, — подумал Малтис. — Запрещенные книги! В этом все дело. Только по этой причине вы отослали Вингута на север. За те же грехи ссылаете и меня! Идиоты! Жадные, алчные тугодумы! Да в тех книгах больше знаний, чем в головах всех демонологов вместе взятых».

На несколько мгновений в зале советов повисла гнетущая тишина. Давящая, осуждающая, вводящая в замешательство и способная заставить сомневаться любого. Тишина, буравящая мозг тупой отрешенностью и безразличием. Жертва такой обстановки должна непременно сдаться, сломаться. Однако Малтис лишь улыбнулся и, сдерживая эмоции, сказал:

— Да, у меня есть опыт! И я думаю, что вы не совсем представляете насколько он большой. Поэтому я не подведу вас с последним заданием.

— Я верю тебе и возлагаю на тебя большие надежды! — Годвард улыбнулся. В самый последний момент. Будто натянул маску, боясь, что его истинное лицо увидят не те глаза.

Малтис внутренне содрогнулся. На одно короткое мгновение парню показалось, что за понятной гримасой ярости архи-мастера срывается что-то еще. Что-то непонятное,

неизвестное и потустороннее. Такое, с чем Малтис еще не встречался. Нечто настолько чуждое, что могло бы довести до сумасшествия, если долго присматриваться к... этому.

— У вас есть еще какие-то вопросы ко мне? — как можно покорнее спросил парень?

— Нет, — Годвард окинул взглядом всех остальных мастеров и добавил: — Я думаю, что мы обсудили все. Теперь можешь идти и готовиться к путешествию. Все разрешения, приказы и дорожные грамоты я уже подписал. Мой ученик выдаст тебе их... Яков!

Ученик Годварда передал Малтису несколько листов пергамента.

— Деньги на дорогу получишь у казначея. Так же он выдаст тебе требование на лошадь. Загляни в конюшни, там тебе подберут хорошего скакуна. На этом все. Счастливой дороги тебе.

Малтис кивнул и направился к выходу.

Глава 9. Алаэн Дербидж. Север

*5419 год, начало первого месяца зимы
Север королевства Маркауна, предгорья*

Утро следующего дня принесло благие вести. На голубом ясном небе выглянуло блеклое морозное солнце. Метель закончилась. Ветер стих, а снег перестал валить. Теперь ничего не мешало обзору, и можно было осмотреться. Пейзаж изменился: лес поредел, кое-где из-под снега выглядывали острые валуны и камни поменьше, а справа показались горы. Горы Анрод! Замечательно. Мы практически на месте. Еще половина дневного перехода и встретимся с Последним Патрулем.

Отправились в путь с хорошим настроением. Хмурые лица егерей посветлели, зазвучали разговоры, нет-нет да и проскальзывали шутки, раздавался редкий смех. Шли быстро, правда до тех пор пока не начался подъем. Сначала плавный и незаметный. Однако часа через два он стал довольно крутым. Лошади замедлили шаг, но это нормально, тут всегда так. Главное чтобы дальше... Ай, не буду загадывать. Пока идем, и то хорошо.

А потом произошло то, чего я больше всего боялся: тропа обледенела. Чем дальше и выше мы поднимались, тем больше тут было льда. Лошади шли еле-еле, оскальзывались и спотыкались. Сани, чьи полозья были подбиты металлом, постоянно стаскивало в стороны. Для нас снова нашлась работенка.

Некоторые егеря встали в упряжку вместе с лошадьми, другие толкали повозки сзади. Я оказался в числе последних. Пришлось попотеть, и уже часа через три все валились с ног. Однако с обледеневшим подъемом справились. Началась относительно ровная местность. Лошади пошли быстрее.

К северному рубежу мы успели до захода солнца. Вот только никакого Последнего Патруля тут не было. Мы остановились на приметной каменистой площадке, лишенной всякой растительности, осмотрелись. Позади нас раскинулось редколесье, впереди — заснеженная пустыня, справа возвышались горы. Обычно тут и происходит передача дозора. Командующий Патруля обязан доложить нам обстановку на севере и отправиться в Нортмарк. Однако докладчиков не было. Это обстоятельство озадачило и встревожило всех. Что-то неладное тут происходит. Это факт.

— Может другой тропой пошли? — озвучил свои мысли Ланц.

— Нет-нет! — замахал рукой Пекарь. — Нет других нормальных троп! А те, что есть — за многие лиги отсюда. Зачем им это.

— Ну, мало ли чего могло случиться! — не унимался Ланц.

— Да что бы там ни произошло, они все равно должны придти сюда. Есть же уговор, что Последний Патруль всегда встречает смену именно тут, — Возразил Пекарь.

— Да хрен его разберет! — вздохнул Ланц. — Ладно, пошли пока палатку растянем.

Двое егерей принялись за работу. И так у них всегда, сначала спорят, бывает, чуть ли не до драки, а потом вместе работают. Лучшие друзья, что тут еще добавишь.

Мы быстро разбили лагерь, развели костры. Вернулись первые патрульные.

— Ну?! — послышался требовательный голос сержанта Пайка.

— Ничего! — отрицательно помотал головой один из дозорных. — Никаких следов.

Сержант озадаченно кивнул и принялся чистить пицаль. Через час, когда начало темнеть, ушел новый патруль, но быстро вернулся. Парни были встревожены и даже слегка

напуганы. Они сразу направились к Пайку.

— Там северяне! — сказал один из егерей, указывая в сторону горных отрогов.

— Много? — вскинулся сержант.

— Вроде трое...

— Так вроде или трое?! — заорал Пайк.

— Трое!

— Да, точно трое, — поддержал товарища другой патрульный.

— Вооружены? — спросил сержант.

— Мы не разглядели. Они еще далеко, примерно в получасе ходьбы отсюда. Мы, как только их увидели, сразу обратно, с докладом.

— Ладно... Хорошо, — Пайк немного успокоился. — Ториш, бери своих ребят, отправляйся вперед. Встретите там чужаков. Сразу ведите сюда... Да, осмотритесь там для начала. Сдается мне, что это приманка. Видимо варвары решили прорваться на юг. Засаду нам устроили! Ублюдки!... Чего доброго и Последний Патруль укокошили...

— Понял! Осмотримся, все как надо сделаем, — Ториш поправил меховую шапку. — Ну, что, парни, собираемся и выходим.

Собираться долго не пришлось. Мы просто похватали оружие и отправились в путь. Эд, как всегда, убежал вперед, но вскоре вернулся.

— Они уже недалеко. Идут быстро. Вот только их не трое, а четверо. Двое мужчин, женщина и грудной ребенок, — доложил Эд.

— Ну, что, как думаете, засада? — Ториш глянул на нас с Джалеком. Мы дружно пожали плечами.

— Проверить надо, — сказал я. Южанин кивнул, подтверждая мои слова.

— Согласен, — сказал Ториш. — Давайте-ка вдвоем во-о-он к тем валунам и вдоль предгорий. Посмотрите, не засел ли там кто.

Мы с Джалеком сорвались с места и нырнули в каменный лабиринт. Острые камни тут торчали из земли, словно когти какого-то диковинного чудища. Мы петляли, забираясь все выше и выше. Наконец, когда оказались на крутом холме, осмотрелись. Трех, точнее четверых северян мы увидели сразу. Они были в полулиге от Пекаря с сыном. Вот только никаких воинов, прячущихся среди валунов, мы не обнаружили.

— Возвращаемся! Нет никакой засады, — уверенно сказал Джалек.

— Угу... — я внимательно осматривал лабиринт из камней, пытаюсь запомнить их расположение. — Давай только обойдем со стороны. Вон там, — я указал рукой в нужную сторону. — Как раз выйдем в спину северянам,отрежем пути для бегства.

Южанин кивнул. Мы начали быстро спускаться вниз с заснеженного каменистого холма. Без задержек пересекли каменистую гряду и вышли в тыл четверым варварам. Как раз вовремя. Ториш и Эд вынырнули из своего укрытия и направили арбалеты на незваных гостей.

Варвары замерли как вкопанные, а женщина даже вскрикнула от неожиданности. Один из северян, молодой еще мужчина, затравлено оглянулся, увидел нас и вовсе сник. Снял с головы мохнатый капюшон, скрывающий некрасивое лицо с огромным приплюснутым носом и широко посаженными глазами. Бросил короткое копьё на землю.

— Эй! — крикнул Эд. — Не рыпайтесь! Стойте на месте!

Северяне молчали, но не двигались.

— Вы понимаете, что я говорю? — еще громче крикнул Эд.

— Понимаем, понимаем. Поэтому и не двигаемся! — прокрипел второй северянин. Я не видел его лица, но по голосу понял, что это совсем древний старик. — Чай не Гвизары какие. Ваш язык знаем.

— Ну, коли так, отец, — вступил в разговор Ториш, — прикажи бабе, чтоб показала, чего в свертке прячет.

Северянка опасливо огляделась. То на нас, то на Пекаря с сыном и обратно. Только сейчас я заметил, что женщина очень красива. На вид лет двадцать пять. Черные волосы и блестящие васильковые глаза, аккуратный маленький носик и тонкая полоска алых губ под ним, миниатюрный заостренный подбородок. Слегка пухленькие щечки венчали чуть заметные сейчас ямочки. Наверное, когда она улыбается, ямочки эти выглядят еще очаровательнее. Сейчас женщина была серьезной, напряженной, напуганной.

— Там мой сын... — дрожащим голосом сказала она и чуть приподняла сверток.

— Джалек, проверь! — крикнул Пекарь и указал рукой на северянку.

Джалек быстро зашагал вперед, обошел варваров и остановился рядом с женщиной. Южанин бесцеремонно выхватил маленький куль из ее рук. Резанул по ушам захлебывающийся детский плач, но как только Джалек развернул все пеленки и шкуры, крик затих. К южанину потянулись пухлые ручонки, послышалось веселое агуканье.

Пекарь удовлетворенно кивнул и сказал:

— Понесешь его до лагеря. Эд, веревка с собой?!

Эд кивнул.

— Давай сюда арбалет, — сказал Ториш сыну. — Свяжи всем троим руки. Пойдут так.

Паренек бросился исполнять приказ отца.

— Что, даже мне руки свяжете? — медленным дребезжащим голосом спросил старый варвар.

— Не обессудь, старик. Наш старший потом разберется, и если он решит, что ты пришел без злого умысла, то развяжет тебе и твоим людям руки.

— Я переживаю не за свои руки, — неторопливо проскрежетал старик. — Я боюсь за свои ноги. Они и так еле-еле несут меня, а уж если вы заберете посох... — северянин потряс старой палкой в воздухе и вздохнул.

Подошел Эд, забрал посох, связал старцу руки.

— Мои люди помогут тебе идти, — успокаивающе сказал Ториш. Старик лишь согласно кивнул.

Когда сын Пекаря покончил со связываньем рук, начал обшаривать варваров. У старца он ничего не нашел, как и у девушки, а вот у мужчины обнаружился кинжал под шкурами. Эд забрал оружие себе. Я подобрал посох и короткое копье.

— Ну, двинули? — будто бы сам у себя спросил Пекарь. Потом обратился к северянам: — Я пойду первым, вы — сразу за мной.

Мы двинулись в обратный путь. Варвары беспрекословно следовали за Торишем. Не спрашивали, куда и зачем мы их тащим, и вообще вели себя очень тихо. Я, как обычно, шел замыкающим. Пришлось крутить головой вдвое чаще обычного. Вдруг все-таки засада?! Хотя опасности я не чуял.

В лагерь мы вернулись, когда уже окончательно стемнело. Нас уже ждали. Пайк не дурак и догадался выслать еще нескольких дозорных. Пленников провели сразу к основному костру.

— Как тебя зовут, старик? — спросил сержант. Он сразу понял, кто из пленников

главный.

— Тригар, — устало ответил старик. — А это Бон и Ланита. Брат и сестра.

— Как малыша зовут? — спросил Пайк девушку.

— Не придумали еще имя, — робко ответила Ланита.

— Что ж, ладно. Сколько вас?! — сразу взял быка за рога сержант Пайк.

— Ты сам видишь. Четверо, — спокойно ответил старый северянин.

Пайк сощурился, глянул на Пекаря. Тот еле заметно кивнул в ответ. Сержант снова обратился к варварам.

— Допустим. Но что тогда вы, четверо, делаете так далеко на юге?

— Бежим, — просто ответил старик.

— Бежите? Хм! И от кого же?

— От Гвизаров.

Егеря зароптали. Да, о Гвизарах многие знали. Поговаривают, что это самое жестокое племя на севере, а еще говорят, что они людоеды. Я не склонен верить таким слухам и больше доверяю своему мечу, ведь на любого врага, даже самого свирепого, найдется хорошо заточенная сталь. Для меня лично странно другое: почему Гвизары забрались так далеко на юг. Они ведь, как известно, редко покидают свое насиженное место в северной оконечности гор Анрод.

Сержант, видимо, думал о том же, поэтому озвучил мои мысли вслух. Тригар ответил:

— Гвизары тоже бегут. Все бегут. Весь север пришел в движение. Только вот Гвизары еще и умудряются нагадить на своем пути, за ними тянется слишком кровавый след. Все поселения, что встречаются на своем пути, они разоряют и сжигают. Людей убивают и съедают... — старик замолчал, переводя дух. Ему было тяжело говорить. Наконец, когда он передохнул, продолжил: — Нашу деревеньку они тоже уничтожили. Повезло только нам, мы сбежали. Всех остальных, тех, кого мы знали и любили, они пустили под нож. Съели, сделали из них запасы мяса на зиму.

Ланита тихо захныкала, зашмыгала носом. Бон сурово посмотрел на нее, обнял покрепче.

Сержант устало протер глаза, поправил шапку, спросил:

— От кого тогда бегут Гвизары? От кого, как ты говоришь, бежит весь север?

— От того, кто поселился далеко на север, — ответил Тригар.

— Мне надоели твои недомолвки! — рявкнул Пайк. — Назови его имя.

— О! Его никто не знает. Он пришел непонятно когда и непонятно откуда.

Сержант Пайк вздохнул, злобно сощурился и, словно змея, прошипел:

— И где же он поселился?

— В вашей самой дальней крепости. Там, куда не так давно прошел отряд один в один как ваш.

Мы все ошарашено молчали. Это что же получается? Последнюю Твердыню занял кто-то другой? Кто-то, от кого бегут самые свирепые племена севера?

— Ты видел наших ребят? — наконец заговорил Пайк. В его дрожащем голосе читалось нетерпение, а еще страх. — Когда? Что с ними?

— Я видел отряд воинов, похожих на вас, месяца полтора-два назад. Они шли на север. И назад они не возвращались, за это я ручаюсь.

Повисла мертвая тишина. Даже лошади перестали хрустеть овсом. Мы будто бы оказались в древнем склепе. И только лишь Тригар спокойно смотрел на нас. Он вздохнул и

сказал:

— Эх, развязали бы вы нам руки. А, сынки? Не нас надо бояться и даже не Гвизаров. Бояться теперь надо настоящего врага.

Я вздрогнул.

Сержант Пайк встал со своего места, неторопливо прошелся вокруг костра, приказал:

— Пекарь, отведи пленников ко второму костру. Накорми их... И да, развяжи путы.

Мы занялись пленниками. Когда распоряжение сержанта было выполнено, снова вернулись к общему костру. Расселись на своих местах.

— Что ж, — начал Пайк, — если верить словам Тригара, то Последний Патруль ждать не стоит.

— Просрали север... — вздохнул кто-то из егерей. Сержант сурово посмотрел на паникера.

— Последняя Твердыня тоже захвачена, — сказал Ланц.

— Ну, это еще не факт, — возразил сержант Пайк. — Возможно, парни из Патруля еще пытаются удержать крепость.

— В любом случае расклад паршивый, — протянул Ланц.

— Паршивый, — подтвердил Пекарь. — Но грош нам цена, если мы так и будем сидеть тут и гадать. Я думаю, нужно идти на север.

— Согласен, — сказал сержант. — Только не стоит забывать об отряде Гвизаров. Тригар сказал, что они пытаются прорваться на юг.

— Да. И получается, что они не так уж и далеко. В одном дневном переходе отсюда, а может и меньше, — сделал вывод Пекарь.

— С чего ты так решил? — спросил Ланц.

— Ну, сам подумай! Беглецы уже дошли до нас. Гвизары идут за ними следом. Когда, по-твоему, они будут здесь? Я молю троих, чтобы не сегодня ночью.

Ланц пожевал губами, согласно кивнул. Сержант Пайк взял слово:

— Я поддерживаю вариант Пекаря! В общем, так: сначала разбираемся с северянами, а потом выходим к Последней Твердыне. Теперь всем спать! Дежурство по старой схеме.

Остаток ночи прошел без происшествий, а утром, как только рассвело, мы отправились в дозор. Из лагеря вышло две четверки егерей, остальные остались собирать вещи и готовиться к походу.

Мы разделились. Каждый из восьми дозорных выбрал свое направление. Отправились поодиночке. Так тише и незаметнее, но больше шансов обнаружить Гвизар.

Я выбрал северо-восточное направление. Прямоком к отрогам гор Анрод. Сошел с основной тропы и углубился в пока еще редкий каменный лабиринт. Постепенно я поднимался все выше и выше, то и дело рискуя оступиться на обледеневших камнях. Наконец очередное всхолмье закончилось, превратившись в небольшой скалистый хребет. Я поднялся еще выше. Отсюда открывался умопомрачительный вид. Слева, как на ладони, лежала узкая лента северной тропы, по которой мы вскоре отправимся к Последней Твердыне. Справа циклопическим массивом нависала стена величественных гор. Спереди — крючковатые когти скал, позади — лесистая равнина, плавно переходящая в каменистое плато предгорий.

Осмотревшись повнимательнее, я заметил и ту самую невзрачную каменную келью. Значит, направление выбрал правильно! Отлично! Думал, что не найду ее. Да и не мудрено. Я был тут всего один раз и не в том состоянии, чтобы нормально запомнить дорогу.

Приободрившись, зашагал дальше.

Келья находилась довольно высоко. Пришлось изрядно попотеть, чтобы добраться до нее. Я перевел дух только тогда, когда шагнул на крыльцо скромной обители старого отшельника. Дернул за ручку массивной дубовой двери. Не заперто. С затаенным трепетом в сердце вошел внутрь.

Я вернулся!

В келье, как я и ожидал, никого не было. Только все то же аскетичное убранство: лежанка, вырубленная прямо в камне, каменный же камин и такой же стол. Все. Больше никакой мебели. Голые стены. Голый пол.

Я постоял в единственной комнате пару минут, вышел обратно на крыльцо. Вздохнул. Мой второй дом. Я умер тут три года тому назад.

От воспоминаний меня отвлекло движение. Далеко внизу, среди камней и скал показались маленькие точки. Северяне! Отряд Гвизар. Они шли прямо по северной тропе и не скрывались. Я попытался сосчитать их. Сбился на тридцати и принялся снова... Сорок... Пятьдесят... Примерно шестьдесят варваров. Я, не медля ни секунды, рванул вниз, обратно в лагерь.

Друзья, если вам понравилась книга, то ставьте лайк. Давайте поддержим книгу на старте.

Глава 10. Дин Бэйл. Одержимый

5419 год, последний месяц осени

Юг королевства Маркаун, Трангол

Протяжно заскрипели ворота, ведущие на улицу. В цех ленивыми клоками проскользнул густой, словно сметана, туман. Он свинцово-серой дымкой за клубился у входа, заметался снаружи, пытаясь успеть проскочить вовнутрь. Подул промозглый ветер, в одну секунду создавший в помещении противный сквозняк.

Дин, вынырнув из своих размышлений, оглянулся, замер. Даже шерсть бить перестал.

Грохнув, что есть силы, воротами, в цех вошел Бигзи.

— Бр-р-р-р! Сучья тварь! — недовольно бормотал мужик, скидывая промокший плащ и отряхиваясь, словно пес. — Дерьмо вонючее! Гребаная сточная канава! Течет, как из шлюхи...

— Это что ж за шлюха такая? — хохотнул недавний спорщик из тех, что обсуждали утренние сплетни.

— Небесная... Сучья тварь! — Бигзи все никак не мог унять гнев. — Увидела член у кого-то из Троиш, вот все уняться никак и не может.

Мужчина наконец стянул с себя всю мокрую одежду и медвежьей походкой направился к рабочему месту. Собеседник засеменил следом, изредка посмеиваясь удачной шутке друга. Бигзи дошлепал до своего стола, накинул поверх легкой рубашки тяжелый халат, сшитый из грубой мешковины, и резко обернулся к товарищу. Тот спросил:

— Ну, а в городе что делается?

— Да чего... Дерьмо по улицам течет, вот чего, — огрызнулся Бигзи.

— Ха! Иначе и не бывает... Только вот я про другое. Что там за кипеш? Говорят, то ли заключенный сбежал, то ли варвар какой буйствует.

— А! Это... — собеседник почесал патлатую голову и уверенно заявил: — Одержимый. Одержимый демоном в городе появился.

Все работяги, которые уже давным-давно прислушивались к разговору, разом охнули. Загалдели.

— Одержимый!

— Демоны в городе...

— Ну, я тебе говорил, а ты...

— Куда стража смотрит!

Поначалу Дин испугался, но страх тут же сменился безразличием и раздражением. Парень уже устал бояться, и его все это сильно бесило. Снова начала болеть голова. Проблемы, дела, мелкие неурядицы, которые Дин постоянно держал в своих мыслях, норовили разорвать мозг...

Парень потерял интерес к разговору, отложил в сторону колотушку, перевел дух. Прикинул по времени — скоро обед, а значит можно немножко и передохнуть. Краем глаза Дин увидел мастера, вышедшего из своей подсобки, стал наблюдать за ним. Мастер в свою очередь с интересом смотрел на галдящих мужиков. Ему это быстро надоело и он, надрывая глотку, заорал:

— Чего не работаем?! Перекура нет! Обед еще не начался. Какого хрена?!

— Эй, Джим! — крикнул в ответ Бигзи. — Не верещи так, а то родишь!

Мужики захохотали, а мастер покраснел, опешил, но сразу же нашелся что сказать:

— Бигзи, у тебя чего, работы мало? Ты и так две нормы на сегодня хапнул. Твои проблемы, как ты их выполнишь.

— Да помню я, помню. — Бигзи сразу сник.

— А вы чего уставились? Силы кончились что ли? Не можете работать — вон дверь, вон улица! Вас тут никто не держит.

Мужики насупились и стали разбредаться по своим местам. Дин сделал вид, что поправляет шерсть.

— Эй, Дин! Дин Бэйл! — закричал мастер.

— Да! Тут я, — ответил парень. Внутри у него все затрепетало.

— Зайди ко мне!

Дин, оставил в покое шерсть и, забыв про обед, двинулся к подсобке.

Мастер дождался его у двери и как-то по-дружески, мягко сказал:

— Ну, проходи, проходи, не на пороге же разговаривать, — он пропустил парня вперед, а сам обернулся к работягам и в полголоса прошипел: — Не Джим, а мастер Джим...

Никто кроме Дина, естественно, не услышал последних слов.

Мастер стремительно забежал к себе в коморку, метнулся к кособокому столу, рассеяно схватил несколько свитков с непонятными записями, отложил их в сторону и устало упал на расшатанный стул.

— Да ты садись, садись! — сказал Джим, указывая на лавку, заваленную мешками и еще каким-то непонятным тряпьем. — Нужно серьезно поговорить.

Дин уселся на край лавки. Спина прямая, будто бы палку проглотил, все тело напряжено, а руки слегка подрагивают. Джим устало уставился на парня, протер глаза, помассировал виски и сказал:

— У меня к тебе деловое предложение. Я хочу предложить тебе другую работу.

— И что это за работа такая будет? — спросил Дин. Он с облегчением выдохнул и немного расслабился. Сегодня его не будут отчитывать за ошибки и недочеты в работе, а ему не придется краснеть и оправдываться.

— Хм... — хмыкнул мастер Джим. — Я думаю, ты уже слышал новость о том, что мы собираемся приобретать новый станок по прокату шерсти?

Дин кивнул.

— Отлично! Станок этот скоро будет у нас, и мы бы хотели предложить тебе поработать на нем. Оланд посоветовал твою кандидатуру на это место. Он ведь хороший специалист, поэтому мы прислушались к его совету. Да и сами видим, что ты хорошо работаешь и справляешься со своей работой. Тем более ты молодой, обучаешься быстро. Ну и, в конце концов, деньги лишними никогда не бывают, особенно в твоей ситуации! — Джим задорно подмигнул. — А на этой работе мы будем платить тебе столько же, сколько и Оланду... Нет, ну первый месяц поменьше конечно. Пока научишься, пока то да се, а вот потом уже да... там побольше будет.

— Но ведь это сложно. Сложный механизм уже... — попытался отбрыкнуться Дин.

— Да ну, сложный! Ничего не сложный. Научишься. Все учатся. Тем более Оланд сказал, что возьмет над тобой шефство, понатаскает тебя на своем станке, покажет, что к чему. В общем всему научит... Ну, что скажешь?

Дин молчал, старательно отводя глаза в сторону, но, наконец, сказал:

— Ну... надо подумать...

Мастер Джим цокнул языком, возмущенно хлопнул себя по коленям, громко и напористо заговорил:

— Да чего тут думать? И думать нечего. Ты главное пойми — денег получать намного больше будешь! Сидишь там, свои гроши несчастные считаешь, а тут, глядишь, и семье поможешь и девку путную найдешь. Они ведь знаешь какие падкие на звонкие монеты-то?! У-у-у!

— Ладно... — Дин замялся. — Да, мастер Джим, вы правы, деньги мне сейчас и правда, позарез нужны. Поэтому я согласен на новую работу.

— Вот и отлично! Вот и хорошо! Завтра же с утра подпишу тебе перевод. Все, готовься! — Джим разом повеселел, замахал руками, ободряюще похлопал парня по плечу.

— А когда можно приступить к обучению? — тихо спросил Дин.

— Поговори с Оландом. Когда он будет готов — тогда и начинайте. Но я думаю уже с завтрашнего утра можно.

— Ладно, хорошо! С завтрашнего утра тогда и начну.

— А? Да-да! — Джим уже думал о чем-то другом и не обращал внимания на парня.

Дин встал с грязной лавки, бесшумно покинул каморку мастера и направился напрямиком к Оланду.

— Не сильно занят? Есть минутка? Поговорить надо! — спросил парень своего бывшего наставника.

— Нет, не сильно. Давай, рассказывай, что случилось.

— В общем, ты был прав. Работу на прокатном станке мне предложили! — Дин во всех подробностях пересказал Оланду разговор с мастером Джимом.

— Молодец! Правильно, что согласился, — одобрительно кивнул бывший наставник.

— Я тоже так считаю, — кивнул Дин. — Ну, так что, с завтрашнего дня начнем?

— Давай начнем! С утра, как только придешь, сразу сюда, к станку! — бодро сказал Оланд и по-отечески добро потрепал парня за шевелюру. — Не кисни, теперь нормально все будет!

Дин кивнул, улыбнулся и отправился на свое рабочее место.

Есть перехотелось, да и обед вроде бы уже закончился. Не задалась и работа. Дин то и дело мысленно возвращался к разговору с мастером и постоянно думал о новом станке. Как он будет на нем работать? Какие тонкости еще предстоит изучить? Какие сложности его ждут? Как лучше все организовать?

В общем, вопросов и сомнений было чересчур много, а вот ответов — ни одного. Единственная надежда — Оланд. Только он сможет все разъяснить, утешить и развеять страхи парня. Бывший наставник ведь отличный специалист и знает свое дело, да и человек не чужой. Он всегда хорошо относился к Дину, и ему было не наплевать на парня.

Немного успокоившись, Дин сосредоточился на работе, но все те же мысли так и крутились в голове весь оставшийся день. В конце смены парень покидал цех с легкой головной болью. Однако снаружи его ждал сюрприз: дождь прекратился, непроглядные свинцовые тучи рассеялись, и на вечернем небе проглянуло багряное закатное солнце.

«К морозу!» — подумал парень. Он полной грудью вдохнул свежий, прохладный воздух и бодро зашагал домой. Постепенно голова прояснилась, а дурные мысли улетучились. Дин сначала даже решил идти домой через центр, пусть этот путь и был самым долгим, так ему захотелось насладиться долгожданным солнцем. Однако он вовремя вспомнил о домашних делах и отправился привычным и самым коротким маршрутом.

Пройдя всю территорию фабрики, Дин свернул в узенький переулочек между двумя складскими ангарами, миновал закуток Войлочной улицы и свернул к западной окраине Трангола. Тут улицы пошли пошире, поровнее и побогаче. Вдоль дороги вольготно раскинулись не самые красивые, но уютные с виду дома зажиточных горожан.

«Да, наш Муравейник не чета этим-то улицам!» — подумал Дин, вспоминая свою улицу, где старые, обшарпанные, покосившиеся дома буквально наваливались и липли друг к другу.

Дин мастерски лавировал между огромными мутными лужами, грязевыми ручьями и размокшими лошадиными яблоками. Внезапно он усмехнулся от пришедшей в голову мысли. Одно всегда остается неизменным, что на этой улице, что в его Муравейнике: грязь, лужи и лошадиное дерьмо. Да, так и было.

Постепенно дорога пошла в гору. Вдоль обочин то тут, то там краснела размытая дождем глина. Тут дождевые потоки были еще шире и стремительнее. Они размывали по улице не только лошадиный помет, но и ту самую вязкую, липкую глину. Дин уже не старался обойти или перепрыгнуть грязь. Тут это было попросту невозможно сделать, поэтому парень просто брел, шлепая по лужам испачканными башмаками.

Вскоре из-за крыш окрестных домов показался храм Троиц. Феноменальной красоты строение, с резными золочеными колоннами, мозаичными витражами, вычурными арками и воздушными шпилями, блистало и искрилось даже сейчас, в закатных сумерках. Стены храма, ниши, выступы, балконы, да и остальные мельчайшие детали внешнего интерьера были обрамлены тончайшей золотой каймой. Это придавало дополнительный объем всему сооружению.

Дин невольно залюбовался храмом и чуть не пропустил свой поворот. Тут дорога раздваивалась. Один ее конец уходил к храму и дальше — к центру, а другой поворачивал налево и спускался под гору. Дин свернул влево и, стараясь не поскользнуться и не упасть, засеменял вниз по мокрой, грязной улице.

Дорога все круче забирала влево. Огибала овраг, заросший ивняком и тополями, делала приличный крюк и шла все ниже и ниже под гору. Наконец крутой спуск закончился. Справа появились первые груды булыжников — остатки рухнувшей давным-давно стены. Еще дальше показались древние, искореженные дубы. Их корявые, похожие на извивающиеся мокрые щупальца, ветви тянулись к самой земле и мешали проходу. Через несколько шагов Дин различил первую старую могилу, заросшую сорняками. Тут начиналось древнее, давно заброшенное кладбище.

Дин зябко поежился. В этой низине всегда было холоднее, чем везде. Однако не столько холод тревожил парня, сколько вид древних камней, возвышающихся над неизвестными могилами. Камни эти, казалось, были живыми и могли видеть. Вот только смотрели они, будто бы, не на проходящих мимо людей, а куда-то в небесную даль. На звезды, солнце, облака и луну.

Парень поспешил проскочить это жутковатое место и стремглав вылетел на Старую улицу. Тут было тихо. Так тихо, что в первую секунду Дин даже замер. Так неестественно звучали его оглушительно громкие шаги в этом царстве безмолвия. Каждый раз, когда парень тут проходил, ему всегда казалось, что весь мир умер. Отчасти так и было. Ведь для обитателей этой улицы мир и правда давно умер.

Дин перевел дух и не спеша зашагал по узкой дорожке. Слева и справа нависали древние, покосившиеся дома. Крыши некоторых из них давно провалились, в углах других

домов зияли дыры. Бревна прогнили, доски проели жуки-короеды. Дину каждый раз казалось, что он попал в заброшенную деревню. Однако это было не так.

Изредка в окна выглядывали морщинистые, засохшие абрикосы старческих лиц, тут же пропадали. Некоторые продолжали наблюдать за одиноким путником. В глазах стариков читалась тоска и глубокое безразличие ко всему. У них ничего не осталось и ничего уже больше не будет. Их удел — маяться в своих каморках, пропахших мочой и потом, ходить из угла в угол и дожидаться смерти. Ничего хорошего их больше не ждет, только тьма и бесконечная пустота.

Дину было страшно представлять себя старым, однако он понимал, что это ждет каждого. Это неизбежно. Разница была лишь в том, с каким уровнем комфорта люди встречают старость.

Старая улица закончилась так же внезапно, как и началась. Просто в какой-то момент резко оборвалась и превратилась в пустырь. Видимо, раньше тут тоже были дома, но теперь, под густыми зарослями терновника, не было видно даже рассыпавшихся фундаментов. Тут пахло сыростью, гнилью и древней ветхостью.

Метров через сто начался парк, поросший с самого края все тем же терновником. Откуда-то из-за деревьев доносились приглушенные пьяные голоса. Дин прислушался, но слов разобрать не смог. Видимо, пьяницы собрались далеко от дороги. Парень зашагал дальше, но вскоре остановился. Из зарослей молодого клена, что раскинулись далеко впереди, донесся жутковатый хрип, скрежет и противный клетот. Дин настороженно присмотрелся к кустам, но ничего не смог разобрать, снова двинулся вперед. Хрип повторился, и парень снова замер. Ничего. Пусто.

В следующую секунду Дин, с немыслимой скоростью, шмыгнул в заросли терновника и затаился там. Прихрамывая, сугулясь и выгнув голову под неестественным углом, на дорогу выбралось нечто. Существо это, совсем недавно, явно было человеком. Об этом свидетельствовала внешность, пусть и сильно обезображенная, и одежда. Яркие-красные шелковые штаны, красные же сапожки из мягкой замши, черный кушак и ярко-зеленый сюртук. Вылитый попугай! Однако Дин знал, что это был кто-то из купеческой братии Трангола. Только они специально одевались так ярко и дорого, чтобы выгодно отличаться от общей человеческой массы.

Существо выбралось на середину дороги, запрокинуло голову и застрекотало. Повернуло голову в сторону Дина, принялось. Парень не дышал и зажмурил глаза, лишь бы не видеть взгляд черных, лишенных зрачков, бездонных глаз бывшего купца. «Купец» задумался, поптичьим склонив голову на бок. Внезапно он сморщился, возмущенно заклекотал и отвернулся от Дина.

Парень приоткрыл глаза и увидел, что на встречу «купцу» бредет еще один человек. Дин осторожно отодвинул ветку терновника в сторону, присмотрелся к невысокому, полноватому и лысеющему мужчине. Мильтон! Ну, точно, городской демонолог, мастер Мильтон! Парень узнал его, ведь он не раз видел демонолога на городских праздниках. Мильтон всегда ошивался рядом с бургомистром и каждый раз был в стельку пьян. Только вот что ему тут-то понадобилось...

В следующее мгновение в голове Дина окончательно сложилась мозаика всей картины. «Купец» был одержим демоном, а Мильтона послали для изгнания мерзкой твари из этого мира! В глазах парня потемнело, голова стала легкой-легкой, сознание поплыло, а окружающая действительность норовила вот-вот перевернуться. Однако Дин приложил все

силы, что у него остались, чтобы не отключиться.

На дороге события развивались неторопливо. Мильтон, наконец, остановился шагах в двадцати от одержимого, икнул, утер рукавом нос, пошатнулся, чуть не упал, но на ногах кое-как удержался. Демонолог и сейчас был пьян. Одержимый, будто бы почуяв это, улыбнулся и хитро уставился на Мильтона, но нападать не торопился.

Мастер Мильтон, собрав всю свою отвагу в кулак, трясущимися руками достал из-за пазухи амулет в виде красного полумесяца и выставил перед собой. Взгляд мужчины мгновенно стал более осмысленным. Одержимый демоном дернулся как от удара, возмущенно застрекотал, зашипел. Демонолог, не теряя времени даром, что-то забормотал и стал нервно разматывать плеть. Непослушное оружие никак не давалось и норовило выскользнуть из рук. Однако мастер справился и с этим.

В воздух взметнулась смертоносная плеть, и одновременно с этим Мильтон выкрикнул слово-активатор. Опасный хлыст косо хлестнул землю перед ногами одержимого. Ярко полыхнуло. Мощный щелчок оружия слегка оглушил Дина, а неистовый вопль боли одержимого — дезориентировал на несколько секунд.

Когда парень пришел в себя, одержимый «купец» уже медленно поднимался на ноги. Видимо удар плетью с вложенной в нее эфирной энергией не возымел особого эффекта, а лишь отбросил одержимого в сторону. «Купец» секунду помотал головой, выгнул спину до противного хруста в позвоночнике и громогласно заверещал, а в следующее мгновение бросился на демонолога.

Мастер Мильтон судорожно засучил руками, подтягивая к себе плеть. Слепо ударил наотмашь, потом еще раз и еще. Однако то ли одержимый был настолько проворен, то ли демонолог потерял остатки самообладания, но хлыст так и не достиг цели.

Мильтон дернулся, развернулся, хотел бежать. Одержимый оказался намного быстрее: на всей скорости он врезался в мастера, свалив его в грязь. Мильтон неуклюже кувыркнулся, перекатился и замер в грязевой луже. «Купец» резко взвился в воздух и приземлился на все четыре конечности. Хищно изогнул спину, зашлепал, медленно пополз к демонологу.

Демонолог, чувствуя близкую смерть, зашевелился, задвигался быстрее. Стремительно, насколько мог, выбрался из грязи, встал на колени и, кряхтя и отдуваясь, поднялся на ноги. Несколькими быстрыми движениями притянул и смотал плеть, шепнул новое слово-активатор, на секунду замер, а потом снова ударил. В этот же миг метнулся на свою жертву и одержимый. На мгновение двое противников сшиблись друг с другом, а потом откатились в разные стороны. Одержимый отлетел к кустам, из которых выбрался на дорогу. Мильтон снова упал в лужу.

Несколько секунд ничего не происходило, стояла оглушительная тишина. Дин даже подумал, что оба противника погибли, но тут же раздался противный хрип и скулеж. Одержимый «купец» медленно поднимался на ноги, держась окровавленными руками за обожженное лицо и грудь. Когда он опустил руки, Дин увидел страшную картину: вся голова и половина тела одержимого превратилась в расплавленный кусок плоти, с которого слезала кожа, и отслаивалось горячее мясо, оголяя кости.

Одержимый тоскливо завопил и, пошатываясь, зашагал вперед. Прямо на землю с него падали ошметки кожи и тлеющей плоти. Он перешагнул через демонолога и заковылял в парк, в ту сторону, откуда до сих пор доносились пьяные голоса. Дин смотрел в след одержимому «купцу» до тех пор, пока тот не скрылся из виду, и только тогда позволил себе с облегчением выдохнуть. Парень подождал еще с минуту и выбрался из своего временного

укрытия. Осмотрелся, прислушался. Воцарилась тишина. Тогда Дин неслышно подбежал к демонологу. Лужа и земля вокруг тела мастера давно окрасилась красным. Рядом обнаружилась и оторванная голова Мильтона.

Дин согнулся пополам и опустошил и без того пустой желудок. Еле-еле справившись с рвотой, парень быстро побежал прочь. Снова остановился и начал блевать какой-то слизью и желчью. Опять рванул вперед по дорожной грязи.

Парень, не останавливаясь, миновал старый парк, вырвался на самую окраину Трангола и свернул на мрачную улицу Висельников. Дин мчался вперед по разбитым булыжникам мостовой. Он проскочил мимо бродяги, лежащего вдоль дороги. Бездомный был то ли мертв, то ли мертвецки пьян. Дин не стал окрикивать бедолагу — себе дороже. Мало ли, вдруг он из шайки Душегубца? Такой мертвым прикинется, а подойдешь — нож под ребра и кошелек прикарманит.

Узкая, вонючая улица Висельников резко свернула, и Дин нырнул в поворот. Задел головой пятку одного из повешенных, метнулся в сторону и врезался в столб. Иссохшийся труп, распятый на столбе, покачнулся, хрустнул и лопнул где-то в районе живота. Зажужжали сонные мухи, облюбовавшие на зиму утробу мертвеца, пахло застарелой гнилью и разложившимся мясом. Дин припустился еще быстрее.

В безумной круговерти слева и справа мелькали дома, лица редких прохожих, голые деревья и тощие, облезлые собаки. У приметной покосившейся избушки Дин свернул налево и оказался в своем родном «Муравейнике». Улочка была недлинной, и парень быстро очутился возле калитки своего дома. Только тут он перевел дыханье и осмотрелся.

Из-за соседнего забора, вытаращив глаза, на него ошалело пялилась Мирта. Молодая, черноглазая и черноволосая девушка смущенно отвела взгляд, кивнула и поприветствовала парня. Дин лишь кивнул в ответ и стремглав ворвался в дом. Сумку с обедом он кинул на кухне, прямо на пол, и плюхнулся на широкую лавку, стоящую вдоль печи. Посидев пару минут в тишине и спокойствии, парень окончательно пришел в себя. Размял сначала правое запястье, потом левое. Только сейчас Дин понял, что обе руки от локтя до кисти жгло будто бы огнем. Отмахнувшись от тревожных ощущений, парень подхватил два больших ведра и отправился таскать воду. Сначала домой, потом в бадью для скотины. После этого нарубил дров, перетаскал их в поленницу и прихватил охапку домой. В конце осени ночи, тут на юге, были уже довольно прохладные, поэтому приходилось топить печи.

О недавнем происшествии с одержимым он старался не вспоминать.

Окончательно стемнело. Дин давно покончил с дровами и уже развел огонь в очаге. В топке уютно потрескивали поленья, задорно гудел огонь. Приятно пахло горьковатым и чуть теплым дымком. Парень поставил на шесток горшки со вчерашним ужином. Еда быстро разогрелась.

В коридоре тихо хлопнула дверь. В кухню неслышно вошла мать Дина, вернувшаяся с работы, аккуратно поставила на пол тяжелую сумку с хлебом и крупами и тепло улыбнулась сыну. Парень ответил тем же.

Мать тяжело опустилась на лавку, с облегчением вздохнула. Смахнула со лба длинную прядь светло-коричневых, почти пепельных волос, прикрыла выразительные карие глаза. Тяжело провела ладонью по посеревшему, осунувшемуся, но до сих пор красивому лицу.

Дин, не зная о чем бы поговорить, спросил, уже предвидя ответ:

— Отец все пьянствует? Этой ночью снова дома не был?

— Опять, — односложно ответила мать, резко открыв глаза. — Соседка сказала, что не

больно давно в старом парке его видела с друзьями. Все пьянящие... Короче, как обычно.

— Ага... ясно... — протянул Дин.

Мать снова тяжело вздохнула, прикрыла глаза и тихо спросила:

— Как у тебя дела на работе?

Дин несколько секунд помедлил и рассказал ей обо всем, что произошло за этот долгий день. Поведал о новой работе, о большей оплате. Умолчал лишь о встрече с одержимым.

— Ну и хорошо! Ну и ладно, — сказала мать. — Работай.

— Да... хорошо... — протянул Дин. — Только домой, считай, позже приходиться буду.

— Ничего. Как-нибудь справимся. Главное денег больше будут платить.

Они еще помолчали пару минут, а потом парень спросил с надеждой:

— Ну, а у тебя как? За прошлые месяцы оплату не обещают?

Мать скривилась как от боли в голове, спрятала глаза, отвернулась, но все же ответила:

— Нет. Не обещают. Говорят денег нет, даже за помещения платить нечем...

— Ха! А вы все равно работаете! Значит и пошивочный материал есть?

— Да все есть: и материал, и работа, и заказы. Денег только нет.

Вновь повисла давящая тишина. На секунду в глазах у Дина потемнело. Он с силой стиснул зубы, до боли в пальцах сжал кулаки.

«Эх, сейчас бы взять увесистую дубину, да пойти в этот пошивочный цех, разнести там все к демонам! Да ведь что толку? Прихвостни бургомистра быстренько меня найдут, а там уж никакого суда, никакой камеры. Тогда в лучшем случае — могила! Нет. Нет, тут надо как-то по-другому. Вот только как? Прийти туда и просто вежливо попросить деньги за последние четыре месяца? Ага, они просто улыбнутся и так же вежливо пошлют куда подальше. Нет, нет...» — Дин размышлял над проблемой и судорожно пытался найти какие-то варианты. Вот только ничего стоящего не находил. Да и никогда не найдет. В этом он был абсолютно уверен. Однако матери сказал совсем другое:

— Я что-нибудь придумаю, мам, не беспокойся.

Мать тепло улыбнулась сыну.

Глава 11. Алаэн Дербидж. Гвизары

5419 год, середина первого месяца зимы

Север королевства Маркаун, Северная тропа, на пути к безымянному аванпосту

В лагере царила суматоха. В спешке собирали оставшиеся палатки, вещи, оружие. Из восьми дозорных я вернулся первым и сразу же поспешил доложить обо всем сержанту. Тот решил отступить немного назад и принять бой в лесу. Я не согласился с ним.

— Дождемся остальных дозорных и решим, что делать! — нервно сказал Пайк.

Вскоре вернулись Джалек и Эд. Потом все вместе пришли еще четверо егерей. Последним подоспел Ториш. Собрали совет.

— Нет! Нет и еще раз нет! — кричал Пекарь. — Только не в лесу.

— Там будет намного удобнее! — настаивал Пайк. — Мы перестреляем их из арбалетов еще на подходе.

— Нас слишком мало. Мы не успеем. Северяне затеряются в лесу прежде, чем мы хоть что-то сделаем. Этого нельзя допускать. Как ты собираешься потом их вылавливать?

— Что ты предлагаешь? — спросил Пайк.

— Встретить врага на открытой местности. Хоть прямо тут, — ответил Пекарь.

— Да и тут нельзя! — сказал Ланц. Он был встревожен, казалось, сильнее всех. — Гвизары знают эти горы и предгорья как свои пять пальцев. Они в два счета перебьют нас сверху. Нужно пройти дальше. Выйти в пустошь, туда, где только снег вокруг и никаких скал и камней. Тогда мы сможем их сдержать!

— Хм... — хмыкнул сержант. — Есть поблизости такое место. И не далеко вроде, да?

— Точно, совсем близко, — подтвердил Ланц.

— Ладно, решено! — крикнул Пайк. — Всем вооружиться! Ростовые щиты достать. Пошевеливайтесь, сукины дети! Давайте, давайте! Бегом! Выходим...

Все бросились выполнять команды сержанта. Я достал из саней огромный ростовой щит, взял пять пилумов и сумку под них. Забросил легкие метательные копья за спину, туда же и щит. Схватил за древко свою глефу, но тут же передумал. Какой от нее толк. В тесных рядах с ней не повернешься. Ладно, подруга, подожди до лучших времен!

Так, вроде бы все. Я еще раз проверил снаряжение. Отлично! В путь!

Мы двинулись. Сначала медленно, но потом все быстрее и быстрее. Четверых пленных северян усадили в повозки, дабы не обременять себя. Честно говоря, я нервничал из-за варваров, оставшихся за спиной. Не важно, что один из них дряхлый старик, а вторая и вовсе женщина, каждый может всадить кинжал в спину. А уж про молодого сильного воина я вообще молчу. Вне подозрений оставался только младенец, вот на его счет я полностью спокоен. Ну да ладно, чего раньше времени паниковать? Поживем — увидим.

Через полчаса пути мы вышли на небольшую равнину. Тут не было ни камней, ни деревьев. Лишь снег, снег и снег. От идеальной белизны слезились глаза.

— Тут встанем? — спросил сержант Ланца.

— Нет. Пройдем дальше. Там, впереди, равнина пойдет немного под уклон. Встанем на возвышенности. Гвизарам придется бежать в горку, чтобы добраться до нас, и это их немного измотает.

Ланц не соврал. Примерно через поллиги мы добрались до плавного спуска. Встали тут. Теперь северная тропа была от нас по правую руку. Там же, где и возвышались непреступные

горы Анрод, подернутые морозной дымкой.

Распрягли и связали лошадей, чтоб не сбежали. Завели их в загон из саней. Там же оставили четверых пленных северян. Расселись кто где и принялись ждать. Многие из егерей, от нечего делать, решили подкрепиться. Мне же и кусок в горло не лез. Меня слегка потряхивало и подташнивало, какая уж тут еда. Да что там! Я изрядно нервничал. Нет, не боялся, именно нервничал. Не знаю, чем отличались эти два ощущения сейчас, однако я чувствовал себя не как перед смертельной схваткой, а как перед ответственным и решающим делом. Последний раз я испытывал такое, когда меня принимали в ряды егерей. Та еще была нервотрепка.

— Идут! Идут! — закричал Эд.

Я поднял голову. И, правда — идут. У невысокого отрога, из-за которого выныривала северная тропа, показались северяне. Много. Я вскочил с места, приложил ладонь козырьком ко лбу, принялся снова пересчитывать варваров. Насчитал около пятидесяти пяти и бросил это безнадежное занятие. Сержант вон уже надрывается, орет:

— Строимся, строимся! Быстрее, сукины дети! В колонну по четыре... Шевелитесь...

Мы выстроились в классический квадрат, или каре, как называли такое построение командиры. Ростовые щиты перед собой, по всему периметру. Копья и пилумы торчат во все стороны — не подойдешь. В задних рядах защелкали взводные механизмы арбалетов. Наконец все звуки стихли, однако ненадолго.

Вскоре еле ощутимо задрожала земля от топота сотни ног, долетел до нас гул разъяренных голосов, бряцанье оружия. Северяне мчались прямо на нас беспорядочной, дикой толпой.

Я стоял в первом ряду. По левую руку от меня — Ланц, справа — Эд, за ним — Джалек. Некоторые из егерей подняли арбалеты. Ложа к плечу и целятся.

— Ждать! Не стрелять! — рявкнул сержант.

Северяне прут обезумевшим клином. Совсем рядом. Ор полусотни глоток закладывает уши.

Вдох! Выдох! Шумный, сбивающий дыханье.

Вдох! Выдох! Сзади кто-то тяжело сопит над ухом.

Вдох! Выдох! Облако морозного пара вырывается изо рта.

Вдох! Выдох! Пересохшую глотку изнутри обдирает удушливый ком.

СТУК-СТУК! Так работает арбалет Эда. Два болта — два мертвых северянина.

СТУК-СТУК! Еще два трупа, только теперь на счету Пекаря.

ТАААНГ! ТАНГ! ТАНГ... Захлопали другие арбалеты.

И снова: СТУК-СТУК! Эд закинул за спину опустевшее оружие и выставил перед собой пилум.

СТУК-СТУК! Ториш тоже отстрелялся.

Еще пару раз хлопнули арбалеты других егерей. Все! Времени на перезарядку больше нет.

БААААААААМ! Взвизгнула пуля и навывлет пробила двоих северян. Остальные варвары замешкались на несколько секунд, поубавили прыть. Сержант отбросил разряженную пищаль. Махнул рукой, заорал:

— Пилумы!

Замах, руку назад и бросок с оттягом! Следующий! В воздух взвилась стая хищных, голодных до крови, легких копий. Варвары заголосили еще сильнее. От боли, страха и

ярости.

Я достал из-за спины третий пилум, но варвары были уже слишком близко. Бросок. Острое жало в последнее мгновение пробило двух северян. А потом... Я даже на секунду зажмурился.

БАХ! БАЦ! БАМ! Варвары всей толпой врезались в нас.

Затрещали щиты, но выдержали. Выдержали и мы, качнулись, но с места не сдвинулись. Моя ромфея с шелестом покинула ножны. Я рубанул ей поверх щита словно топором. Острое, с рунной гравировкой, лезвие рассекло череп ближайшего варвара. Кровь и ошметки побуревшего мозга заляпали щит.

БАХ! БАЦ! БАМ! Наше построение сотрясли мощнейшие удары с флангов. Но не так-то просто продавить сплошной панцирь щитов.

— Стоим! СТОИМ! — надрывал глотку сержант.

И мы стояли. Приходилось извиваться, словно дождевому червю. Я рубил, колол, подсекал мечом ноги врагу.

— Вперед! — орал Пайк. — Копья!

Я, что есть силы, навалился на щит. До хруста в сухожилиях, до треска в суставах. Вся передняя линия пыталась потеснить варваров. Сзади на нас напирали товарищи. Ну... ну, еще чуть-чуть... Есть! Шаг, за ним второй! Вперед.

Застучали, забряцали копья. Егеря кололи врага и шажок за шажком продвигались вперед. Я просунул лезвие ромфеи в мизерную щель между щитов. Изловчился и проткнул брюхо вонючему северянину. Грянул истошный предсмертный крик. Ошеломляющий, словно тебя окатили ледяной водой.

Я будто бы вынырнул из сна. Битва загрохотала с новой силой, приобрела новые оттенки. Яркие, живые, грязные и аляповатые. Вокруг стоял смрад мертвых тел и испражнений. Я еле-еле сглотнул ком, забивший горло. Судорожно вдохнул.

АААА!

Жахнуло! Щит сотряс мощнейший удар каменной дубины. Левую руку отсушило. Твою... В Твоих, в демона душу мать!

Я опустил щит чуть ниже и попытался резко срубить голову противника мечом. Тот ловко увернулся. Ай! Ну, была не была! Рывком откидываю щит и из-под низа бью ромфеей. Северянин, лишившись обеих ног, падает как подкошенный. Истошно верещит.

Еще шаг вперед. Я наступил окровавленным сапогом врагу на лицо. Оскользнулся, но тут же оперся на щит, выровнял шаг.

Сколько я уже убил? Твоих? Пятерых? Десятерых?!... Слишком душно...

Стук-стук-стук-стук!

Снова застучал арбалет Пекаря за спиной. Четыре болта и четыре мертвых варвара.

Еще шаг вперед. Замелькали копья. Быстро, уверенно, неумолимо.

Варвары дрогнули. Сами отступили назад. Еще и еще. К морозному небу взметнулись воодушевленные крики егерей. Я бросил быстрый взгляд на товарищей. Эд покраснелся, вспотел, ноздри раздуваются... А вот Джалек... Собственно, он выглядел как на прогулке. Равнодушная линия рта, бледные щеки, ровный, без единой морщинки, лоб и глаза... Полные азарта и звериной жажды убийства.

Внезапно южанин бросил щит на землю и быстрее стрелы ринулся вперед. Тихо, без боевого клича. Незаметная ночная тень. Джалек не убивал, он танцевал, но враги падали замертво от его изящных движений. Минкурский ятаган порхал, словно бабочка,

собирающая кровавую росу.

За спиной победно взревели егеря, бросились вслед за южанином. В моей руке задрожала ромфея. Я списал это на боевой мандраж... Однако меч продолжал подрагивать... Я бросил ростовой щит прямо в снег, сейчас он будет только мешать...

Пой, мой клинок, хором со мной!

Я, надсаживая плотку, ринулся вперед, в самое пекло. Уворот, блок, резкий удар с оттяжкой. Поднырнуть под клинок, перекинуть через себя грузное тело варвара. Короткий шаг, замах, быстрое смещение. Удар! Очередной северянин развалился напололам. Уклон. Прыжок. Удар по касательной. На руки хлынула кровь, а к ногам упала вонючая, парящая на морозе, разрубленная требуха.

Рядом, ловко орудуя топором, хекал Пекарь. За спиной пыхтел Эд. Я обернулся и увидел, как один из егерей лишился лица от удара вражеского молота... И снова все закружилось... Клинки, щиты, топоры, копыя...

Внезапно я оскользнулся на окровавленном обрубке, лишенном ног и рук. Упал прямо в кровавый снег. Подобрался, резко вскочил и чуть снова не поскользнулся. Такие обрубки тел тут лежали повсюду. Я бросился по кровавому следу и не ошибся: впереди маячила спина Джалека. Южанин рубился один среди толпы разъяренных северян. Я поспешил товарищу на помощь.

Напал на северянина сзади, разрубил его у поясицы и змеей нырнул к Джалеку. Спина к спине. Мы закружились в безумном хороводе. Южанин дрался самоотверженно, но безрассудно, порой подставлялся, будто бы специально. Я рисковал меньше и старался драться намного техничнее. Однако все равно пришлось подстраиваться под Джалека. Он сделал шаг вперед, я сместился в сторону и назад. Он нанес серию рубящих ударов, я блокировал, и наоборот.

По северянам ударила подоспевшая четверка егерей во главе с Эдом. Мы с Джалеком рванули навстречу товарищам, потеснили варваров. Теперь противники оказались в клещах...

В стороне от нас воодушевленно взревели северяне. Они резко прекратили отступление и возобновили натиск.

— Твою мать! — заорал кто-то из егерей.

— Берсерк! Берсерк! — вторил другой голос.

Кто-то истошно завопил. Затрещали копыя. Джалеки молча бросились на крики. Я завертел головой, увернулся от летящего прямо в лицо молота. Пырнул нападавшего клинком. Быстрым перекатом ушел от смертоносной секиры и молниеносно разрубил пах ближайшему ко мне варвару. Вскочил, занося ромфею для очередного удара, но тут же остановился. Передо мной маячило разгоряченное лицо Эда.

— Тут все! — бросил мне сын Пекаря и снова ринулся в гущу битвы. Трое егерей последовали за ним.

Я остался чуть в стороне от кровавой мясорубки. Перевел дух, огляделся. Вокруг валялось никак не меньше десятка тел. Мертвые северяне. Кровь. Обрубки конечностей. Остывающие внутренности. Мертвые лица, искаженные гримасами муки и боли. Я отвернулся и поспешил на помощь своим товарищам.

Северян осталось не так уж и много. Примерно человек двадцать. Этот бой, скорее всего, за нами, мы смогли выстоять и сократить число варваров до минимума. Но где-то там еще звенели мечи, кричали егеря и яростно рычал берсерк.

Я ворвался в самое пекло и тараном пошел напролом. Мне навстречу вылетели двое северян. Рослые. Массивные. С огромными каменными дубинами. Я увернулся от первого удара, просто уйдя в сторону. Блокировал вторую дубину, приняв ее на отведенное в сторону лезвие ромфеи. Увесистое оружие, соскользнув, протащило северянина чуть-чуть вперед. Я сделал стремительный оборот вокруг своей оси, уходя от нового удара и со всего маху обрубил руки второго северянина по локоть. Раздался душераздирающий вопль, но тут же стих.

Первый варвар взревел и бросился на меня. Расстояние было слишком маленьким. Я не успел уйти. Удар! Мы прокатились по снегу пару метров и замерли. Северянин лежал сверху и не шевелился. Я поднял голову. Из затылка врага торчал короткий болт. Чуть в стороне Пекарь менял четырехзарядную пластину в своем арбалете. Я кивнул товарищу и начал выбираться из-под варвара. Это оказалось не так-то просто. Немытая туша весила килограмм сто, не меньше. Наконец я снова оказался на ногах, ринулся дальше.

Сбил плечом очередного северянина. Другого подло ударил в спину. Сейчас не до честных поединков... Чуть не нарвался на копьё кого-то из егерей, но вовремя вильнул в сторону. Резко пригнулся. Над головой просвистел брошенный кем-то топор. Я запетлял дальше среди сражающихся.

Чуть левее послышался дикий рев, раздался крик боли и нежелания умирать. Я ринулся туда и через пару ударов сердца резко тормознул. Передо мной оседал на колени егерь, разрубленный от макушки до живота. Рядом, орудуя двумя огромными топорами, бесновался берсерк. Ему противостоял Джалек. К двум воинам никто не решался подступить.

Берсерк безустанно полосовал воздух топорами, Джалек из последних сил отбивался. Клинки мелькали с такой скоростью, что за ними невозможно было уследить. Я бы такой темп не выдержал точно. Да и южанин уже на грани.

На меня выскочил северянин и попытался ткнуть копьем. Я ловко сместился в сторону, ухватился за древко вражеского оружия и дернул на себя. Варвар не удержался, качнулся вперед и выронил копьё. Я, не мешкая, схватил врага за куртку и толкнул на берсерка. Берсерк даже не посмотрел в сторону северянина, лишь отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Раздался хруст костей, и незадачливый варвар кулем упал в снег. Берсерк одним ударом сломал позвоночник своему соплеменнику.

Я огляделся. Егеря добивали варваров. На меня больше никто не собирался нападать. Я обхватил лезвие ромфеи обеими руками, приготовился. Страх не было, только желание помочь южанину.

Берсерк в очередной раз крутанулся и взорвался чередой смертоносных ударов. Джалек заметался, остервенело работая ятаганом, однако последнего удара не выдержал. Южанин еле-еле блокировал топор и без сил упал в снег. Северянин уже занес свое оружие для решающего удара.

Я легко взвился и стрелой метнулся под варварские топоры. Удар сердца, вдох. Я оказался перед берсерком. Выдох. Ромфея будто бы самовольно выбрала положение. Удар! Оба вражеских топора грохнули о клинок, соскользнули в сторону и оставили Джалека невредимым.

Быстрый разворот и удар. Мой меч скользнул по предплечью берсерка. Враг взревел и ударил наотмашь. Мне пришлось упасть в кровавый снег. Перекат, кувырок, и я снова на ногах... Да еще и за спиной варвара! Я полоснул клинком поперек. Рассек врагу спину и, видимо, повредил позвоночник.

Северянин выгнулся, взревел и попытался быстро развернуться, но не тут-то было. Берсерк медленно опустился на колени, трясущейся рукой поднял топор, но тут же выронил его. Поднял голову, набычился, грозно уставился на меня налитыми кровью глазами. Еще раз попытался встать. Не получилось. Берсерк пыхтел, сопел, дико вращал глазами. Он явно понимал, что сейчас произойдет, но умирать не хотел. Я, легким взмахом меча, срубил ему голову.

Где-то за спиной победно взревели егеря. Завозился Джалек, стал подниматься на ноги. Южанина пошатывало, и он оперся на ятаган, кивнул мне. Я кивнул в ответ. Ничего иного и не оставалось, ведь слова тут излишни. Джалек, как, впрочем, и я, не сторонник глупых фраз о спасенной жизни и долге, который непременно нужно будет вернуть. Никто никому ничего не должен. Каждый обязан сам выбирать, помочь ли ближнему, или оставить все на волю случая.

Я развернулся и на негнущихся ногах побрел вперед. В никуда, просто так, без цели. Мимо трупов. Через полсотни шагов я уселся прямо в снег. Меня трясло. Вот только непонятно: от усталости или от страха битвы.

Потихоньку начали подтягиваться егеря. Они молча рассаживались рядом. Я тоже молчал и смотрел на горы. Вид этих величественных, древних, седых громадин успокаивал. На одном из холмов, там, где недавно поднимался к одинокой каменной келье, я заметил маленькую человеческую фигурку. Отсюда и не разобрать, но я был уверен, что это тот самый старый отшельник, хозяин кельи. Видимо, все это время он наблюдал за битвой.

«Вот тебе мой совет. Послушай и запомни его. Ты храбр, но за все нужно платить. Даже за храбрость. Ты заплатил за нее сполна. Так будь же таким и впредь, и тогда ни один клинок, ни один враг и ни один зверь не причинит тебе вреда!» — мне вспомнились давние слова старика. Они когда-то предназначались мне.

Я улыбнулся, поднял руку и приветственно помахал. Хм, вряд ли он это увидит. Фигурка на холме быстро скрылась из виду.

Глава 12. Луэннар Нуан'Наин. Тени

5419 год, начало зимы

Думбар

Легкий ветерок. Шелест листвы в кронах деревьев. Взмах тяжелых крыльев. Щебетание мелких пичужек. Трубный рев лося и протяжный вой волка. Уханье совы в ночи и неясные, смазанные тени между исполинских стволов сэрутов. Бурая кора многовековых сосен и гладкие стволы старых осин. Всем этим и были нуаны. Элитные эльфийские воины. Однако, в тоже время, они были и кое-чем другим.

Неприметный стилет в ночи, что внезапно проникает меж ребер. Приглушенный хлопок арбалета; тяжелый и необратимый. Смертоносная стрела из ниоткуда. Острейший клинок, боль от удара которого приходит не сразу. Нуаны.

Луэннар окинул их взглядом. Двадцать лучших воинов Думбара. Его личный отряд. Он взял всех. Еще десять гвардейцев Андарила беззвучно замерли за спиной. Луэннар одними жестами приказал всем воинам рассредоточиться и прочесать местность до самого аванпоста. Вторым жестом принц показал, что место сбора — эта поляна. Нуаны в тот же миг растворились в ближайших кустах вереска, гвардейцы последовали за ними. С ближайшего дуба бесшумно спрыгнул Тоэлринг.

— Хотелось бы верить, что капитан Фенергиф еще жив, — тихо сказал эльф.

— Надежда согревает тебе душу, Тоэлринг?

— Надежда — слабый стимул, ты же знаешь. Страх решает все. Если капитан мертв — гоблинов ничто не удержит.

— То есть мои воины не вселяют в тебя уверенности?

— Отнюдь. Мне спокойно, когда рядом нуаны, но Фенергиф...

— Он жив. Я чувствую, — оборвал товарища Луэннар. — Ладно, двинули. Посмотрим, что к чему. Ты первый.

Тоэлринг кивнул и, слившись с молодыми побегами орешника, устремился вперед. Луэннар считал удары сердца. Однако через пятьдесят ударов Тоэлринг не подал никакого сигнала, и принц двинулся следом. Он постоянно крутил головой, принохивался, прислушивался. Никого. Только Нуаны. Расходящейся цепочкой они двигались по кругу. Вот они остановились и стали сжимать кольцо вокруг окрестностей Нэн Дэмин. Луэннар чувствовал своих воинов, чего нельзя было сказать о гвардейцах Андарила.

Через двести ударов сердца Тоэлринг все еще молчал, и принц ускорил шаг. Заскользил меж Исполинских Дубов быстрее, стремительно обогнул овраг, замер у могучих вязов. Прислушался. Вокруг ничего не изменилось. Лес жил своей жизнью.

Луэннар бесшумно заскользил дальше. Еще сто ударов сердца. Тоэлринг все так же молчал. Справа мелькнул силуэт нуана. Всего секунду он был в поле зрения и сразу же исчез. Луэннар посмотрел налево и увидел крадущегося Тоэлринга. Вот так дела! Принц замедлил шаг, а потом вовсе остановился. Не стоит так спешить. Нужно контролировать себя и не лезть вперед разведчиков — чревато.

За пол лиги до аванпоста обстановка изменилась. Перестали щебетать и перекрикиваться птицы, не шуршало зверье в кустах. Звенящая тишина закладывала уши. Лес скорбно замолчал. Еле ощутимо потянуло прогорклым запахом низших рас.

Взволновано защелкал дятел. Луэннар заторопился и вскоре вынырнул на укромную

полянку. Из-под разлапистой ели вынырнул Тоэлринг. Он тихо опустился в траву.

— Я не слышу звуков битвы, — прошептал эльф.

— Я тоже! — согласился Луэннар.

— Фенергиф... — начал было Тоэлринг, но принц оборвал его на полуслове.

— Не время сожалеть. Вперед.

Тоэлринг серьезно кивнул и снова устремился вперед. Луэннар последовал за товарищем. Теперь они бежали бок обок. Тут и там замелькали призрачные фигуры нуанов и гвардейцев. Еще отчетливее потянуло гоблинской вонью, смрадом мертвых тел и кровью.

— Мы совсем рядом! — бросил на бегу Тоэлринг.

— Знаю, — коротко ответил Луэннар. — Наверх!

Оба эльфа стремительно бросились к долговязым, сучкастым дубам. Луэннар в мгновение ока влетел на самую макушку. Замер среди жестких, густых ветвей. Достал из-за спины короткое копье с длинным листовидным наконечником. Внизу раскинулась обширная поляна, и то, что Луэннар увидел на ней, выбило его из колеи.

Восточная стена аванпоста была полностью разрушена, а подступы к нему — усеяны трупами. Гоблинскими и... эльфийскими. И никого живого вокруг. Только мертвецы, вороны и кровь. Но что-то еще не давало покоя Луэннару. Что-то во внешнем виде разрушенного аванпоста выбивалось из привычной действительности. Эльф сосредоточился.

Стены. Что-то не так было со стенами. Стрелковые позиции на самой верхушке Нэн-Дэмин почернели от копоти, а камни вокруг самих проемов оплавилась. Луэннар дернулся как от удара, прошептал проклятие. Перевел взгляд на соседнее дерево и вгляделся в побелевшее, словно заснеженные пики Рассветного хребта, лицо Тоэлринга. Товарищ сидел на широкой ветке, словно каменное изваяние. Луэннар скривился и перевел взгляд вниз. Там сновали нуаны и гвардейцы Андарила. Позы их были напряженны, но двигались эльфы вокруг поляны свободно, не таясь. Видимо засады тут не было.

Луэннар крикнул раненой лисицей и начал спускаться с дерева. Его воины, услышавшие сигнал, стали выходить на поляну к аванпосту. Через несколько мгновений Луэннар присоединился к ним. Надобность возвращаться обратно на приметную прогалину отпала, и совет теперь можно было провести в самой башне. Сражение откладывалось.

Тоэлринг подошел к принцу, сказал осипшим голосом:

— Ты чувствуешь? Кроме гоблинов тут был кто-то еще...

— Тролль.

— Что... Да, наверное. Вот только его трупа тут нет, значит он ушел живым... Но я про другое. Кто-то кроме гоблинов и тролля атаковал Нэн-Дэмин.

Луэннар отвернулся, но почувствовал на себе требовательный взгляд Тоэлринга. Он обязан был ответить.

— Да. Тут был «глаз»! Взгляни на стрелковые позиции — камень оплавлен.

— Гоблинский шаман... демонова магия... древняя чума... — зашептал Тоэлринг.

— Точно. Выбрались все-таки из своих мерзких, глубинных нор. Ладно, пойдём, посмотрим, что в самой башне твориться.

Луэннар знаками дал команду своим бойцам охранять подступы к аванпосту. Четверым воинам приказал следовать за ним и быстро зашагал среди гор гоблинских трупов. Луэннар попытался сосчитать их, но сбился на первой сотне, а вот своих сородичей он посчитал легко — десять мертвецов.

У входа в Нэн-Дэмин, Луэннар поставил одного нуана, второго оставил охранять

коридор, ведущий к лестнице на второй ярус. Двух оставшихся распределил по стрелковым позициям. Замер, прислушиваясь и присматриваясь к полумраку, царящему внутри аванпоста. Тоэлринг бесцеремонно оттеснил плечом принца и заторопился наверх. Однако на лестнице он споткнулся, замер и попятился назад. Ступени были завалены гоблинскими трупами. Тела были иссечены, разрублены, утыканы стрелами.

Тоэлринг быстро справился с собой и зашагал прямо по мертвецам наверх. Через несколько секунд к эльфу присоединился Луэннар. Принц шагал рядом молча. Оба воина поднялись на второй ярус, замерли, осмотрелись. Однако обстановка вокруг не изменилась: трупы, трупы, трупы и смрад.

Луэннар откашлялся и хрипло произнес:

— Идем дальше... на третий ярус.

Тоэлринг кивнул и уже сделал шаг, как что-то привлекло его внимание. Эльф бросился к куче трупов и начал растаскивать в стороны тела. В самом низу, под грудой мертвых гоблинов обнаружили два эльфийских воина. Оба мертвые.

— Еще двое! — прошептал за спиной Луэннар. Он склонился к товарищу, помог вытащить и аккуратно уложить на пол мертвых сородичей. Тоэлринг с благодарностью посмотрел на принца, резко поднялся с колен и уверенно зашагал к лестнице, ведущей на третий ярус.

— Боги, скольких же они убили... — еле слышно прошептал Луэннар.

— Многих! — резко ответил Тоэлринг, — И если бы не этот демонов шаман и тролль, то они бы продержались до нашего прихода.

Луэннар ничего не ответил. Он шагнул в сторону и присел рядом с трупом еще одного эльфа. Приложил руку к шее, проверяя пульс, сказал:

— Мертв.

Тоэлринг прошипел какое-то ругательство и ответил:

— Луэннар, пообещай мне, что тела наших воинов мы вернем во Дворец. Пообещай! Вернем и похороним со всеми полагающимися почестями!

— Обещаю! А еще я обещаю, что мы вычистим эту поляну. Соберем все гоблинские трупы и сожжем их.

Тоэлринг серьезно кивнул и направился дальше.

У входа на третий ярус оба воина замерли. Здесь гоблинских трупов было меньше, однако и тут эльфов ждал новый, неприятный сюрприз. Все стены, пол и потолок помещения, венчавшего Нэн-Дэмин, были оплавлены, обуглены и закопчены. У южной стены, там, где располагались основные стрелковые позиции, лежали бесформенные, изломанные магическим пламенем, тела, похожие на эльфийские.

Луэннар закрыл нос рукавом, так, чтобы смрад горелой плоти не чувствовался вовсе, и зашагал к стене. Присел на колени рядом с изуродованными телами. За спиной раздался тихий всхлип. Луэннар обернулся и увидел над собой бледное лицо Тоэлринга. По щеке воина текла одинокая слеза. Кто знает, сколько десятилетий не плакал разведчик? Да и плакал ли он вообще?

— Одинадцать... — прошептал Тоэлринг.

— Что? — не понял Луэннар.

— Одинадцать тел... Тут, наверху... Еще трое внизу.

— Да, и десять на улице, — подтвердил Луэннар. — Двадцать четыре... У Фенергифа было двадцать пять воинов. Ты тут. Остальные мертвы...

— Вот только тело самого Фэнергифа мы не нашли.

Луэннар поднялся с колен, выглянул в бойницу и крикнул старым вороном. Через пару секунд точно такой же крик был ему ответом.

— Что ж, внизу все чисто. Спустимся и еще раз обойдем поляну. Пошли! — яростно сказал Луэннар.

Тоэлринг собрал все оставшиеся силы и бодро зашагал за наследным принцем. В душе воина снова затеплился крохотный огонек надежды. Что, если Фэнергиф еще жив? Только бы успеть его найти!

Глава 13. Алаэн Дербидж. Зверь

5419 год, середина первого месяца зимы

Север королевства Маркаун, Северные пустоши, на пути к безымянному аванпосту

Мы решили переночевать прямо тут, на поле битвы. Однако сначала прибрались. Стащили тела северян в одну кучу и подожгли их. В получившийся гигантский костер перенесли и тела убитых егерей. Их оказалось шестеро. Да, теперь наш отряд сократился практически наполовину. Мы понесли большие потери. Тошно! Тошно от того, что умелые, сильные, хорошо обученные воины пали от руки варваров.

Тяжело на душе! Раз, и те, кого ты знал, кому доверял и с кем дружил, внезапно исчезли. Перестали существовать.

Пекарь вообще ходил сам не свой. Он сильнее остальных переживал смерть товарищей. В особенности Ланца. Северяне изрубили его на куски, но мы все-таки смогли опознать друга. Вот только от этого не стало легче... Да, мы многих сегодня потеряли...

Наконец, когда с мертвыми было покончено, мы принялись за более насущные дела. Развели костер, перегнали лошадей чуть в сторону, отгородили санями место ночевки, принялись разбирать вещи. Стали натягивать полог, разбивать палатки, копать в плотном, слежавшемся снегу ямы под отхожие места. Накололи дров. Помогали даже трое северян, прибившихся к нам накануне... Вот ведь! А о них-то я совсем забыл. В пылу битвы было не до этого. Однако же варвары не сбежали и не ударили подло нам в спины. Да и, по сути, куда им бежать? Обрато на север? Нет, не для этого они проделали такой большой путь. На юг? Там первый же егерский патруль поймает их, и еще неизвестно чем это может обернуться. Северянам безопаснее с нами, они это понимают и принимают.

Закончив с установкой палаток, я отправился кашеварить вместе с Пекарем. Мы споро разложили над костром треногу и стали варить похлебку из круп, сухих овощей и соленого мяса. Да, простенькая и незатейливая еда, даже Бэн в своей сторожке готовит вкуснее, но в пути да на морозе и это за счастье.

Пока бурлила вода в котелке, а я засыпал крупу и овощи, Пекарь отстранено пялился в костер. Его, конечно, можно понять. Видно, как он тоскует по Ланцу. Они ведь с ним всегда были вместе. И в бою и в делах, да и в споре. Бывало, до хрипоты могли что-то доказывать друг другу, чуть ли не до драки, но ни разу серьезно не поругались. Да что там, они ту же похлебку и то всегда вместе готовили.

Я не мешал Пекарю, не отвлекал его глупыми разговорами. Понятное дело: человеку необходимо побыть наедине с собой.

— Алаэн, пойдём, поможешь полог заново растянуть! — обратился ко мне один из егерей.

— Так натянули же вроде.

— В другом месте решили...

Я отправился следом за егерем.

М-да! Полог и, правда, необходимо переносить в другое место. Легкий, морозный ветерок доносил сюда запах горелой человеческой плоти. Я сморщил нос и повыше натянул шарф на лицо.

— Давай-ка... Вон туда, правее, — предложил товарищ.

Мы перенесли полог подальше, поставили против ветра так, чтобы и дым не попадал и

ветер не задувал.

Постепенно этот нелегкий, долгий день подошел к концу. Стемнело, стало заметно холоднее. Мы разожгли второй костер, хотя и от кучи горящих трупов было немало тепла. Пока что. К середине ночи мороз покажет себя во всей красе.

Егеря неторопливо подтягивались к огню, рассаживались в круг. С делами на сегодня было покончено, и теперь можно отдохнуть, отвлечься от всего, просто сесть рядом с товарищем и поговорить, а еще лучше помолчать. Особенно в такой вечер.

Последним к костру пришел Пекарь. Он принес жареное на вертеле мясо. Сегодня сержант Пайк расщедрился и решил побаловать нас запасенной в дальнюю дорогу свининой. У огня умопомрачительно запахло. В животе у меня требовательно заурчало.

— Ну, парни, давай по очереди! — сказал пекарь и принялся разливать по плошкам похлебку. — Давайте-давайте, живей! Стынет ведь... Эй, куда?! Не особенный. Мясо только после супа, — по-отечески добро ворчал Ториш.

Все получили свой паек и расселись у костра. Молча принялись за еду. Многие достали фляжки с забористым пойлом.

— Будешь? — Пекарь протянул мне бурдюк с плещущейся в нем жидкостью.

— Что там? — спросил я.

— Медовуха. Эх и хороша, плутовка! Забористая, етить ее в душу мать...

Я пригубил напиток, распробовал на вкус.

— Да хлебай как следует! За тех, кто пал сегодня, — Ториш сказал незамысловатый, наивный тост, но на душе стало легче.

— За друзей! За тех, кто отдал свои жизни за нас, — сказал я.

Щедрый глоток. Ароматная жидкость пилаась легко, без отторжения. Я глотнул еще раз, потом еще, пытаюсь достичь нужного эффекта. Ну! Наконец-то. Медовуха, попав в желудок, зажгла что есть силы. Эх, красота. По телу быстро разлилась приятная легкость, голова прояснилась, стало намного теплее.

Я передал бурдюк с медовухой Пекарю. Все, хватит. Главное, что тело согрелось. А вот если выпить еще больше, то под утро будешь проклинать Троиш. И никакой костер уже согреться не поможет. Когда постоянно находишься на морозе, с пойлом лучше не перебарщивать.

Пекарь пустил свою медовуху по кругу. Выпив по паре глотков, егеря довольно кричали. Тихо трещали поленья в костре. Умиротворенно хрустели овсом лошади. На руках у северянки изредка попискивал ребенок.

— Ты заметил? — спросил Эд.

— Что? — не понял я.

— Ну, северяне... Многие из их воинов были женщинами!

— Хм... Нет, не заметил, — удивленно ответил я.

— Мы когда трупы в кучу стаскивали, я специально под их шлемы заглядывал... Ну, интересно было... Короче, десятка два суровых северных баб.

— Интересно... Нам их укладов не понять...

— Я больше того скажу, — перебил меня старый северянин, — у них дети и те с малолетства при оружии.

— Суровая земля и суровые законы. Все как-то стараются выживать, — заметил Эд.

— Кстати, о детях, — внезапно мне на ум пришла одна мысль. — Интересно, где дети, старики и остальные женщины Гвизаров? Они же должны были где-то оставить своих

небоеспособных соплеменников?

— Скорее всего, они их съели! — продребезжал старый северянин Тригар.

— Да что ты заладил: съели, съели! — недовольно буркнул Эд. Тригар, прищурившись, строго глянул на парня.

— Послушай, сынок, я знаю, о чем говорю. Я, а не ты всю жизнь прожил среди этих снегов. Гвизары делали так и раньше. Если их племени грозила какая-то напасть, они убивали и съедали всех слабых женщин, стариков и детей, а в живых оставляли только воинов. Женщин и мужчин... Согласись, ведь любая баба может нарожать детей, даже если она и размахивает топором или мечом.

Эд задумался, но потом сказал:

— Да, наверно такое возможно. Гвизары ведь только о своем выживании думают, о том, как племя сохранить. Хм... я бы на их месте так и поступал... Постой-ка, тогда получается, что мы уничтожили всех Гвизаров! Не осталось ни одного! Если, конечно, они и, правда, съели остальных соплеменников.

— Всякое может быть... — проскрипел старый Тригар. Зевнул, прикрыл глаза, замолчал.

Притих и Эд, и остальные егеря. Постепенно все начали разбредаться по своим палаткам. Мы выставили часовых и отправились спать. А на следующий день двинулись дальше на север.

Утро встретило нас ярким морозным солнцем и искрящейся белизной бескрайних северных просторов. Холодный зимний воздух бодрил, обжигал горло, нос и губы. Мы все укутались потеплее. Натянули на лица шарфы и шерстяные платки, на головы — меховые шапки, на руки — рукавицы подбитые мехом. Принялись сворачивать лагерь.

— Да-а-а... чую я, завернет еще зима... — ворчал Пекарь.

— Да уж куда больше-то? — возмутился Эд. — Когда к северному рубежу подходили, вон какая метель была, вспомни-ка.

— Помню. Но помяни мое слово: это только начало, — уверенно сказал Пекарь.

— Эх! Ну ее к демонам. Я уж и так сыт по горло этими снегами.

— Хе-хе-хе! — закудахтал Пекарь. — Это скажи еще спасибо, что мороз без ветра. А то бы хлебнули лиха.

— Сплюнь! — сказал я.

Пекарь поплевал под ноги. Эд закатил глаза, беспомощно застонал. Да уж, возможность ветра при таком морозе пугала.

Наконец наш отряд покончил со сборами и двинулся дальше. Прибывшиеся к нам северяне, добровольно сдавшиеся в плен, тащились за нами. Пайк, решил оставить их, а потом, по возвращению в Нортмарк, самолично сдать варваров начальнику гарнизона, или даже самому командующему Ольтеру. Повышение сержанта пока еще никто не отменял, а очередная похвала сыграет ему только в плюс.

Мы шли быстро, не останавливались весь день. Торопились. Даже ели на ходу. Такими темпами и лошадей загнать проще простого! Но мы плевать на это хотели и стремились как можно быстрее достигнуть Последней Твердыни. Интересно, что будет, когда мы дойдем до крепости? Попытаемся ее отбить? Или отправим кого-то за подмогой? Скорее всего, будем отбивать! Но это при условии, что там и, правда, засел какой-то непонятный, доселе невиданный враг. Мне не хотелось верить в это, вот только что-то подсказывало, что башня захвачена. Скорее всего, просто дурное предчувствие... Хотя, чего загадывать и переживать?

Прежде чем добраться до Последней Твердыни, нам нужно еще миновать безымянный аванпост.

К вечеру мы отмахали приличное расстояние, и, когда уже стало темнеть, остановились на ночлег. Разбили лагерь у подножья невысокой скалы, в кругу массивных валунов. Дневной переход вымотал всех настолько, что мы особо не расслаживались. Поели, у кого что было, и завалились спать. А на следующее утро, когда макушка солнца только-только показалась из-за гор, отправились в путь.

К полудню в окружающей нас обстановке что-то незаметно поменялось. Стало очень-очень тихо и... тоскливо что ли. Грустно, муторно и темно. Я не обратил на это особого внимания, списав возникшие ощущения на собственную меланхолию и тоску по дому. Однако через полчаса я заметил беспокойство на лицах товарищей. Многие, поблднев, стали затравлено озираться вокруг. Другие еле слышно забормотали молитвы Троице. Захныкал ребенок северянки. Я почувствовал тревогу.

Чем дальше мы продвигались, тем хуже становилось. Тревога, до этого сидевшая где-то в потайных уголках души, теперь рвалась наружу, колола в груди мелкими острыми иглами, разрасталась. Она непроницаемым полотном мрака застилала разум, плотным сгустком тьмы забивала грудь.

Стало трудно дышать. По спине потекла одинокая струйка холодного пота, волосы под меховой шапкой взмокли. Сердце в груди забило кузнечным молотом. Тяжело и редко. Бум-бум! И тишина. Бум-бум. Тишина... В легких будто бы раздувались раскаленные кузнечные меха, в горле жгло.

Тяжело шагать... Я словно бы брел по груди в воде, еле переставляя ноги. Вокруг было светло, весело искрился снег под яркими лучами зимнего солнца, но я не замечал этого. Казалось, что на заснеженную пустошь опустилось темное, сонное марево. Окружающий пейзаж выглядел безжизненным, ненастоящим, обманчивым. Стало непонятно, что есть сон, а что явь...

Внезапно я понял, что тревога превратилась в мохнатый зверский ужас. Судорожно дернувшись всем телом, я будто бы очнулся от кошмара, задышал легче, но ничего не изменилось. Страх опутал липкими, омерзительно-черными путами, и от него некуда было деться. Бессмысленно... Бессмысленно пытаться избавиться от этой жути. Она повсюду. Она и есть окружающий мир...

Я, опустив голову, брел вперед, ничего не слыша и не видя. Забыл про товарищей, идущих рядом, про дом, про семью, про плодородные поля, что вольготно раскинулись в поместье Дербидж. Сейчас существовали только я, страх, наполняющий душу тьмой и мерзким трепетным чувством, и желтые, изуродованные вечной тьмой и голодом, глаза. Глаза... они мелькали в моем сознании, словно всполохи яркого костра темной зимней ночью. Чьи они?! Кому они принадлежат?!!

Колени прострелило тупой болью, лицо остудило колючим снегом. Я обнаружил себя лежащим на земле. Правая рука сжимает подрагивающую ромфею. Руны, украшающие клинок, весело искрятся на солнце. Тяжесть меча в руке придала мне уверенности и вывела из оцепенения. Я поднял голову, осмотрелся. Лошади, запряженные в сани, остались позади. Все егеря лежат рядом. Скулят, кричат и причитают. Только Джалек, как и я, стоит на коленях. Он, зажмурившись, шепчет слова неизвестной мне молитвы.

Я, напрягая все оставшиеся силы, перевел тяжелый взгляд вперед, туда, куда мы держали свой путь. На вершине небольшого холма высились руины маленькой деревушки, а

рядом, на возвышающемся валуне, стоял Зверь. Я зажмурился, боясь потерять рассудок от вида монстра. Нет, в его внешнем виде не было ничего ужасного. Длинное, тощее, горбатое тело. Черная как смоль густая грива, морда, похожая на волчью, но с четырьмя глазами. Вот пожалуй и все, что я успел заметить... Однако всего один взгляд на Зверя породил во мне волны, нестерпимо леденящие тело и дух.

Из цепких лап ужаса меня выдернул душераздирающий вопль. Я распахнул глаза и увидел одного из егерей, бросившегося прочь. Зверь, возвышающийся над руинами разоренного поселения, хищно вскинулся. Я метнулся следом за товарищем, нырнул, ухватив его за ноги, повалил в снег.

Зверь завыл. Я забыл, как дышать, перестал чувствовать тело. Хотел пошевелиться, но так и не смог, продолжая лежать, уткнувшись лицом в снег.

Справа что-то затрепыхалось, но так далеко, где-то не здесь, в другом мире. Я, сжав зубы до боли в челюстях, попытался сосредоточиться. Назойливое шевеление справа продолжилось. Через несколько мгновений я осознал, что это все так же подрагивает ромфея.

Усилие! Вдох-выдох. Сердце бьется, пытаясь проломить ребра. Еще усилие! Вдох-выдох. Рывок! И вот я стою на коленях. Скрип зубов, видимо моих. И вот я поднимаю голову, стараюсь уверенно смотреть вперед. Нахожу взглядом глаза Зверя. Желтые, изуродованные тьмой. Сердце, словно маленькая пташка, летящая против шквалистого ветра, забилося, замерло в невесомости. А через секунду продолжило свой ровный ритмичный танец.

Вдох-выдох! Я опираюсь на меч, медленно поднимаюсь на ноги, делаю шаг. Еще шаг. Еще и еще... Ромфея отставлена в сторону на манер косы, я уверенно шагаю вперед, часто дышу. До разрушенного поселения остается не больше сотни шагов. Взмахиваю клинком и останавливаю его перед своим лицом. Ромфея хищно подрагивает. Я не знаю, что с ней. Раньше такого не было...

Внезапно Зверь коротко завыл, оскалился напоследок и широкими прыжками умчался прочь. На север. Я смотрел монстру вслед до тех пор, пока тот не затерялся среди предгорий.

За спиной жажнул выстрел. Я оглянулся. Среди лежащих в снегу егерей стоял сержант Пайк. Он держал пицаль стволом кверху, и ошалело пялился на меня. На промежности его шерстяных штанов расплывалось характерное темное, влажное пятно.

— Хватит жечь порох понапрасну! — осудительно сказал Джалек. Южанин поднялся с колен и медленно побрел ко мне. Пайк выронил огнестрел и прикрыл лицо дрожащими руками. Да, сержанту будет тяжело теперь смотреть нам в глаза.

Мы с Джалеком осмотрели руины поселения. Кругом атели еще подрагивающие останки разодранных тел. Среди хаоса следов погибших северян обнаружили четкие, упорядоченные следы Зверя. Судя по всему, он пришел сюда один. Не найдя больше ничего важного, мы устало побрели обратно.

Егеря постепенно начали приходить в себя. От повозок, оставшихся позади, к нам ковыляли трое северян. Старый варвар Тригар подоспел самым последним. Он отдышался, харкнул себе под ноги и плюхнулся прямо в снег. Мы уселись рядом.

— Я много чего в жизни видел, — заговорил Джалек, тщательно подбирая слова, — но с таким столкнулся впервые. Что это было?!

— Зверь того, кто обосновался на севере, — хрипло ответил Тригар и затих.

Повисло гнетущее молчанье. Я чувствовал, что каждому из нас есть что сказать, но пустота, поселившаяся внутри, напроць отбивала желание говорить. Егеря хмурили лица,

прятали взгляды, тяжело сопели.

Сержант Пайк первым нарушил тишину:

— Тригар, что ты еще знаешь об этом монстре?

Старый северянин молчал, свесив голову.

— Тригар? Тригар! — требовательно крикнул Пайк. Он так и не сменил пропитанные мочой штаны.

Но старик молчал, не шевелился. Не вздымались в такт дыхания его плечи, не шло теплое дыханье изо рта. В тщедушном старческом теле не билась больше жизнь.

Заголосила северянка Ланита. Захныкал младенец на ее руках.

Глава 14. мастер Малтис. Проблема обмана

5419 год, середина лета

Столица королевства Маркаун, Таэрмин

Роскошь всегда навевала на него тоску, угнетала. Блистающей на солнце булавой была по голове, тугой веревкой сковывала движения, заставляла двигаться неуклюже и неуверенно. Приводила в ярость своей безмолвностью и боязнью запачкаться — запачкать саму себя. Вместе с тем она раздражала своим страхом пропасть, раствориться. Уж лучше так. Существовать, быть здесь и сейчас, и потом, в будущем. Быть всегда. Неизменной, дорогой, красивой и... бесполезной в своей сути. Холодное удобство, бездушный комфорт и тесный безоглядный размах. Это бесило!

Нет, не от того, что является недоступной. Наоборот. Слишком... назойлива. Слишком близка. Показное радушие и гостеприимство граничит с холодными потаенными мыслями. Там, где красота и помпезность на фасаде, нелепо смотрятся сырые полуподвалы и холодные библиотеки, стены которых еще столетия назад покрылись плесенью.

Чрезмерная надменность, неспешное самолюбование, упоение силой и властью. Роскошь! Роскошь — это большое богатство, а большое богатство — чаще всего обман. И эти залы, коридоры, беседки, холлы, трапезные и сам фасад Красной Академии являются лицом обмана. Точнее лишь маской! Ведь само по себе строение не принимает решений и не совершает поступков. Оно не живое и ничего не может! За ширмой небывалой роскоши, как и всегда, прячутся люди. Демонологи. Однако проблема обмана кроется еще глубже. Молодежь пока мало что может, старики уже ничего не хотят, а правящая верхушка Академии, кажется, занята какими-то своими делами и ищет понятную только ей выгоду. Вне проблемы остается лишь небольшой костяк средневозрастных профессионалов. Однако их так мало, и они так часто гибнут в схватках с демоническим отродьем, что имеют наименьшее влияние в совете ордена демонологов.

Проблема обмана. Малтис и сам не до конца понимал ее. Призрачный краешек смутных, разрозненных догадок маячил перед внутренним взором парня, но в руки не шел. Отчасти из-за страха того, что эти домыслы могут оказаться правдой. Настолько горькой, что сердце обратится черным углем. Однако на поверхности пока лежали другие тревоги...

От размышлений Малтиса отвлек эфир. Точнее его незначительное присутствие в гостевом холле. Парень оторвался от созерцания роскошных мраморных колонн и бросил взгляд на вход в Академию.

Двери распахнулись, и на ослепительно-ярком летнем солнце блеснули серебристые плащи. Когда серебряное сияние потонуло в полумраке холла, показались черные куртки без украшений и суровые лица. И суровость их граничила с жестокостью!

Гвардейцы Красной Академии. Небольшой отряд всего из четырех человек. Не демонологи, просто наемные воины. Профессионалы своего дела, а когда нужно — безжалостные убийцы. И во главе отряда — Рейнор Паскаль. Младший брат архи-мастера Годварда. Человек, не имеющий возможности похвастаться чистотой репутации. О нем, как о командире отряда красных гвардейцев, ходили разные слухи. Но чаще всего — пугающие. Поговаривали, что он обстрипывал самые гнусные и мрачные делишки Годварда.

Над Рейнором висел сгусток сырой материи эфира. Обычный человек его не заметит, а вот демонолог сразу обратит внимание, однако значения не придаст. Ведь в этом сгустке не

было никакой направленности и подготовки, ничего определенного. Но только не для Малтиса. Он сам вешал эту астральную метку над гвардейцем! Всего пару месяцев назад. И тогда метка была чистая, прозрачная... не порченная. Теперь же она темнела расплывшейся кляксой, чуть-чуть увеличившейся в размерах. Прямой признак нарождающейся одержимости!

Астральная метка, как и положено взятой конкретным человеком эфирной энергии, потянулась к своему хозяину. Малтис резко свернул направо и быстрым шагом направился к административным залам. Парень больше не оборачивался и не смотрел на сгусток энергии. Это могло вызвать подозрения. Ведь Рейнор очень осторожный и наблюдательный человек, он может заметить нездоровый интерес Малтиса к своей нескромной персоне.

Казначейский зал находился почти в самом конце восточного крыла Красной Академии. Путь не близкий, однако Малтис провел его в задумчивости. Астральная метка не давала ему покоя. Она слишком разрослась! Хотя с другой стороны это говорило о многом. Во-первых, скорее всего, демонические «визиты» у Рейнора начались больше двух месяцев назад. Во-вторых, если первый вариант был не верен, получалось, что к командиру гвардейцев «прикасался» очень древний и могущественный демон. По крайней мере, второй домысел объяснял гигантские размеры и загрязненность метки за такой короткий промежуток времени.

Плюс был лишь в одном: Малтис не зря повесил астральную метку на Рейнора. Подозрительность парня, как оказалось, сыграла ему на руку. Подозрительность и хитрая методика, разработанная его учителем Вингутом. Ведь именно Вингут придумал метку. И гениальная простота решения приводила Малтиса в восторг! Ведь всего-то и требовалась небольшая частичка эфира и огромная доля концентрации внимания. Ничего сверхъестественного для опытного демонолога. Единственным неприятным моментом являлась необходимость жевать корень эритты для расширения сознания, но без этого астральную ауру человека не увидишь, и не «вольешь» туда чистый астрал. Однако эта часть ритуала была скорее приятной мелочью из-за полученного результата.

Наконец, погруженный в раздумья, Малтис добрался до казначейского зала. Там, предъявив приказ и грамоту Годварда, он получил дорожные деньги и требование на лошадь. Дальше парень направился в свою подсобку при пустующем кабинете Вингута, где забрал все флавиновые свечи, запас красноватых корешков эритты и самодельный медальон в форме полумесяца, предупреждающий о приближении демона или одержимого. Такой же медальон висел на шее у самого парня.

Собрав все необходимое, демонолог замер посреди своей каморки. Он окинул взглядом скудное, практически аскетичное убранство комнаты, еще раз взглянул на стопу не один раз перечитанных книг, тяжело вздохнул. Где-то глубоко в груди защемило будто бы щипцами, сердце кувыркнулось и замерло на мгновение, а потом ускорило свой темп. Слишком много времени. Слишком много! Здесь, в этих стенах, в душной пыли, в затхлом воздухе, в древних знаниях, пропахших не менее древним пергаментом и чернилами. Столько радости и не меньше горечи проб и ошибок, открытий и неверных выводов, мечтаний и амбиций, проб сил и бессилия. Столько времени!

Страшное, рвущее сердце чувство появилось у Малтиса. Он понял, что никогда больше не вернется в эту каморку. Никогда не увидит этой уютной простоты, книг и... воспоминаний о прошлом. Никогда больше!

Демонолог сглотнул жгущий сердце ком и неторопливо покинул свою подсобку.

Торопливо вернулся в гостевой холл и на мгновение остолбенел. Не далеко от выхода столпились красные гвардейцы во главе с Рейнором. Командир что-то тихо втолковывал подчиненным. Малтис, справившись с секундным замешательством, продолжил свой путь. Прошел мимо гвардейцев, вышел на улицу и неторопливо направился к конюшням. Демонолог умышленно не оборачивался. Достигнув стойл с лошадьми, Малтис разыскал главного конюха и предъявил ему требование на скакуна.

— Жди здесь, лошадь тебе выведут прямо сюда, — сказал конюх.

— Хорошо, — вежливо ответил демонолог.

Ждать пришлось долго. Однако, наконец, из конюшни послышалось возмущенное ржание и недовольное фырканье, а через пару мгновений вывели и самого скакуна... Точнее... совсем старую, дряхлую кобылу. По виду она была намного старше самого архи-мастера Годварда!

— Владей! — с усмешкой сказал старший конюх.

— Вы не ошиблись? — с недоверием спросил Малтис. — Архи-мастер сказал...

— Что архи-мастер сказал, то мы тебе и дали! — грубо перебил конюх.

— Так она не сегодня, так завтра помрет! — возмутился демонолог.

— Не ссы, малой! Она еще до Минкура и обратно добежит, только пыль столбом.

— Я в этом сильно сомневаюсь, — не согласился Малтис.

— Ну, если сомневаешься, тогда на своих двоих топай! — Рыкнул на парня конюх.

Демонолог метнул яростный взгляд на старшего конюха, но тому было все равно. На его губах играла лишь презрительная улыбка. Малтис вырвал поводья из рук старшего конюха и двинулся к выходу с территории Красной Академии. Кобыла возмущенно всхрапнула и обреченно поплелась за демонологом.

Уже за воротами, на улице Шипов, Малтис остановился. Погладил кобылу по грустной морде и зажмурился, глядя на яркое летнее солнце. Вдохнул полной грудью сладковатый запах цветущих сицилий и лип. И вместе с этим вдохом к парню вернулось ощущение полноценной жизни. Внезапное, яркое, освежающее. Снова путь, снова бескрайние просторы огромного королевства и хоть чего-то стоящие дела. Реальные, настоящие!

Малтису хотелось петь. Хотелось пуститься вприпрыжку вдоль аллея шиповника и королевских роз, промчаться галопом по городу, закружить в лихом танце ту девку, что работала горничной в таверне «Полумесяц».

«Когда-нибудь так будет! — счастливо думал Малтис. — Когда-нибудь, когда в моих делах наступит мир. Потом. Обязательно!».

Еще секунду, мгновение... Одно мгновение, лишь одно!

Раскаленный от жары сухой воздух, аромат цветущих лип, сочные полутона зеленой листвы на искрящемся солнце, горячая сколотая брусчатка под ногами, беззаботное и праздное пение птиц, стрекот кузнечиков, не ведающих проблем. Обычный летний день, которым хочется дышать!

От всех этих нахлынувших чувств Малтис воспрял духом. Настроение улучшилось, и все недавние проблемы стали незначительными, отошли в сторону. Демонолог почувствовал свободу. Свободу действий и воли, возможность действовать по своему усмотрению.

Наконец Малтис аккуратно потянул поводья и неторопливо зашагал по улице Шипов. Кобыла понуро поплелась следом. Демонолог направился напрямик в центр города. Это был самый короткий путь до дома. Точнее до комнаты, которую он снимал у еще не старой женщины. Она торговала на рынке скобяными изделиями, которые изготавливал ее муж.

Малтис надеялся застать женщину дома, потому как хотел рассчитаться за проживание и съехать из ставшей почти родной комнаты. Не дело ведь исчезать не попрощавшись и не объяснив причин. По крайней мере, вежливость и уважение Малтиса к этой добродушной и смешливой женщине требовали именно этого.

До центра Таэрмина демонолог добрался быстро, благо от Красной Академии было совсем недалеко. На рынок решил не заходить. Там, среди этой вечной толчеи только время потеряешь!

«Или заглянуть? Нет, даже если Энни нет дома, то я лучше дождусь ее там! — думал парень».

Малтис пересек Рыночный перекресток и неспешно зашагал дальше. Постепенно дорога вывела парня к развилке улиц. Одна вела к парку с озером и жилыми массивами, где и находился дом Энни, а другая — в ремесленный квартал и к таверне «Полумесяц». У самой развилки, между улицами, стоял Первый банк. Монументальное строение, отделанное настолько дорого, что при строительстве не поскупились украсить входные двери и половину фасада настоящим стеклом самой искусной и тонкой работы. И стекло это содержалось в такой чистоте, что в нем отражалась большая часть улицы с прилегающими строениями.

Еще на подходе к банку Малтис, по привычке, бросил взгляд на стекла и, как обычно увидел в них себя, прохожих за своей спиной и... серебристые плащи! Четыре! Гвардейцы шли не торопясь, держались в отдалении, но Малтиса из вида не упускали. Демонолог мгновенно остановился и начал поправлять сбрую, и без того крепко сидящую на лошади. Парень занервничал. Он лихорадочно соображал, что делать дальше и что вообще значит это преследование. И преследование ли это?

Наконец, не придумав ничего лучше, Малтис обратился к астралу. Ментальный взор демонолога нырнул за мутноватую, дымчатую пелену параллельной реальности этого мира, сотканной из эфирной материи. Сухой, колючий ветер окутал сознание. Мгновение, и все прояснилось. Малтис обратил взор на ближайший поток эфирной энергии, мысленно заскользил по нему в сторону приближающихся гвардейцев, осмотрелся. Так и есть! Над одним из воинов висит астральная метка. Парень потянулся к ней, слегка коснулся метки. Та дернулась в сторону хозяина, затрепетала. Демонолог сконцентрировался на ней, а потом резко и быстро скользнул обратно. Не стал покидать астрал, решив немного проследить за перемещением своей метки. Еще раз дернул уздечку на кобыле и зашагал дальше. Медленно и неуверенно, ведь большая часть сознания была погружена в параллельную реальность.

Соображать пришлось прямо на ходу. Однако все, что Малтис смог придумать, так это свернуть на развилке в сторону таверны «Полумесяц». Демонолог подумал, что не стоит вести гвардейцев к дому Энни. Мало ли что произойдет дальше...

Мысли неслись вскачь и Малтис терялся среди них. Хотя причин для тревоги практически не было. Ну, подумаешь, гвардейцы идут за ним следом. Вдруг у них тоже дела в этой части города? Настораживало лишь то, что это был отряд Рейнора Паскаля. Хотя, тот факт, что Красные гвардейцы перед этим навевались в Академию, тоже не давал покоя. Однако внешне Малтис пытался выглядеть расслабленным и даже беспечным.

Демонолог неторопливо шагал по улице, не забывая следить за астральной меткой. Вот она уже достигла развилки улиц, на мгновение задержалась перед банком и также свернула в направлении таверны «Полумесяц». Малтис зашагал быстрее, и метка так же ускорила свое движение.

«Демоново отродье! — подумал демонолог. — Серьезно? Только этого мне и не хватало. И что теперь делать? Куда дальше? Хотя... Точно! Таверна! Поселюсь в ней. Первые-то два дня бесплатно... А дальше придумаю что делать! Да и гвардейцы вряд ли рискнут устроить какую-то пакость в заведении Годварда».

Таверна «Полумесяц» находилась в собственности у архи-мастера Годварда, поэтому для демонологов там были свои привилегии. Будь то первые дни бесплатного проживания, или завтрак за счет заведения. Правда завтрак иногда никудышный и часто приготовленный не из самых свежих продуктов.

Малтис увереннее зашагал по ремесленному кварталу. Астральная метка заторопилась в то же мгновение. Что ни говори, а гвардейцы были профессионалами своего дела! Демонолог не переставал следить ни за меткой, ни за дорогой. Миновав два больших цеха, Малтис свернул налево, пересек Кожевенный переулок, обогнул скопление складов и вышел на главную улицу. Астральная метка скопировала маршрут демонолога. Все сомнения отпали разом.

Не дожидаясь появления гвардейцев в поле зрения, Малтис зашагал дальше. Через пару сотен метров, среди торговых лавок и ремесленных магазинчиков, замаячила массивная крыша таверны. Малтис ускорился. Лошадь всхрапнула, но, все же, резвее зацокала копытами по булыжникам.

Впервые за весь путь демонолог оглянулся. Из переулка, где находились склады, показался отряд гвардейцев. Воины шли не спеша, вразвалочку. Казалось, что они просто прогуливаются, наслаждаются тихим, спокойным летним деньком. Гвардейцев выдавали только глаза. Холодные, безжалостные, решительные и внимательные взгляды. Все время нацелены на спину Малтиса. Всегда начеку. Все видят и все подмечают.

Демонолог резко отвернулся и устремился к таверне. Там он сдал свою кобылу на конюшню, а сам нырнул в душное, пропахшее, в прочем, не плохим элем помещение.

Красные гвардейцы остановились совсем недалеко от таверны «Полумесяц».

— Он нас заметил! — сказал один из воинов.

— Олух и молокосос... Не думаю, что он видит дальше своего статуса и раздутого самомнения! — не согласился с товарищем другой гвардеец.

— Если заметил, — вкрадчиво сказал Рейнор Паскаль, — то это даже лучше. Пусть дергается и нервничает. Пусть ошибается! Давайте помаячим прямо тут, перед окнами. Теперь он мимо нас точно не проскользнет.

— Да! — поддакнул первый воин. — Пусть натворит дел!

— Или не натворит, — возразил Рейнор. — Мы не знаем наверняка, заметил ли он нас и заподозрил ли что-то. Так что пока просто ждем. Нам торопиться некуда.

— А может... может того? — заговорил другой воин. — Пришьем его прямо тут? Никто же нам не помешает! Быстро и эффективно.

— Нет! — грубо возразил Рейнор Паскаль. — Только не в таверне моего брата. Лишняя шумиха нам не к чему. Да и репутация Годварда от такого может сильно пострадать. Нет, такой риск крайне не оправдан. Сделаем все как можно незаметнее!

Глава 15. Алаэн Дербидж. Вести с севера

5419 год, конец первого месяца зимы

Северная тропа, на пути к безымянному аванпосту

Горы Анрод нависали справа сплошной гигантской стеной. Умопомрачительно высокие заснеженные пики подпирали далекие облака. Две исполинских, самых высоких в округе горы, и вовсе терялись в небесной выси своими оконечностями. У этих титанов даже были свои имена: Сарт и Орей. Я уже забыл от кого слышал эти названия, однако запомнил их.

В это морозное утро каменные гиганты были особенно прекрасны и помпезны. Они величественно молчали и со своих немыслимых высот бесстрастно наблюдали за нашим отрядом. Я изредка бросал восхищенные взгляды на Орей, пытался разглядеть его далекую макушку. От одного взгляда на гору сильно кружилась голова, однако это меня несколько не останавливало. Мне нравилось смотреть на заснеженные, искрящиеся в лучах утреннего, морозного солнца перевалы, подъемы и склоны гор.

— Эй, Джалек, ты как? — еле шевеля замерзшими губами, спросил Пекарь.

Южанин лишь махнул рукой и ничего не сказал. Да, на Джалека было тошно смотреть. Он хуже всех переносил лютый мороз, заставший нас на половине пути к безымянному аванпосту. Теперь к привычной бледности мужчины добавилась болезненная синюшность, вызванная холодом.

Я и сам повыше натянул высокий ворот мехового полушубка и поглубже спрятал лицо в теплый шерстяной шарф. Однако и это не особо спасало. Мороз не ведал преград и во всю свою мощь терзал тело. Радовало только одно: впереди замаячили стены аванпоста.

— Наконец-то! — облегченно выдохнул Эд. — Добрались.

— Куда добрались?! — вскинулся Пекарь. — Или ты уже захлопнул за собой ворота? Ты что, за стенами аванпоста? Так чего болтаешь?! Вот как войдем в крепость, когда жарко натопим печь, тогда и расслабишься. А сейчас по сторонам поглядывай и не вякай лишнего!

Сын Пекаря стыдливо спрятал глаза, кивнул отцу и, ускорив шаг, ушел в начало отряда.

— Хм... Взяли моду! Дело еще не сделано, а они уже отмечать взялись. Эх, молодежь! Вам бы все да сразу, а ждать не умеете... или не хотите, — Пекарь еще долго бухтел что-то подобное себе под нос.

Я лишь улыбнулся и тоже прибавил шагу. Да, тут, на севере, да еще в такой мороз, главное — движение. Нельзя дать холоду пробраться под одежду. Еще важнее, чтобы ноги были в тепле. Поэтому и приходится идти вперед без остановок.

— Эй, парни, спуск начинается! Смотрите в оба! — крикнул сержант Пайк из начала колонны.

Спуск — это хорошо. Сразу за ним начинается небольшой лесистый склон, а еще через лигу — безымянный аванпост.

Я осмотрелся по сторонам. От отряда отстал Джалек. Южанин стоял в стороне и что-то глотал из небольшой фляжки. Он быстро попил и направился к нам.

— Ты как? — с тревогой в голосе спросил я.

— В норме, — ответил Джалек. Кожа на его лице стала приобретать естественный оттенок. — Просто пить захотел.

Я кивнул. Мне совсем не интересно, что там принимает странный южанин. Мне важно только, сможет ли он прикрыть меня или кого-то из егерей в нужный момент. Однако на

этот счет сомнений не было — Джалек еще никогда не подводил.

— Тихо тут, — сказал я для поддержания разговора.

— Очень, — откликнулся южанин. — Так никогда не было.

— Как?

— На многие лиги вокруг ни души. Ни птиц, ни зверей, — бесстрастно сказал Джалек.

— Откуда знаешь? — изумился я. Южанин ведь никуда все это время не отлучался.

— Я слышу. Много чего слышу.

— Что, вообще никого кроме нас? — Спросил я.

— Никого... Кроме твоего волка...

Я вскинулся, сделал страшное лицо, приложил палец к губам.

— Не бойся. Я не скажу Пайку. И в тот раз не я сказал. Мне твой зверь не мешает. Я чувствую, что он не несет угрозы. Для нас.

— Ладно... А ты не знаешь, кто сказал сержанту?

— Не знаю. Да если бы и знал — не сказал бы. В отряде не нужны конфликты.

Я кивнул. У меня не было повода сомневаться в словах южанина. Он не тот человек, чтобы разбрасываться и без того редкими фразами. Наш разговор сам собой стих.

Мы беспрепятственно миновали крутой спуск и нырнули в перелесок, укрывавший каменистый уступ.

— Стоянка! — крикнул сержант. — Давайте дров наберем, неизвестно какие запасы в аванпосте.

Пайк дело говорит. Мало ли! Вдруг в безымянном аванпосте вообще дров нет? А у нас свои запасы заканчиваются. Да и вообще: оставлять припасы в крепости — это своеобразная традиция Последнего Патруля. Всякое в пути может приключиться.

Егеря разбрелись по лесу. Застучали топоры, затрещал сухостой и валежник. Из головы колонны вернулся Эд, и мы с ним, оседлав старую поваленную сосну, принялись рубить ее.

— Парни, берем по максимуму! — крикнул Пайк. Он тоже не стоял без дела. Стоять нельзя. Поэтому сержант таскал в сани охапки хвороста, похлопывал себя по бокам да потирал варежка о варежку.

Кое-как изрубив сосну, мы с сыном Пекаря принялись таскать увесистые чурбаки. К нам присоединился Джалек. Этот тощий, жилистый человек брал по два бревна и играючи грузил их в сани. Мы с Эдом даже не поспевали за ним. Казалось, что у южанина второе дыханье открылось и мороз ему уже нипочем.

Через час, нагрузив повозки до предела, мы двинулись дальше. Миновали подъем, еще один спуск и вышли аккуратно к стенам безымянного аванпоста.

— Ну что, ребятки, последний рывок?! Еще разок дружно навалимся, а там уж и отдохнем! — крикнул Пекарь и стал доставать лопаты.

Да, отдыха нам сегодня точно не видать. Ворота аванпоста чуть ли не до середины замело снегом! Хотя чего другого можно было ожидать? Метели-то вон какие были. В общем, хочешь не хочешь, а поработать придется. Мы все взялись за лопаты и принялись дружно откидывать снег от ворот.

Снег за долгие недели слежался и превратился в плотный наст. Провозились мы немало, но, хотя бы, согрелись. Наконец, когда из-под снега показались голые камни, сержант Пайк загремел связкой ключей и не без труда отпер крепостные ворота. Вторым ключом запустил подъемный механизм. Мы оказались внутри.

В безымянном аванпосте за три года ничего не изменилось. Все такая же невысокая

крепость, все те же серые, обледеневшие стены, мутные, заиндевевшие окна. Мы нырнули внутрь унылой, старой башни, туда же завели лошадей.

Нижний этаж аванпоста был объемистый, но имел, по сути, всего три отдельных помещения. Первое — хозяйственное, самое большое. Там-то мы и разместили животных, составили сани с провизией. Во второй комнатке, больше похожей на промерзший чулан, мы сложили свои вещи. В третьем зале расположились мы сами. Тут было два больших камина, нечто похожее на лежаки, длинный стол и множество гнилых табуретов. В общем, все самое необходимое для жизни.

Первым делом развели огонь и жарко натопили в помещении. Приготовили поздний обед и только потом позволили себе немного расслабиться и отдохнуть. Многие егеря улеглись спать, другие отправились обходить окрестности. Я оказался в числе первых. Пекарь разрешил мне и Джалеку вздремнуть до вечера, но при условии, что вечером мы отправимся в патрулирование. Я не возражал, да и южанин не был против.

Проснулся я, когда солнце село. Джалек уже сидел у камина и уплетал пустую, остывшую кашу. Мне не пришло ничего другого на ум, как присоединиться к товарищу.

— Ну, как тут обстановка? — спросил я, проглотив кашу.

— Тихо, — ответил южанин. — Первые патрульные вернулись пару часов назад. Ничего.

— Ясно...

— Эл, Джалек, — к нам подошел Пекарь. — Выходите через пятнадцать минут. С вами пойдут двое парней из бывшего отряда Ланца. Направления выбирайте сами и расходитесь поодиночке. Далеко не забирайтесь, сегодня наша цель — наблюдать. Осмотритесь вокруг повнимательнее... Ну, в общем, не мне вас учить.

Мы с южанином дружно кивнули, убрали на стол пустые миски, собрались и вышли на улицу. Перед воротами аванпоста стоял северянин Бон со своим копьём в руках. Парень смотрел на север, туда, где зажигались яркие, крупные звезды. Когда мы поравнялись с северянином, тот внезапно сказал.

— Безветренной ночи вам!

Мы с Джалеком обернулись.

— И тебе не замерзнуть, — ответил южанин. Бон лишь усмехнулся, но ничего не сказал.

Подоспели егеря из бывшего отряда Ланца. Мы распределили между собой маршруты и разошлись. Мне досталась северная тропа. Я постоял еще несколько секунд, вглядываясь в опускающуюся на горы ночь, и, когда глаза привыкли к темноте, отправился в путь.

Быстро спустился с возвышенности, на которой стоял безымянный аванпост, и запетлял меж каменных глыб. Я не торопился и просто шнырял туда-сюда, не отдаляясь от крепости. Несмотря на наступившую ночь, видимость вокруг была хорошая. Светил месяц и звезды, а под их сиянием на земле искрился снег. Белым-бело! И ясно практически как днем.

Я побродил еще с полчаса рядом с аванпостом и, не обнаружив ничего подозрительного, отправился дальше. В горах что-то коротко треснуло. Глухо заухало. Стихло. Через несколько секунд раздался отдаленный то ли крик, то ли стон, то ли смех. И опять тишина.

Сердце в груди запрыгало испуганным зайцем. Я замер, прижался к высокому валуну и постарался слиться с ним. Прислушался. Нет. Ничего. Как будто и не было никаких звуков! Да, в горах всякое бывает, и кто знает, какие существа обитают в темных расщелинах и далеких пещерах.

Постояв еще пару минут, я медленно зашагал на север. Свернул с тропы и углубился в беспорядочное нагромождение острых как бритва камней. Постепенно местность стала превращаться в крутой холм, и я начал забираться наверх. Оказавшись на возвышенности, осмотрелся. Отсюда открывался отличный вид на горные отроги, ближайшие скалы, холмы и долину, лежащую впереди.

Я устроился меж валунов, замер. Красиво тут! Верхушки титанических горных хребтов теряются в бездонной черной выси. Месяц и звезды над головой. А далеко-далеко на севере разгорается таинственное зеленовато-фиолетовое свечение. Я залюбовался. Сияние это постепенно превратилось в четкую, извилистую, изумрудную ленту, сменило свой цвет. Заколыхалось, поплыло. Откатилось назад, засветилось еще ярче.

Некоторые называют это явление северным сиянием, другие говорят, что это свет из самого Мрака. Но все сходятся в одном: это сияние опасно. Я так не считаю. Наоборот. Оно мне нравится. Я видел его уже несколько раз, и всегда сияние это казалось мне спокойным, полным жизни и таким древним, что аж дух захватывает.

Вскоре беспощадный мороз все-таки взял свое. Ноги начали мерзнуть, а руки и вовсе свело от холода. Я спустился с холма и неторопливо зашагал обратно. На полпути к аванпосту снова услышал какой-то шорох в ночи. Внезапно впереди вспыхнули два красных огонька. Я остановился и медленно потянулся к рукояти ромфеи. Раздался радостный скулеж и еле слышное тьяканье.

— Эй, Дым! — прошептал я. — Ты чего тут делаешь?

Волк весело подбежал ко мне, ткнулся влажным носом в грудь. Тут же развернулся, еще раз тьякнул, только теперь уже требовательно, и затрусил обратно. В сторону безымянного аванпоста.

— Стой! Тебе туда нельзя!

Однако зверь даже и не подумал остановиться, хотя, я уверен, все отлично понял. Он лишь нетерпеливо махнул хвостом и скрылся за ближайшим валуном. Мне ничего не оставалось делать, как последовать за Дымом.

Немного поплутав по каменному лабиринту, мы вышли на ровную площадку. Дым бросился к еле приметному бугорку снега и принялся быстро его раскапывать. Я с интересом наблюдал за действиями друга. Вот из-под снега показался темный ком какого-то смерзшегося тряпья. Волк все продолжал копать. Вот показалась рука, нога, голова. Я метнулся к таинственной находке друга.

Под снегом оказался человек! Правда, давным-давно замерзший. Я присел над посиневшим трупом, осмотрел его. Простая егерская форма, меховые сапоги по колено, меховая же шапка. Перевернул тело на спину и...

Я знал его! Это парень из Последнего Патруля! Как же его зовут?

— Санни... — за спиной раздался тихий голос Джалека. Я резко обернулся, уставился на южанина.

— А ты тут откуда?

— Шел за твоим волком, — тихо ответил Джалека. — Он бежал в эту сторону, будто что-то искал.

— Ага... и нашел.

— Да. Это егерь из Последнего Патруля. Санни.

— Точно. Так его звали.

Джалека замолчал, скорбно глядя на обледеневший труп. Я тоже не хотел ничего

говорить. Укоризненно посмотрел на Дыма, даже не среагировавшего на южанина. Волк демонстративно отвернулся.

— Ну, что, потащили его в крепость? — спросил я.

Южанин лишь кивнул. Мы подхватили мертвого егеря и поволокли его в аванпост. Дым потрусил за нами. Проводив нас до самой крепости, волк, так же тихо, как и появился, скрылся в морозной ночи.

Мы внесли труп Санни в коридор аванпоста, аккуратно уложили на пол, распрямились, переводя дух. Из общего зала потянулись егеря. Они с интересом и тревогой смотрели на нас и на нашу находку. Последним из зала вышел сержант Пайк.

— Чего вы опять тут приволокли? — зло и раздраженно спросил он. Однако в следующую секунду Пайк все-таки разглядел труп. — Санни... Это рядовой из Последнего Патруля...

— Да, — спокойно ответил Джалек.

— Где... Где вы его нашли?! — сержант, не сумев сдержаться, сорвался на истеричный крик.

— Тут не далеко. Совсем рядом с аванпостом, — ответил я. — Несколько сотен метров на север.

— Твою за ногу! Ну, и что он там делал? Что он там делал?! Откуда он тут взялся? Санни должен быть на севере, со своим отрядом! — бесновался сержант.

— Теперь вряд ли мы об этом узнаем.

Сержант Пайк ожег меня свирепым взглядом, но ничего не сказал. Он и сам, наверное, понял, что несет полную чушь. Хотя, с другой стороны, те же самые вопросы тревожили и остальных егерей. Просто никто не осмелился задать их. Все боялись. Я видел это по их глазам, по напряженным, серым лицам. Егеря понимали, что ответов на эти вопросы не будет. Потому и боялись.

Сержант, словно маятник сбесившихся часов, расхаживал туда-сюда, из угла в угол, от двери к двери. Внезапно остановился, уставился на заледеневший труп.

Южанин, стоявший все это время рядом со мной, внезапно присел рядом с телом Санни. Не снимая теплых перчаток, Джалек ощупал тело мертвого егеря. Смерзшийся полушубок на трупе громко захрустел. Южанин схватился за торчавший колом ворот промерзшей одежды, резко рванул в разные стороны. Раздался резкий треск, словно кто-то расколочил лед на озере.

Полушубок на мертвце расколочился на две части, похожие на гигантский панцирь неведомого существа. Они с грохотом упали на каменный пол, и из них выкатились два свитка. Странно, но бумага казалась свежей, не прихваченной лютым морозом. Будто бы оба свитка были написаны только что.

Пайк, до этого стоявший у противоположной стены, в мгновение ока очутился рядом с нами, схватил первое письмо. Поверхность бумаги полыхнула прозрачным пламенем и тут же погасла. Сержант в страхе отбросил свиток. Немного подождал, наклонился и снова взял письмо. Ничего не произошло.

— Хм... — озадаченно хмыкнул Пайк, — эфирная энергия. Видимо для того, чтобы бумага не испортилась.

— Значит, письма писал мастер Вингут, — предположил я. — Он ведь командовал Последним Патрулем?

— Да, он... — рассеяно ответил сержант. Пайк бегло осмотрел свиток и аккуратно,

чтобы не повредить личную печать демонолога, принялся стягивать скрепляющую веревку с письма.

Через несколько секунд сержант, наконец, развернул свиток, скользнул взглядом по строчкам. Его губы чуть заметно шевелились, а лицо все больше и больше хмурилось. Пайк дочитал письмо, поднял голову. Лицо его было белым, словно первый снег.

— Ну, чего там, сержант? — нетерпеливо спросил Пекарь, все это время тихо стоявший у входа в аванпост.

— Я прочитаю вам... все от начала и до конца... — голос Пайка дал петуха.

Однако, не смотря на это, сержант начал читать:

*«Демонолог мастер Вингут Данто Вэйн,
Командир Последнего Патруля и, по совместительству,
Шестнадцатого сводного егерского отряда.*

*Наместнику поместья Дербидж
и главнокомандующему армией Королевских егерей*

— Йену Тавору Дербиджу,

А также, если это послание попадет в Нортмарк,

Командующему заставой

— Ольтеру Джону Гаппету.

Извиняюсь за столь сумбурное послание и сразу прошу простить меня за столь скорбные вести в такие спокойные и благостные для королевства времена. Пишу в спешке, так как промедление подобно смерти и краху Маркауна, а, возможно, и всего материка.

На Последнюю Твердыню напали!

После того, как наш отряд на два дня раньше намеченного срока прибыл в крепость, начался первый зимний буран. Через день, когда непогода разбушевалась не на шутку, на нас напали. Твердыню осадили неизвестные мне враги. Это не северные племена варваров, те бы никогда не осмелились в открытую идти против сил королевства. Однако это и не Вебарцы, и не солдаты любого другого государства из тех, кто бы мог напасть на нас. Таких воинов я никогда еще в своей жизни не видел, а видел я, как вы можете знать, многое. Однако все они люди.

Сейчас, когда я пишу вам это послание, мои подопечные погибают там внизу, под стенами крепости. Лучшие воины. Им не справиться. Но гибнут они, в основном, от чародейства! Да, это так. Я не сошел с ума. Где-то рядом с Твердыней творит свое колдовство самый настоящий маг. Я не видел его, но чувствую тяжесть скверной магии. Мои эфирные щиты пока кое-как сдерживают его натиск, но это ненадолго. Маг слишком силен, но пока не использует всю свою мощь.

У меня нет сомнений в том, что мы не переживем этот день. Я в смятении и не знаю что делать, поэтому пишу это письмо в надежде на то, что смогу предупредить вас об опасности. Я, дописав послание, отправлю на юг гонца. Кого-то из еще живых егерей.

Если это письмо читает командующий заставой Нортмарк, то обращаюсь к нему. Ольтер, мобилизуйте, ради Трoих, все егерские патрули и отправьте их к северному рубежу. Так же считаю нужным набрать ополчение из числа местных жителей. Рядом с заставами много больших и малых деревень, поэтому подумайте над моим предложением. Враг не должен прорваться на юг.

Далее. Если это послание попало сразу к наместнику в Дербидж, то обращаюсь к Йену. Мой старый друг, ты, наверное, засиделся со времен Вебарской компании? Пришло время

тряхнуть стариной, ведь все то, что я сейчас написал — не шутка. И даже не бред моего воспаленно мозга, что было бы, конечно же, наилучшим исходом. К сожалению это не так! Очень опасный враг идет на юг. Мы вряд ли сможем с ним договориться, заключить выгодный союз. Тут это не пройдет. Все инструменты, которыми вы, политики, так привыкли работать, не действенны. Поэтому прошу и тебя мобилизовать все твои войска, призвать в Дербидж вассалов с отрядами и ждать. Так же прошу передать всю информацию королю. Пусть вышлет отряд к Гномьему Тракту. Дхандуар очень важен теперь как стратегический путь, связывающий запад Маркауна с востоком. Если подгорный проход падет, падет и столица.

Это минимальные действия, которые вы должны предпринять для безопасности королевства и его народа. На этом мои просьбы к вам заканчиваются, как и само письмо. Осталась последняя просьба, и она снова обращена к тебе, Йен. У тебя служит демонолог. Мастер Трэвис. Мой давний товарищ и самый верный единомышленник. Ему я адресую второе письмо, которое так же доставит гонец. Не пытайтесь читать его. Сразу передайте Трэвису. Послание будет зашифровано эфирной маской, и расшифровать его сможет только опытный демонолог. Еще раз повторяю — передайте письмо Трэвису. Он знает, что нужно будет делать дальше. Не препятствуйте ему и не ограничивайте в действиях.

Если сделаете так, как я прошу, то у нас появится призрачный шанс на спасение и победу.

На этом все. Заверяю письмо своей подписью и личной печатью.

Да помогут нам Святые Трое.

Вингут Данто Вэйн».

Мы все ошарашено молчали. Гнетущая тишина, повисшая в коридоре, оглушала. Сержант Пайк медленно свернул письмо. Громкий шелест бумаги вывел всех из оцепенения. Егеря зашевелились.

Пайк, тем временем, отложил первый свиток и взялся за второй. По поверхности письма ожидаемо пробежал эфирный сполох, обжегший руку сержанта, и погас. Пайк аккуратно развернул послание и недоуменно уставился на страницу.

— И что тут расшифровывать? — хрипло спросил он. — Свиток пустой.

— Наверное, это и имел ввиду мастер Вингут, — спокойно сказал Джалек. — Там ведь упоминалось про эфирную маску. Насколько я понимаю, она принимает любую форму. Какую задаст демонолог.

— А ты что, сильно сведущ в искусстве демонологов? — едко спросил сержант.

Южанин промолчал. Пайк обвел всех нас хмурым взглядом и так же аккуратно запечатал второй свиток.

— Я думаю, нужно последовать совету Вингута, — сказал вдруг Пекарь. — Необходимо передать оба письма наместнику Дербиджа. Пусть у командиров по этому поводу голова болит.

— Передать... — Пайк задумался. — Передать нужно. Также нужно предупредить командующего Ольтера. Нам на севере в любом случае нужно подкрепление.

— Ага, только весь вопрос в том, кто это сделает? Кто отправится на юг? — спросил Эд. Его голос густым юношеским басом прогремел по промерзшему коридору безымянного аванпоста.

Повисло молчание. Сержант Пайк наморщил лоб, устало вздохнул и тяжело взглянул на

меня. Не отводя взгляда, он решительно сказал:

— Я до самого последнего момента отказывался верить в захват Последней Твердыни, но это произошло. Мастер Вингут не стал бы просто так писать эти письма.

Я согласно кивнул. Сержант говорил все правильно.

— Но, не смотря на это, мне сложно принять это решение, — продолжил Пайк. — Отправлять на юг сейчас необходимо как минимум двоих егерей. Для надежности. Но нас осталось все одиннадцать человек. Вместе со мной. Одиннадцать... Нет, я не могу отправить двоих. Пойдет один! Пойдешь ты, Алаэн.

Внутренне я был готов к такому повороту событий, поэтому спросил спокойно:

— Почему именно я?

— Кто как не сын сможет быстрее договориться со своим отцом? — вопросом на вопрос ответил Пайк. — Наместник Дербиджа ведь твой отец, а не мой, не Эда, не Джалека Ты быстрее нас всех добьешься встречи со своим предком. Да и Ольтер быстрее выпишет тебе внеплановый отпуск... Ты ведь у нас благородных кровей, тебе многое позволено.

Я поморщился. Давно меня не попрекали благородным происхождением. Последний раз меня задевали этим, когда мне было шестнадцать. Двое егерей во главе с каким-то сержантом пришли познакомить меня со своими кинжалами. Егерей я просто избил, а вот сержанту сломал обе руки. После этого нападки на меня прекратились. И вот опять: Пайк взялся меня подтрунивать. Не смотря на то, что это выглядело более чем глупо.

— Не важно, что мне позволено, — наконец ответил я. — Не важно, какие двери передо мной открыты. Важно твое решение, сержант. И то, как быстро ты напишешь Ольтеру прошение о моем бессрочном отпуске.

— Бессрочном? — возмутился сержант. — Ну, это ты загнул!

— Ты можешь точно сказать, куда заведет меня это задание? — огрызнулся я.

Сержант Пайк замешкался, не зная, что сказать.

— Вот и я не могу предположить. Но, сдаётся мне, что посещением Дербиджа это не ограничится!

— Хорошо. Сейчас я все подготовлю. Завтра к утру. Будь готов выступить на рассвете, — тихо сказал Пайк.

Я кивнул и направился в общий зал. Хотелось поесть и согреться. А еще хотелось выспаться. Уже подойдя к дверям, я оглянулся, крикнул сержанту.

— Да, кстати! Я думаю, что хотя бы до заставы у меня найдутся спутники.

Сержант непонимающе уставился на меня. Его лицо пылало от гнева.

— И кто же это? — спросил он язвительно.

— Отпусти со мной северян! — предложил я. — Чего им сидеть с тобой тут? Они ведь бежали на юг, а идут обратно на север.

— Здесь они под нашей защитой! — выкрикнул сержант.

— В Нортмарке они будут в еще большей безопасности. Да и вы от двух лишних ртов избавитесь. А Ольтер, я уверен, пристроит их к делу.

— М-м-м... — озадаченно протянул Пайк. — А захотят ли они идти с тобой?

— Так спроси их!

Сержант обернулся к северянину Бону, который все еще стоял в дверях.

— Что скажешь? — спросил Пайк.

— Завтра утром мы будем готовы отправиться на юг, — сказал Бон

Я улыбнулся и шагнул в общий зал. Необходимо еще подготовиться, ведь я отправляюсь

домой!

Глава 16. Дин Бэйл. Белый огонь

5419 год, последний месяц осени

Юг королевства Маркаун, Трангол

Прохладная утренняя дымка заволокла окна, лужайку у дома, липы, растущие у дороги и всю улицу. Далекое осеннее солнце было похоже на простой безжизненный круг, вырезанный из пожелтевшей бумаги. Легкий ветерок, подувший с севера, бодрил.

Дин зябко поежился, затворил калитку и отправился на работу. Снова. Как вчера, позавчера и еще три года подряд. Одна и та же дорога, одни и те же лица прохожих. Все одно и то же. Каждый новый день как предыдущий, а предыдущий почти стерся из памяти и слился с чередой однообразных недель, месяцев и лет.

Однако сегодня Дин пребывал в приподнятом настроении. То ли разгулявшаяся погода так действовала, то ли новая работа вдохновляла, парень так и не понял. Собственно, он и не пытался сегодня разобраться в своих чувствах, а просто наслаждался хорошим настроением. Когда еще доведется?

Парень широко зашагал по грязным колеям «Муравейника», зажал пальцами нос на улице Висельников, промчался вдоль старого парка и кладбища, и поднялся к храму Троиц. Тут Дин привычно влился в толпу серых, понурых горожан и беспечно зашагал напрямиком к фабрике.

Рядом с цехом, в котором работал парень, было тихо и малоллюдно. Дин вошел внутрь. В цеху, кроме Оланда, никого больше не было. Наставник, услышав скрип входной двери, обернулся и бодро сказал:

— Хм! Рановато ты сегодня! Я сам только пришел, даже станок еще не смазывал.

— Ну, значит я как раз вовремя. С этого и начнем! — весело ответил парень.

— О! Я смотрю, тебе уже не терпится поработать?!

— Да нет... — смутился Дин. — Просто чем быстрее научусь, тем быстрее на новом станке начну работать.

— Не гони лошадей, а то у повозки колеса отвалятся! Дорога-то вся в рытвинах и выбоинах, — хитро прищурившись, ответил наставник.

Дин почесал в затылке и, молча, отправился переодеваться. Через пару минут парень уже был готов к работе.

— Ну, раз ты такой нетерпеливый, давай со смазки и начнем, — предложил Оланд.

Парень кивнул, и напарники приступили к работе. Наставник объяснял Дину все в мельчайших подробностях. Показал точную последовательность, в которой смазывались все узлы станка. Показал все детали механизма, рассказал, как они называются и за что отвечают. Велел запомнить точное количество передаточных шестерен и валов, в каком порядке они устанавливаются и как приводятся в действие.

Дин только и поспевал запоминать и следить за действиями Оланда. Парень даже не заметил, как цех заполнился рабочими, как время перевалило за полдень. Только когда наставник объявил о перерыве, Дин будто бы очнулся ото сна. Прямо тут, у станка, тяжело плюхнулся на кособокий стул и прикрыл глаза. Прислушался к ощущениям. В ушах появился противный писк, в голове зарождался тяжелый гул. В груди плескалась тягучая пустота. Но было и еще что-то. Какое-то давно забытое ощущение маячило на границе сознания. Нечто похожее на удовлетворение и... счастье.

Парень напрягся и попытался ухватить за хвост прыткое чувство. Наконец, когда ему это удалось, Дин с удивлением понял, что испытывает необъяснимую тягу и интерес к только что изученным механизмам. От этого и испытывает удовлетворение, и мимолетное счастье. Дин всем сердцем удивлялся этой гениальности и в то же время простоте сборки узлов станка. Это целый мир, целое царство, и, если знать, на что воздействовать, то всем этим можно легко управлять!

От размышлений Дина отвлекла боль, возникшая в голове где-то на самой дальней границе восприятия. Парень поднялся со стула, помассировал руки. Их снова жгло в районе кистей! Дин отмахнулся от этого назойливого ощущения и отправился на улицу подышать свежим воздухом. Там он прошелся вдоль глухой цеховой стены, вышел на широкую площадку, остановился. Прищурился, наслаждаясь лучами остывшего осеннего солнца.

— Дин, ну, как дела? Я смотрю, у вас с Оландом работа идет полным ходом? — раздался благодушный голос за спиной. Дин обернулся и увидел мастера Джима, несущего в цех какие-то инструменты.

— Да... стараемся... — растерянно ответил Дин.

— Это правильно, это хорошо. Ну а вообще как — нравится?

— Нравится. Мне вообще кажется, что механизмы — это мое.

— Давай-давай! В начале следующей недели станок уже будет у нас. Если такими темпами учиться будешь, то сразу за новый механизм и поставим тебя.

Дин кивнул.

— Ну, ладно, давайте работайте дальше, — бодро сказал Джим и побежал в цех. — Чем быстрее, тем лучше...

Парень постоял еще пару минут на улице и отправился в цех. Головная боль не прошла, а наоборот усилилась.

В помещении было душно. В носу и горле защипало от табачного дыма, густо вьющегося по всему цеху. Дин закашлялся, протер слезящиеся глаза и зашагал напрямик к станку. Оланда все еще не было на месте, и парень уселся обратно на стул в ожидании наставника. Вскоре тот вернулся с тюком старой шерсти.

— Сейчас материал второго сорта будем делать! — объявил Оланд.

— Это как? — не понял Дин.

— Некачественное сырье в прокат пустим.

— Это зачем... — смутился парень.

— Ну, пораскинь, пораскинь мозгами-то... Э-э-э-х! Кто ж тебе сразу нормальную шерсть катать доверит?! Потренируешься пока на этой, ее-то не жалко, а потом, если все нормально пойдет, будешь с нормальным материалом работать.

Дин кивнул.

— Ну, что? Сразу сам попробуешь? — спросил Оланд.

— Попробую! — ответил Дин.

Однако практика оказалась сложнее, чем теория. Поначалу парню было тяжело. Приходилось одновременно выполнять несколько дел: ровно опускать шерсть в горловину приемника, контролировать рычаги подачи, привода вала, включения элеватора и, непосредственно, самого прокатного вальца. Сложнее всего было сконцентрироваться и выполнять все операции своевременно, а, главное, в правильной последовательности.

Дин вскружился. В течение следующих двух часов он испортил полтюка шерсти, покраснелся, взмок и еле-еле мог переводить дух.

— Ладно, ладно! Притормози немного! — Оланд старался перекричать шум станка. — Передохни чуток.

Дин остановил привод станка, выдохнул и тупо уставился на бесформенные пласты шерсти, вышедшие из механизма.

— Ну, перевел дух? Пошли, — сказал наставник и куда-то быстро зашагал. Дин устало поплелся следом.

Оказалось, что Оланд снова шел на склад. Там он взял теперь уже два тюка испорченной шерсти. Один отдал парню, второй потащил сам.

— Теперь смотри и запоминай, что буду делать я! — сказал Оланд. Дин стал наблюдать.

Наставник действовал уверенно и умело. Раз — и он аккуратно подал шерсть, два — и он уже у рычага, взмах рукой — и завращался привод. Снова отточенное движение — и новая порция шерсти ушла в приемник. За следующие полчаса Оланд не сделал ни одного лишнего действия. Он не вспотел, не покраснел и не запыхался. Каждый лист материала, вышедший из станка, был идеально ровным. Хоть сейчас иди да продавай!

Дин с завистью наблюдал за Оландом. Однако завидовал парень белой завистью. Он от всей души восхищался мастерством и дисциплинированностью наставника, искренне удивлялся его лисьей ловкости.

— Пойми, — сказал Оланд, закончив работу. — Тут главное почувствовать. Это как в трактире у Петрина: слышишь музыку, чувствуешь ритм и пляшешь в такт. То же самое. Почувствуй механизм, и работа сама пойдет. Попробуй еще раз!

Дин снова приступил к работе. До самого вечера он не отвлекался и ни на что не обращал внимания. Только когда цех почти совсем опустел, к парню подошел Оланд. Хмыкнул, придирчиво осмотрел новые пласты шерсти. Сделал неутешительный вывод:

— Уже лучше, но все равно не то!

— Так может еще заход? — с энтузиазмом спросил Дин.

— Какой заход? Вечер уже на дворе! Смеркается. Собирайся домой, а завтра продолжим.

Дин глянул в мутное цеховое окно. И правда — темнеет. Парень переоделся, попрощался с наставником и заторопился домой.

Парень то шел быстрым шагом, то срывался на легкий бег. В такое позднее время на улицах Трангола лучше не задерживаться. По крайней мере, простому законопослушному человеку. Да и домашние дела никто не отменял. Мать давно уже вернулась с работы и, наверное, сбилась с ног, хлопоча по дому.

Дин мчался во весь дух, забыв об усталости. Миновал старое кладбище и стремительно вылетел к парку. Тут парень притормозил, а потом и вовсе пошел медленно, стараясь как можно меньше шуметь. А то мало ли...

Однако в парке было тихо. Очень тихо. На улице Висельников весь народ тоже будто бы вымер. Безмолвная тень упала и на «Муравейник». Парень неслышно подбежал к своему дому, беззвучно прошмыгнул в калитку, отворил незапертую дверь и... замер на пороге. Что-то было не так!

Дин, бесшумно шагнул в коридор, тихо прикрыл дверь за собой, прислушался. Ничего. Тогда он на цыпочках двинулся дальше. В кухне тоже пусто. В небольшой гостиной вообще света нет. Парень двинулся к своей комнате, но там дверь оказалась закрыта, а за ней ничего не слышно. Дин снова замер, прислушался. Из дальней родительской спальни донесся шорох и тихий, до боли знакомый звук, похожий на... птичий клекот.

Парень оцепенел. Внутри все задрожало. Ноги ослабли и предательски подгибались, руки вмиг стали влажными, затряслись, похолодели. Однако Дин тут же одернул себя, собрался и тихо двинулся вперед.

Дверь в родительскую спальню оказалась прикрыта не плотно, и из-под нее пробивался тусклый свет. Парень осторожно взялся за дверную ручку, резко дернул ее на себя и... Увиденное шокировало Дина и смутило. Он хотел было закрыть дверь обратно, но впал в такой ступор, что не мог даже пошевелиться.

У дальней стены на старой кровати лежала полуголая мать, а над ней нависала сгорбленная и скособоченная фигура отца. Да, это был именно он. Его одежда, его крепкая мускулистая спина, его черная густая шевелюра.

— Мам, что происходит? — дрожащим голосом спросил Дин.

В ответ тишина. Ни мать, ни отец ничего не ответили. Тогда Дин, дав петуха, снова спросил:

— Мам...

Отец стремительно повернулся. Булькнул, резко склонил голову на бок. Раскрыл в безумном оскале окровавленный рот, с интересом уставился на сына.

Дин вздрогнул, в голове помутнело. Парень узнал эти глаза. Отец смотрел на него черными, лишенными зрачков, бездонными буркалами. Точно такими же, какими смотрел одержимый демоном купец.

— Пап... пап, нет! — пролепетал парень.

Одержимый демоном хищно осклабился, шагнул к Дину, замер. Теперь, когда «отец» сместился чуть в сторону, парень смог во всех подробностях разглядеть мать, а точнее ее окровавленное бездыханное тело. В груди, в районе сердца, зияла рваная рана, откуда все еще вытекала кровь. Кровью была залита и кровать, и пол рядом с ней.

Дин закричал что есть силы. Заголосил так, что задрало горло, перехватило дух. Когда воздух покинул легкие, парень затих. Раскрыл рот в новом, уже беззвучном крике. Пошатнулся, чуть не упал, но на ногах все же удержался.

Одержимый утробно зарычал, резко припал к полу и бросился на Дина. Парень отшатнулся, зажмурился в диком ужасе и инстинктивно прикрылся руками. Полыхнуло. Оглушительно громко бухнуло. Затрещало, заскрежетало, загрохотало!

Даже сквозь прикрытие веки яркий белый огонь ослепил парня. Нестерпимо жаркая волна раскаленного воздуха обдала лицо Дина, взъерошила волосы, опрокинула на пол. Совсем рядом упало что-то очень увесистое. Парень, не открывая глаз, перекатился в сторону, больно ударился плечом обо что-то. Замер.

Стих грохот вокруг. Пропали вообще все звуки. Дин открыл глаза, судорожно вдохнул и закашлялся. Густая белая пыль, плотным облаком висевшая в комнате, забивала глаза, рот и нос. Мешала разглядеть хоть что-то. Парень несколько раз чихнул, тяжело поднялся на ноги, стряхнул с ладоней белое магическое пламя и принялся разгонять пыльную взвесь руками. Однако холодный ветер, неизвестно откуда взявшийся в помещении, справился с этим намного быстрее. Уже через несколько мгновений пыль развеялась.

Дин потрясенно раскрыл рот, остолбенел. Родительская комната перестала существовать. Вся мебель была раскурочена. Заднюю и боковую стену дома разметало по округе, так же как и часть высокой крыши. Обломки досок и стеновых бревен беспорядочно валялись у дома, за соседским забором, на давно опустевших грядках.

Пол и потолок, земля и небо поменялись местами. Дин все-таки не удержался на ногах.

Колючая тьма накрыла его с головой, заволокла глаза. Однако кое-как парень встал, поплелся вперед, к огромному пролому. Снова упал, разбив локти и колени. Не найдя в себе больше сил — просто пополз. Туда, где не так давно была кровать.

Тело матери он нашел все на том же месте. Оно изломанной куклой лежало под огромным бревном.

— Ма-а-ам... ты... ты...! — Дин прижался к бездыханному телу, трясущимися руками стал гладить материны волосы, такие смешные ямочки на посеревших щеках. Но тщетно: женщина давно была мертва.

Дин размазал по щекам обжигающие слезы и пополз дальше. У самого края разрушенной стены он нашел тело отца. Оно было практически невредимым, только на груди темнел багряным пятном страшный ожог. Парень приложил ладонь к ране. Под ребрами уже не билось сердце, не вздымалась грудь в такт дыханию.

Внезапно Дин почувствовал, как пальцы ожгло холодом. Он поспешно отдернул руку от уродливого ожога. В то же мгновение из раны вырвалась тонкая струйка матово-черного дыма, потянулась ввысь. С каждой секундой струя эта становилась все жирнее и жирнее, и вот уже превратилась в большое мерзкое облако, внутри которого в отвратительном танце извивалась самая настоящая Тьма. Она то и дело выстреливала в разные стороны грязными, маслянистыми сгустками, похожими на щупальца. Еще через мгновение облако снова пришло в движение, стало стремительно меняться. Приобрело неясный контур, потом трансформировалось в размытый силуэт и, наконец, превратилось в уродливого прозрачного демона.

Демоническая сущность содрогалась от боли. Она корчилась, извивалась, постанывала. Внезапно сущность оглушительно заверещала, дернулась и развеялась по ветру.

От страха Дин забыл как дышать. Прошло еще несколько секунд после исчезновения демона, и только тогда парень принялся жадно глотать горький воздух. Дин отдышался и снова прикоснулся к трупам отца. Руки ходили ходуном и ничего не чувствовали. Однако парень продолжал бессмысленно ощупывать тело отца, тормозить его, трести за поникшие плечи в надежде на то, что отец все-таки очнется.

— Пап... нет... пап, что... что я наделал?! — причитал Дин. Он посмотрел на свои руки. По пальцам то и дело пробегали сполохи бледного магического огня, а на запястьях вспыхивали синеватые искорки. Парень до сих пор слабо верил во все произошедшее.

Налетел резкий порыв студеного осеннего ветра. Он развеял запах смерти, витавший вокруг, и умчался так же стремительно, унося с собой две новые жизни. Дин завалился на спину. Только сейчас он полностью осознал случившееся. Он потерял отца и мать...

Он собственноручно их убил!!!

Дин зарыдал. Беззвучно. Сил на крик не осталось, и парень мог только плакать и трястись от безысходности и тупой, жгучей боли, раздирающей грудь. Просто плакать... Сжимать кулаки в бессильной злобе... Беспомощно сучить ногами...

Всхлип.

Он убил их!

Если бы он не согласился на эту долбаную работу, то пришел бы домой намного раньше и смог спасти мать.

И все-таки он убил их!!

Тихий всхлип.

А если бы он пришел домой рано? Смог бы спасти мать. Но отца, одержимого демоном,

пришлось бы все равно убивать.

В итоге он убил их обоих!!! Он убил их пробудившейся в нем магией...

Сил не осталось. Дин не мог уже даже плакать. Он задыхался. Еле-еле проглотил неприятный, колючий ком, забивший горло, прокашлялся. Закричал. И в этот крик он вложил всего себя.

В окнах соседних домов забрезжил свет. Дин, наконец, поднялся на ноги, осмотрелся. Из окна ближайшего дома выглядывала соседка Мирта. Она с ужасом наблюдала за всем происходящим. Дин хмуро уставился на девушку, и та быстро скрылась за занавеской.

Где-то вдалеке залаяли собаки. На соседней улице испуганно гомонили люди.

Дин тяжело вздохнул, задрал голову и уставился на небо. А оно безразлично уставилось на парня. Только холодные, бесстрастные звезды подмигивали как бы говоря: «Готовься. Это только начало!».

Дин вытер слезы, собрал последние силы и бросился прочь из разрушенного дома. Он точно знал, что теперь его будут искать и не дадут спокойно жить.

Глава 17. Ланита. Сны о юге

5419 год, начало второго месяца зимы

Северная тропа, на пути к Лесам Элькхевен

Ланита поправила черные, густые волосы, сползшие на глаза василькового цвета, и спрятала под капюшон длинную прядь. Под боком, в меховом свертке, завозился маленький сын. Он что-то еле слышно пискнул и снова затих. Засопел умиротворенно. Северянка крепче прижала сына к телу.

Мимо, пригибаясь под низким каменным сводом, тихо прошагал этот странный южанин Алаэн. Он осторожно подкинул несколько поленьев в костер и двинулся обратно к лагу. Там он остановился, сел и замер, закрывая собой яркий свет звезд и луны. Ланита украдкой проследила за движениями егеря и снова уставилась в огонь. Он успокаивал, отвлекал от роящихся в уставшем сознании мыслей.

За спиной, у дальней стены, всхрапнул брат. Бон что-то забормотал во сне, хмыкнул и перевернулся на другой бок. Ланита перевела взгляд на Алаэна, но тот даже не шелохнулся. Девушке начало казаться, что вот так, без движения, парень может просидеть как минимум сутки. Его будто бы ничего не отвлекало и не беспокоило. И он словно не замечал за своей спиной двух северян, не боялся и не подозревал их. Алаэн не ждал от них подлого нападения.

А ведь, казалось бы, чего трудного? Бон легко мог метнуть копьё в спину егеря. Со своей позиции, даже в сидячем положении, брат бы не промахнулся. Конечно же, если это было бы необходимо. Однако Ланита не видела угрозы в лице Алаэна, да и Бон, видимо, тоже. Наоборот, девушка чувствовала себя в безопасности. Наверное, впервые за всю свою сознательную жизнь. Но самое важное то, что она была спокойна за своего ребенка. Спокойна, и от того счастлива.

Ланита еще крепче прижала маленькое, живое чудо к своему горячему телу. Ее сознание накрыла приятная, теплая волна умиротворения. Девушка хотела выказать всю свою любовь к сыну, вот только не знала других способов, кроме щедрых объятий и безгранично добрых материнских поцелуев в лобик и крохотный смешной носик.

Девушке хотелось спеть или во весь свой звонкий голос рассказать кому-нибудь из спутников, какой ее сын прекрасный и милый. Однако Ланита сдержалась, понимая, что это будет выглядеть как минимум странно.

Северянка еще раз украдкой глянула на Алаэна. Этот южанин был и, правда, странным, не похожим на других южан. По мнению Ланиты, он был смелым и решительным, умелым и приспособленным, рассудительным и добрым. Это только благодаря милосердию Алаэна они с сыночком и братом скоро обретут убежище на юге. Это Алаэн уверенно вел их обратно по северным тропам и пустошам и это он нашел для них такое уютное убежище под каменной плитой. Настоящий мужчина, как и ее брат, и еще более матерый воин, чем Бон. Вот только глаза... У Алаэна они были как у старика, крепко потрепанного жизнью...

Костер взревел с новой силой. Сухие, замороженные дрова не дымили, давали только жаркое пламя. Ланита засмотрелась на ярко-оранжевые сполохи огня. Глаза сами собой начали слипаться, но северянка, сделав над собой усилие, переборола сон. Однако ненадолго. Снаружи разыгралась метель. Она, как обычно, таинственно завывала, пронзительно засвистела. Сначала тихо и отдаленно, но с каждым мгновением все сильнее и

громче, метель разрасталась. Она шла с дальних северных пустошей и вскоре достигла ближайших предгорий и уютного укрытия путников.

Звуки горящего костра и разыгравшейся непогоды успокаивали. Они казались такими далекими, неважными и от того были еще более приятны слуху. Ветер, гонявший снег своими резкими, неровными порывами, и вовсе будто бы пел особую, нежную колыбельную.

Ланита, как могла, боролась со сном. Она боялась засыпать. Последние несколько дней, с того самого момента, как она покинула безымянный аванпост, ее мучили кошмары. Точнее кошмар. Один единственный. Хотя, его даже страшным нельзя было назвать. Так, неприятный сон, однако он почему-то очень пугал девушку. Стоило только закрыть глаза, как северянка видела его...

...Неясный, размытый силуэт. Мужской. Ланита отчетливо понимала это. Где-то глубоко в голове девушки засела назойливая мысль — фигура мужская. В который раз северянка напрягла зрение, присматриваясь к фигуре. Далеко-далеко сзади раздался мерный гулкий стук. Так-так-так! Будто пошел отсчет времени. Интервал между ударами был равный. Ланита уловила это.

Так-так-так! Тихий стук стремительно перерос в оглушительный бой. Удары гремели похоронным гонгом, извещающим о смерти и вечной, неизбежной пустоте.

Ланита еще пристальнее присмотрелась к фигуре. Нет, кроме уверенности в том, что это мужчина, было еще что-то... Какие-то признаки. Рост, мужская форма плеч, волосы, лицо... Хотя лицо, как раз таки, нельзя было четко рассмотреть. Оно не то чтобы было размыто, казалось, что его вообще нет. Не существует. Северянка не отводила глаз от незнакомой фигуры, и вскоре смогла разглядеть... глаза! Светлые, яркие, но такие грустные глаза молодого парня. В них застыла, казалось, вся тоска, все горе и вся безысходность этого мира. В этом взгляде плескалось море вины, злобы, муки, отчаянья и... надежды. Странной, беспричинной надежды. Все было в этих глазах. Все, кроме страха!

Северянка сглотнула сухой ком, вставший в горле. Секунду подумала и, наконец, решившись, шагнула вперед. Однако не смогла сдвинуться с места и на метр. Она будто бы наткнулась на невидимую стену.

Внезапно налетел легкий порыв ветра, и одновременно с этим бесформенный мир накрыла крошечная тьма. словно кто-то невидимый одним ловким движением окрасил мир в черное. Ланита моргнула раз, другой, но ничего не изменилось, только мужской силуэт еле-еле проступал сквозь темноту.

Налетел новый порыв ветра, принесший с собой запах влаги, старости, гниения и нечистот.

«Наверное, так пахнут поселения южан», — подумала Ланита.

Мужская фигура зашевелилась, и впервые северянке стало по-настоящему страшно. В груди дрогнуло, в животе поселилась стужа, а волосы под капюшоном встали дыбом. Никогда еще ее кошмар не заходил так далеко!

Силуэт продолжал шевелиться. Движения его стали быстрыми, резкими, дергаными. Казалось, что мужчина пытается выбраться из пут, освободить связанные руки и ноги. В следующий миг Ланиту чуть не вырвало — весь мир перед глазами пришел в движение. Окружающее пространство, выкрашенное в черный цвет, завертелось с немыслимой скоростью, а вместе с ним закружился и мужской силуэт. Он вращался очень быстро, но вместо того, чтобы вовсе превратиться в размытое пятно, стал обретать отчетливые контуры. Чем быстрее кружился мужчина, тем четче он становился. Через несколько мгновений

девушка уже могла различить одежду на незнакомце, цвет его кожи, цвет волос и глаз.

Так-так-так! Так-так-так!

Мерно стучал гонг за спиной, медленно текли секунды, а бешеная круговерть и не думала останавливаться. С каждым новым витком вокруг мужчины стала сгущаться тьма. Она клубилась и медленно ползла к телу незнакомца, а то, в свою очередь, начало светиться. Пульсирующие потоки света шли от центра груди мужчины и волнами расходились в разные стороны.

Внезапно Ланита почувствовала головокружение, головную боль и жуткую усталость. Сознание, пытаясь отгородиться от всего происходящего, норовило «потухнуть». Девушка не могла больше продолжать смотреть на все эти вращения и сполохи света. Она прикрыла глаза от усталости, и это ее спасло.

Полыхнуло! Раздался оглушительный треск, ошеломляющий грохот. Ланита готова была поклясться именами Троих, что услышала звук раскатывающихся бревен и хруст ломающихся досок. Девушка резко распахнула глаза и обомлела. Она хотела закричать, но слова застряли в пересохшей плотке. Мужчина... Он перестал вращаться, замер. Так отчетливо северянка его еще никогда не видела. Она могла различить все: отдельные ниточки, торчащие на одежде, грязь на рукавах, пыль и щепки на волосах и... лицо! Она увидела его лицо. Увидела и запомнила. Точнее, ей даже не пришлось запоминать: черты этого лица будто бы сами врезались в ее память.

«Святые Трое, да он же совсем еще молодой. Наверное, не старше меня!», — пронеслась мысль в голове девушки.

Парень вперился в Ланиту невидящим взглядом, расставил руки в стороны и упал в черноту. Чернота в мгновение ока превратилась в мост и суходонную реку под ним. Незнакомый парень теперь падал прямо на голые камни.

Северянка снова попыталась закричать, и на этот раз ей это удалось.

«Такая высота! Да он же разобьется!! Зачем он вообще прыгнул?», — в голове девушки судорожно заметались нехорошие мысли.

А парень продолжал падать с моста прямо в далекую реку...

...Ланита еще раз закричала, но из горла ее вырвался лишь слабый стон. Девушка широко распахнула глаза, дернулась, как от удара, и резко села на расстеленной шкуре. Спина была мокрой от пота, во рту пересохло.

Рядом все так же горел костер, у дальней стены спал Алаэн, а у входа в убежище дежурил Бон.

Девушка крепко обняла своего сына, поцеловала в щечку. Улыбнулась.

Наконец-то этот сон закончился! Вот только почему образ незнакомца до сих пор стоит перед глазами? И чем так влечет девушку к себе?

Глава 18. Луэннар Нуан'Наин. Месть

5419 год, начало зимы

Думбар

Оказавшись внизу, под стенами Нэн-Дэмин, Луэннар подозвал жестом старшего нуана. Воин быстро подошел и молча посмотрел на принца.

— Как обстановка? — спросил Луэннар.

— Без изменений, — тихо ответил нуан. — Ни одного живого гоблина в округе, если ты об этом.

— Об этом... Ладно, с гоблинами все ясно. Необходимо еще раз обойти поляну.

— Мы прочесали тут все. Перевернули каждый труп, — спокойно сказал воин. — Что еще нужно?

— Фенергиф. Мы не нашли его тело, но и живым не видели.

— На поляне его точно нет, — ответил нуан.

— Проверьте еще раз! — жестко сказал Луэннар. Тоэлринг, потерянно стоявший позади, согласно кивнул.

— Хорошо. Мы проверим... И, да, Луэннар, если это важно, то мы нашли следы гоблинов.

— Я думаю, что это не составило для вас труда, — усмехнулся наследный принц.

— Точно. Их тут слишком много. Но мы нашли те, что ведут прочь от этой поляны напрямиком на юг.

— Отлично! Скоро мы пойдем по этому следу, — уверенно сказал Луэннар.

Глаза нуана блеснули задорным огнем. Воин кивнул и отправился обратно. Вскоре все нуаны вновь разбрелись по поляне. Гвардейцы Андарила возобновили поиски в лесу.

— Нам тоже стоит еще раз пройтись вокруг аванпоста, — сказал Луэннар. Тоэлринг, не дожидаясь, молча зашагал между разлагающимися трупами.

Луэннар тяжело вздохнул, устало провел ладонью по лицу и неторопливо двинулся вслед за товарищем.

Через полчаса все снова собрались под стенами Нэн-Дэмин. По понурым лицам Тоэлринга и нуанов, Луэннар понял, что Фенергифа никто из них не нашел. Без результата остался и сам принц.

— Его тела нигде нет, — спокойно доложил старший нуан.

— Я тоже ничего не обнаружил, — подавленно сказал Тоэлринг.

— У меня тоже самое, — ответил Луэннар. — Да, эта неопределенность давит не хуже чем любое безвыходно положение.

Воины промолчали. Все они смотрели на Луэннара и не произносили ни слова. Будто в принце видели последнюю надежду. Эльфы словно ждали одного единственного приказа. И неважно каким он будет. Они в любом случае его исполнят.

— Ну, что же, — тихо сказал Луэннар, — если гоблины пошли на юг, если решили трусливо сбежать и спрятаться в своих норах, то и мы последуем за ними. Не дадим им скрыться!

Воины подняли головы.

— Мы нагоним их! — продолжил Луэннар. С каждым словом голос его становился громче, увереннее.

Воины воодушевленно взглянули на своего лидера, закивали.

— Нагоним и отомстим за каждого убитого ими эльфа! И месть наша будет страшной...

Нуаны обножили свои клинки. Воины смотрели на Луэннара глазами, полными восторга и азарта.

— Настолько страшной, что лучше бы гоблинам прямо сейчас исчезнуть! Испариться, провалиться сквозь землю, неважно! — голос Луэннара взметнулся и зазвенел среди крон вековых дубов и сосен. — Важно то, что Фенергиф, скорее всего, в плену у этих тварей. И, возможно, он еще жив.

Нуаны тихо загомонили.

— Тогда вперед! Освободим командира Нэн-Дэмин! Прославим себя в веках! Очистим наши земли от этих мерзких выродков! Вы готовы?

К небу взметнулся эльфийский боевой клич.

— Тогда вперед!

И они отправились в путь. Нет, не пошли — побежали! Помчались, обгоняя ветер, зверей и птиц. Нуаны не роптали, ведь в их глазах горела ярость. Они не жаловались на усталость, потому что их подгоняла жажда мести. Воины забыли об отдыхе и пище, не смотря на то, что больше суток они добирались от Дворца до Нэн-Дэмин. Нуаны не привыкли обращать внимания на мелочи, когда перед ними стояла настоящая цель.

Луэннар знал об этом, поэтому нещадно подгонял отряд. Однако и сам не отставал. Он бежал в первых рядах, своим примером вдохновляя воинов. Лига за лигой они без устали преодолевали лесные чащобы, перелески, взгорки, болота и мелкие речушки. Ни разу они не сбавили темп, не остановились на отдых. Даже когда стемнело, воины продолжили свой бег.

К середине ночи Луэннар остановил отряд у чистейшего родника. Воины не спеша напились. Последним утолил жажду Тоэлринг и сразу же предложил продолжить погоню. Луэннар согласился, однако в своих мыслях только удивился выносливости воина. Тоэлринг не обратил никакого внимания на удивленный взгляд Луэннара. Вместо этого он встал во главе отряда и побежал вперед. Воин не боялся потерять гоблинский след. Не заметить его мог только слепой. Тоэлринг, не оглядываясь, уверенно вел отряд на юг.

К утру, когда только-только начало светать, вдалеке, на фоне светлеющего неба, замаячили отроги Рассветного хребта. Луэннар приободрился, прибавил скорости. Принцу пришлось удвоить внимание. Обстановка изменилась: чувствовалась близость врага и... что-то еще. Едва уловимое, прозрачное и невесомое, щекочущее и без того напряженные нервы. Что-то совсем близкое, но скрытое от чужих глаз...

Луэннар на бегу закрутил головой, принюхался. Притарно-сладковато пахло почти выветрившимся потом, дерьмом и дымом от потухшего костра. Впереди показалась открытая поляна, воздух вокруг которой еле заметно серебрился. Однако на поляне никого не было. Луэннар одним единственным жестом приказал сбавить скорость. Нуаны и гвардейцы побежали медленнее, а вот Тоэлринг не заметил знак принца и продолжил бежать с прежней скоростью.

Глухо и неожиданно хлопнул арбалет и вместе с этим голубоватая магическая вспышка озарила окрестность; на поляне, словно из ниоткуда, возникли гоблины. Яростный болт откинул Тоэлринга на несколько метров назад. В груди воина торчало вороненое оперение, блестящее в лучах восходящего солнца. От неожиданности Луэннар вздрогнул, а в следующую секунду все завертелось. Захлопали другие арбалеты. Запели луки. Стрелы бешено жаждали вокруг.

Луэннар пригнулся и рыбкой нырнул в траву. В нескольких сантиметрах от левого плеча в землю ударила черная стрела, вторая вжикнула над самой макушкой. Принц стремительно перекатился, вытащил из-за спины копье и бросился вправо. Теперь он видел то место, где гоблины устроили им засаду. Однако это ничего не меняло — Тоэлринга они уже потеряли.

В глазах Луэннара потемнело. Сознание стремительно задергалось, поплыло. Принц терял контроль. Вот только он не жалел об этом и нисколько не переживал по этому поводу. Руки, инстинкты и разящее любую цель копье не подведет.

Принц резко метнулся вперед, сместился влево, пропуская мимо очередную стрелу. Нырнул под куст орешника, вылетел на открытую поляну. Отскочил вправо, минуя арбалетный болт, взвился в воздух, оттолкнулся ногами от сосны и обрушился на ближайшего гоблина. Одним мощным ударом пробил врага насквозь и бросился дальше. Контроль над сознанием окончательно ускользнул от принца.

Луэннар не щадил врагов. Он самоотверженно бросался на гоблинов. Рубил, колот, полосовал их.словно невесомая тень ускользал от ударов, блокировал древком копья вражеские ятаганы и топоры, уклонялся от стрел. Принц метался по поляне, кружил в бешеном танце смерти.

В рядах оставшихся в живых гоблинов воцарилась паника и неразбериха. Они не могли уследить за стремительными выпадами и перемещениями Луэннара. Гоблины беспорядочно метались между деревьев и гibli. Возникшим замешательством неприминули воспользоваться нуаны. Они бросились на помощь принцу, но, как оказалось, поздно. Битва уже подходила к завершению.

Луэннар, остервенело орудуящий копьем, остановился только тогда, когда увидел перед собой окровавленное лицо одного из нуанов. Воин как раз вытаскивал меч из тела гоблина.

— Успокойся! Все уже закончилось, — громко сказал Луэннару нуан. В голосе воина на мгновение проступили нотки страха.

Луэннар уже почти ударил сородича копьем, однако вовремя смог вспомнить голос эльфа. Это его и остановило. Сознание стало постепенно проясняться. Луэннар резко выдохнул, потряс головой и по-новому взглянул на поляну. Кругом трупы и кровь. В воздухе витал резкий запах смерти и угасающий привкус страха. Принц трясущимися руками протер копье от гоблинской крови, закинул оружие за спину и внимательно оглядел своих воинов.

— Потери? — требовательно спросил Луэннар.

— Среди нуанов — никаких! — ответил старший нуан. — Гвардейцы тоже в полном составе, только... Тоэлринг погиб.

— Я видел, — коротко бросил Луэннар. В бессильной злобе он сжал кулаки и двинулся к телу товарища.

Принц до конца не верил в случившееся. Они так глупо попались! И кому? Этим тупым тварям! Хотя того же нельзя было сказать об их шамане. Да, именно об их шамане! Теперь Луэннар был уверен, что гоблины притащили с собой демонова колдуна. Вот только где он? Скорее всего «глаз» идет на юг с основным отрядом, раз тут его не было. Тогда как же гоблины, устроившие засаду, смогли отвести глаза эльфам? И это Луэннар смог сам себе объяснить: шаман оставил своим воинам заговоренный глаз. Самый настоящий глаз, возможно даже эльфийский. Луэннар слышал такие истории от старых воинов. Отряды гоблинов могли возникнуть словно из воздуха и напасть очень внезапно. И каждое такое «появление» всегда сопровождалось яркой голубоватой вспышкой. Гоблинские шаманы давали своим воинам заговоренные глаза поверженных врагов. Эти предметы, артефакты,

как раз и предназначались для подобной маскировки. Шаманов именно поэтому и прозвали «глазами».

Да, Луэннар слышал эти истории, однако никогда не предавал им значения. Как оказалось — зря. От злости принц скрипнул зубами. Подошел к телу Тоэлринга и присел рядом с ним на колени. Откинул со лба растрепавшиеся волосы, проверил пульс. Сокрушенно покачал головой.

— Что будем делать с ним? — из-за спины раздался голос старшего нуана.

— Похороним... Как и остальных наших павших воинов, мы похороним его в Дворце. Со всеми почестями. Как полагается хоронить великих воинов.

Конечно, в глубине души Луэннар понимал, что ничего великого в гибели Тоэлринга не было. Даже доблестью тут не пахло. Все получилось глупее некуда. Не подобает таким воинам столь бесславно гибнуть. От этой мысли на душе Луэннара становилось еще тяжелее.

— Спрячьте его тело! — приказал принц. — На обратном пути мы заберем его и доставим в Дворец.

— Хорошо! — старший нуан кивнул. Подхватил на руки мертвого Тоэлринга и куда-то унес.

Луэннар посидел неподвижно еще пару минут, потом поднялся, собрал отряд и повел его дальше.

К полудню добрались до Рассветного хребта. Горы теперь стали ближе, нависли, надвинулись грозной, непреодолимой стеной. С верхушки могучего дуба Луэннар теперь мог рассмотреть даже отдельные уступы и ровные каменистые площадки ближайших отрогов. А еще он видел гоблинов. Множество тварей, никак не меньше двух сотен, покидали опушку леса и двигались к каменистой гряде.

Луэннар, не двигаясь, следил за врагами. Так же не забывал он наблюдать и за своими соратниками. Нуаны и гвардейцы, разойдясь большим полукольцом, заходили в тыл и фланги гоблинам. Эльфы двигались бесшумно и незаметно, и с каждым шагом все ближе подходили к врагам. Через пару минут первый нуан, достигший опушки, замер. Вот она — незримая черта — граница Думбара. Дальше, без приказа старшего воина, нельзя. Нуан затаился, слившись с окружением.

Гоблины, видимо, не почувствовали преследователей и продолжали вести себя более чем беспечно. Они медленно покидали лес и неторопливо поднимались по каменистым уступам к отрогам Рассветного хребта. Луэннар следил за гоблинами не отрываясь и молча отсчитывал удары сердца.

Четыреста!

Внизу справа один из нуанов размытой тенью скользнул на высоченную липу. Замер у самой макушки.

Четыреста пятьдесят!

Еще двое воинов взобрались наверх. Приблизились к Луэннару. Принц кинул на них вопросительный взгляд. Нуаны утвердительно кивнули в ответ. Внизу заскрипели тетивы, еле слышно застрекотали взводные механизмы арбалетов.

Пятьсот!

Последний гoblin покинул Думбар.

Луэннар привстал, поудобнее перехватил копьё. Балансируя на тонкой ветке, быстрее ветра устремился вперед. Перескочил на соседний сук, побежал быстрее. Внизу стремительно замелькала земля и фигуры нуанов. За спиной послышался легкий шелест

ветвей. Трое воинов следовали за принцем. Луэннар оттолкнулся от ветки, нырнул вправо. Легко приземлился на раздвоенный ствол вяза, побежал дальше. Со всего маха нырнул между ветвями, ухватился за сук потолще, крутанулся и перекинул свое тело на соседнее дерево. Оттуда он, словно камень с неба, обрушился на гоблинов, угодив в самый центр вражеского отряда.

— За Думбар! — заорал Луэннар, надрывая глотку.

В это же мгновение сзади захлопали эльфийские арбалеты, защелкали большие луки. Гоблины дрогнули. Они не видели, откуда летели стрелы, не понимали, кто напал на них. Нуаны, прячущиеся в лесу, так и остались незамеченными и могли безнаказанно отстреливать гоблинов.

В первую секунду на Луэннара мало кто обратил внимания, так неожиданно свалился на гоблинов принц. Чем он незамедлительно и воспользовался. Пригнувшись и расставив ноги пошире, Луэннар резко взмахнул копьем, описал им широкий полукруг, полосую ближайших врагов, а потом с отяжкой ударил бросившегося на него гоблина. Широкий наконечник глухо ударил в грудь противника. Хрустнуло, бухнуло. Гоблин забился в смертельной агонии, заголосил, призывая своих сородичей. Луэннар выдернул копьё из трясущегося тела...

За плечами раздалось три приглушенных хлопка и тут же снова заверещали гоблины, только теперь уже совсем близко. Трое нуанов покинули свои укрытия на деревьях и последовали за Луэннаром. Оказавшись на земле, эльфы, не теряя ни секунды, принялись мстить за своих погибших родичей. Они закружились в смертоносном танце, оттягивая большую часть нападающих гоблинов на себя. Тем самым нуаны дали возможность Луэннару перегруппироваться и размахнуться для новой атаки.

Луэннар не медлил. Он стремительно прокрутил копьё, выкрикнул боевой клич и ринулся вперед. Трое нуанов последовали за ним. Гоблины, оправившись от внезапного нападения, осмелели и полезли со всех сторон. Но ничто уже не могло остановить Луэннара. Воин несся вперед не жалея себя. Он колот рубил, расталкивал гоблинов свободной рукой, а сзади постоянно прикрывали спину трое верных соратников.

Прямой удар копьем, легкое смещение влево, замах с оттягом, и очередной гоблин лишается лица. Прыжок вверх и удар обеими ногами. Враги ничего не успевают сделать, а в следующую секунду их настигают мечи нуанов. Луэннар действовал так стремительно, что гоблины не успевали реагировать. Они видели только размытую тень, несущую смерть, блеск хищного металла и... бесконечную пустоту Тьмы.

Наследный принц торопился. Его гнал вперед всепоглощающий страх. Луэннар боялся, что гоблины с перепуга прикончат плененного Фенергифа. Поэтому, что есть сил, рвался вперед.

Внезапно сзади раздался очередной эльфийский боевой клич. Взвыли гоблины. Нуаны пошли на прорыв. Луэннар понял это по грохоту стали и отчаянным воплям гоблинов. Враги в ужасе верещали, стонали, хрипели, булькали кровью, завывали. Принц хищно улыбнулся и заработал копьем еще стремительнее.

Через несколько десятков шагов Луэннар с троицей нуанов прорвались к широкой каменной балке. Подход к ней сужался за счет огромных, острых валунов, торчащих слева и справа. В этом месте было очень удобно держать оборону всего несколькими воинами, чем Луэннар и воспользовался. Он стремительно расшвырял гоблинов и запрыгнул на балку. Принц стремительно окинул взглядом поле боя. Кругом валялись изувеченные тела гоблинов

и ни одного эльфийского. Луэннар с облегчением вздохнул, а в следующее мгновение в паре сантиметров от лица принца с жужжанием пронеслась стрела. Эльфийская.

Луэннар глянул в ту сторону, откуда прилетела «смерть» и увидел сосредоточенное лицо своего нуана. Принц резко обернулся и увидел заваливающегося на спину гоблина. Его горло было пробито той стрелой.

Пробились! Наконец-то они пробились.

Принц снова глянул на поле боя. Сквозь ряды гоблинов к балке уверенно прорывались нуаны и гвардейцы. В полном составе. Никто не погиб!

Луэннар воздел копьё к небу и гаркнул победный клич. Эльфы громогласно отозвались своему лидеру. Принц хищно ощерился и стремительно бросился дальше по каменному плато.

Впереди маячили спины улепетывающих гоблинов. Сколько их осталось? Два десятка? Три? Это даже битвой не назовешь! Луэннар поморщился, ведь предстояла форменная резня. Хотя, с другой стороны, врага, тем более такого наглого, необходимо наказывать. Любыми способами!

Луэннар припустился еще быстрее. Он уже почти нагнал отступающих врагов, когда наперерез ему выскочили новые. Десяток гоблинов. Принц стремительно сбил с ног первого воина и пробил копьём второго. Внезапно со всех сторон раздался многоголосый гомон, улюлюканье сотен голосов, гоблинские гортанные выкрики. А в следующее мгновение твари полезли со всех сторон, изо всех щелей. Десятки и сотни гоблинов.

В первую секунду Луэннар опешил, но тут же взял себя в руки и, не страшась несметного количества гоблинов, принялся яростно орудовать копьём. Вдох и мощнейший удар, выдох и подсечка, прыжок и удар ногами, стремительный перекат и, полосующий податливую плоть, удар наотмашь.

Сзади кто-то чувствительно толкнул, а через секунду справа яростно запыхтел первый, подоспевший на помощь принцу нуан. Слева возник еще один воин, а через пару ударов сердца весь эльфийский отряд снова вступил в схватку с гоблинами.

Эльфы уверенно двинулись вперед, потеснили врага, стремительно теряющего бойцов. Да, гоблины будто с ума посходили. Они безрассудно лезли вперед, кидались на клинки и практически не атаковали. Будто бы просто хотели задавить числом или... отвлечь, задержать.

Луэннар занервничал. Время уходило, и уходил отряд гоблинов, пленивший Фенергифа. Еще десяток минут, и враги скроются в какой-нибудь пещере или излюбленной глубинной норе. Нет, этого нельзя допустить!

Принц рванулся вперед что есть силы, а в следующее мгновение чуть не оглох от внезапно раздавшегося грохота. От ближайшего каменного валуна во все стороны брызнуло острое крошево. Удар повторился, окончательно развалив камень. В воздух снова взвились осколки, поднялась плотная пылевая завеса. Бой на секунду замер.

Раздался рев, оглушительный грохот, сотрясающее землю топанье. Из-за пылевого облака вырвался тролль. Гигантский урод с серо-болотной кожей, лысым черепом и мелкими, еле заметными глазами. Эта пятнадцати метровая груда мышц и жира неслась сквозь ряды гоблинов прямо на Луэннара.

Тролль, казалось, не обращал внимания на гоблинов. Он сбивал их огромным молотом, затаптывал, расшвыривал в стороны. Те верещали, вопили, но все равно лезли вперед и... в большинстве своем погибали. Те же, что сохранили еще частичку разума, разбегались в

стороны.

Луэннар улучил момент, и когда гоблины в очередной раз бросились врассыпную, метнулся к троллю. В этот бросок он вложил всю свою силу, всю ярость и волю к победе. Тролль мчался, не сбавляя скорости. Луэннар еще поднажал. Слева и справа засвистели эльфийские стрелы, ударили по гиганту. Однако тролль даже не почувствовал. Стрелы попросту отскакивали от жесткой, толстой шкуры.

Удар сердца, и до тролля остается десяток метров. Еще удар, и Луэннар взвился в воздух. Пропустил под собой вражеский молот и приземлился троллю на плечо, подобное дубовому бревну. Оттуда стремительно перемахнул на шею, уцепился за ухо и с силой вогнал копьё в глаз врагу. Глаз лопнул, как переспелая слива в конце лета, брызнула вязкая жидкость. Тролль споткнулся, пошатнулся и завалился вперед.

Принц спрыгнул на камни, перекатился и краем глаза успел заметить еще одного тролля, стремительно несущегося на помощь своему гибнущему собрату. Луэннар обессилено вздохнул и поднялся на ноги. Мимо пробежали перепуганные гоблины. Они спешили спрятаться, убраться подальше от эльфов и разъяренных гигантов.

Внезапный, тяжеленный удар опрокинул Луэннара на камни. В голове помутилось. Когда взгляд снова сфокусировался, принц увидел настоящий ужас. Первый тролль с пробитым глазом и не думал умирать. Он, видимо, кое-как поднялся и ударил молотом по эльфам. Одним ударом он размазал по камням сразу троих. Луэннар выкрикнул проклятье и бросился добивать гиганта. Однако это не понадобилось. Подоспевшие нуаны исполосовали тролля.

Луэннар переключился на второго и... на секунду обессилено застыл. На него мчался уже не один гигант, а двое. И последний внушал настоящий ужас в принца. Огромный, поистине циклопический тролль имел ядовито-зеленый цвет шкуры, длинные рыжие волосы, раскосые глаза, крючковатый нос и пугающий широкий, растянутый в нелепой ухмылке рот.

Принц крикнул что было сил. Это был боевой клич, зовущий эльфов в последний бой. И эльфы ответили. Они ринулись вперед сметая на своем пути гоблинов, затаптывая их трупы.

Луэннар мчался во главе отряда... Вот она, цель! Принц пригнулся, пропуская над собой каменную дубину второго тролля, и направился напрямик к третьему. К тому, который выглядел самым опасным.

Третий, рыжеволосый тролль хищно ухмыльнулся, и от этой ухмылки по телу луэннара побежали мурашки. Ужас закрался в душу воина. Что-то в этой ухмылке было неправильное, уродливое, ужасное, неестественное. Так скалиться живое существо не могло. Древним ужасом веяло от этой оскаленной пасти.

Тролль взревел и наотмашь ударил огромной палицей. Луэннар качнулся вправо, попуская смертоносную груды стали над собой. Тут же дернулся и попытался достать тролля копьём в живот. Это ему почти удалось, однако даже копьё, разящее любую цель, не смогло нанести вред непробиваемой шкуре гиганта. Луэннар отскочил назад, увернулся от очередного удара палицей и ринулся вперед. Принц надеялся проверить тот же маневр, что и с первым троллем. Однако и это ему не удалось. Рыжеволосый гигант оказался очень быстр и ловок. Одним резким движением ладони он сбил Луэннара прямо в воздухе.

Эльф свалился на камни, закашлялся. Весь воздух вышел из его легких и никак не мог вернуться обратно. За спиной гроыхнуло. Луэннар обессилено повернулся на звук. Позади, метрах в десяти, валялось тело второго тролля. Нуаны все-таки смогли одолеть этого врага.

Внезапно на спину рыжеволосого гиганта запрыгнул один из эльфийских гвардейцев. Луэннар, воодушевленный удачей соратника, собрал всю силу в кулак и поднялся на ноги. Гвардеец, ловко карабкаясь по телу тролля, добрался до его головы и ухватился за волосы. Луэннар снова ринулся в атаку. Гвардеец ударил тролля по голове широкой секирой и оставил на шкуре гиганта лишь небольшую царапину. В следующее мгновение тролль прихлопнул назойливого эльфа у себя на голове. Оставшееся от воина месиво из плоти и раздробленных костей он откинул в сторону.

Луэннар ударил копьем, но тролль легко отразил атаку палицей. Гигант резко остановил свое увесистое оружие и внезапно быстро контратаковал. Принц не ожидал такой прыти, поэтому пропустил мощнейший удар.

Луэннара отбросило в сторону. Уши заложило, противный, давящий гул готов был разорвать мозг. Сознание поплыло. Принц обессилено лежал на каменистом плато и смотрел на перевернувшийся, покачивающийся мир. Он увидел, как оставшиеся в живых нуаны и гвардейцы отчаянно пытаются пробиться к нему. А еще Луэннар увидел, как троича гоблинов во главе с уродливым шаманом пронесла в сторону гор связанного Фенергифа. В следующее мгновение со всех сторон хлынули новые отряды врагов. Принц из последних сил крикнул своим соратникам:

— Отступайте!

Мир накрыла тьма.

Глава 19. мастер Малтис. Сжигая мосты

5419 год, середина лета

Столица королевства Маркаун, Таэрмин

Малтис скромно стоял у трактирной стойки и ждал. Трактирщик Берни убежал за ключом от комнаты и будто бы сквозь землю провалился. Рядом с Малтисом оставалась только та самая горничная, но и она, казалось, не обращала на парня никакого внимания. А больше в зале никого не было. Не сезон. Середина лета как-никак. Наплыв посетителей и постояльцев будет ближе к осени, когда город погрязнет во всевозможных ярмарках и фестивалях. Потянутся купцы и ремесленники, фермеры и сталелитейщики, крестьяне и знать, а так же мошенники и пройдохи всех мастей.

Демонолог вздохнул и снова бросил взгляд в мутное окно, выходящее на главную улицу. Все стоят! Не скрываются, не делают вид, что оказались здесь случайно, но и внутрь не заходят. Красные гвардейцы вели себя чересчур нагло и подозрительно. Хотя все подозрения уже окончательно отпали. Малтис был уверен, что именно он является целью воинов. Вот только непонятно, целью чего? Слежки или убийства? Демонолог не сомневался лишь в одном: гвардейцы не просто так приходили в Красную академию. Более того, они приходили к одному конкретному человеку — архи-мастеру Годварду. Но вот какое задание Рейнор получил от своего старшего брата — загадка!

— Ох! — запыхтел выбежавший из подсобки трактирщик. — Извините, что заставил вас ждать, мастер Малтис! Это все поганый ключ... В смысле... ну то есть... Э-э-м-м, ключ потерялся. Обычное дело!

Берни вытер ладонью взмокший загривок, расплылся в мерзкой улыбке и протянул демонологу потемневший от времени и влаги ключ.

— Желаю приятного отдыха! — заученно сказал хозяин трактира. — Может, изволите отужинать?

— Нет, спасибо, но я не голоден, — вежливо отказался Малтис.

— О! Ну тогда может быть попозже? Мы можем доставить еду в вашу комнату. И не только еду! — лихо подмигнул трактирщик. — Естественно все за дополнительную плату...

— Не стоит, — перебил демонолог.

— Как скажете, как скажете! — не стал навязываться хозяин заведения. — Но мы в любое время к вашим услугам.

Малтис кивнул и отправился наверх. По пути он отозвал в сторону горничную и протянул ей два серебряных уни.

— За что? — не поняла девушка.

— За то, чтобы до следующего утра в мою комнату никто не входил. Вообще никто! Даже если это будет сам король.

— Но каким образом...

— Любым! — перебил Малтис. — Придумай что угодно, и завтра с утра получишь еще столько же.

Глаза девушки алчно заблестели, но кивнула она как-то неуверенно. Малтис усмехнулся и заторопился вверх по лестнице. В свою комнату. Точнее угловую каморку, настоящими хозяевами которой являлись клопы, тараканы и мыши. Они вольготно чувствовали себя здесь! Хотя и Малтис не воротил носа. Не до того сейчас было.

Демонолог, не теряя времени, кинул на узенькую, продавленную кровать свою заплечную сумку. Осмотрелся. Крохотная комнатка без окон, щербатый стол, расшатанный стул, пыль. Все богатство. Однако это мало интересовало Малтиса. Парень судорожно искал выходы из уже захлопнувшегося капкана и не находил его. Все комнаты на этой стороне таверны не имели окон, а те, что имели, выходили как раз на главную улицу. Туда, где поджидали Красные гвардейцы. Поэтому такой путь отхода отпадал сразу. А другой... Другого демонолог попросту не видел. Хотя...

Малтис подхватил свою сумку, закинул на плечо. Достал флавиновую свечку и установил ее прямо на полу у дальней стены. Теперь встал вопрос с огнем, но и тут демонолог не сплеховал. Он бросился вниз, к трактирщику. Практически скатившись с лестницы, Малтис прямо на ходу крикнул:

— Могу ли я зажечь лучину в вашей печке?

— Отчего же нет?! — всплеснул руками Берни. — Всего один медный уни, и огонь ваш!

Малтис страдальчески закатил глаза, но спорить и жадничать не стал. Не та ситуация, когда из-за медяка стоит торговаться. Вместо этого он порылся в карманах и бросил монету трактирщику, который тут же подхватился с места:

— Одно мгновение. Я мигом.

— Давайте уж лучше я сам, — сказал демонолог и, не дожидаясь ответа, шмыгнул на кухню. Там, у печки, Малтис легко отыскал лучину, зажег ее и, прикрыв трепещущий огонек рукой, метнулся обратно.

— Э-э-э-э... Мастер Малтис! Мастер Малтис! — окликнул демонолога Берни. — Могу ли я поинтересоваться, для чего вам огонь? На улице ведь светло, да и не холодно...

— Для свечи! — крикнул на бегу демонолог. — Хочу зажечь флавиновые свечки!

— И зачем же? — искренне удивился трактирщик.

— Чтобы защитить ваше заведение от демонов, — серьезно ответил Малтис и убежал наверх.

Берни мгновенно изменился в лице. Побледнел и, путая и перевирая слова, зашептал молитву Троице.

Малтис тем временем ввалился в свою комнату, одним быстрым движением зажег свечу. На тот случай, если Красные гвардейцы все-таки решаться вломиться в таверну. Запах плавящегося флавина их задержит. Ну, по крайней мере, Рейнора Паскаля — однозначно. Точнее ту демоническую сущность, что поселилась в старшем гвардейце. Задержит, конечно, ненадолго, но хотя бы не даст сразу ворваться в каморку.

Первый шаг сделан. Теперь осталось самое сложное — незаметно покинуть таверну. И тут уже Малтис крепко задумался. Еще раз осмотрел комнату и неторопливо вышел в коридор второго этажа. Замер, прислушался. Внизу было тихо. Значит гвардейцы все еще на улице. Хотя бы это радует!

«Так, что же делать дальше? — думал демонолог. — Может быть, договориться с трактирщиком, чтобы он вывел меня через задний ход? Нет, слишком подозрительно. Да и если гвардейцы все-таки ворвутся сюда, то Берни выдаст меня в два счета. Нет, не пойдет!».

Постояв в тишине еще пару секунд, Малтис направился дальше по коридору. Шел тихо и неторопливо, внимательно осматривая стены и потолок. Изредка пробовал открыть то одну дверь, то другую, однако каждая из них оказывалась запертой. Наконец, достигнув противоположного конца коридора, демонолог обнаружил характерные щели в потолке. По крайней мере, обычно так выглядит плотно прикрытая или и вовсе запертая крышка люка.

Люка, ведущего на чердак!

Демонолог воспрял духом. Он привстал на цыпочки и попытался приподнять дощатое полотно, но безуспешно. Значит заперто! Тогда Малтис принялся рассматривать люк на предмет запорного механизма, который явно тут был. Обязан быть! Ради Троиш!

От волнения Малтис, стоявший все это время на цыпочках, пошатнулся и чуть не упал. Да, есть! Есть замочная скважина! Вот только... нет ключа. Однако демонолог не расстроился. Быстро скользнул в астрал, «ухватил» эфир из ближайшего потока и направил его в замок. Замер, мысленно сконцентрировался на энергии астрала и начал придавать ей значение отпирающего механизма. Когда, наконец, с этим было покончено, Малтис достал из-за пояса маленький, узкий кинжал, на который также направил эфирную энергию. Так, вроде бы все готово.

Демонолог вдохнул, выдохнул и аккуратным движением поместил кончик кинжала в замочную скважину. Слегка провернул...

Глухо и не громко бухнуло, хрустнули доски люка, с потолка посыпалась пыль. Малтис поспешно убрал клинок за пояс и толкнул крышку кверху. Она легко поддалась! Демонолог, не теряя времени, подпрыгнул, ухватился за края лаза, резко подтянулся и скользнул во тьму чердака. Замер, ожидая пока глаза привыкнут к мраку. Вроде бы никого! И тихо. Только воняет старьем, плесенью и мышинным пометом.

Когда зрение кое-как адаптировалось к темноте, демонолог внимательнее осмотрел внутреннюю часть покатой крыши. В дальнем ее конце обнаружилась щель прямоугольной формы, через которую еле-еле пробивался солнечный свет. Малтис направился туда. При близком рассмотрении щель оказалась еще одним люком, ведущим на крышу. Люком, который к счастью запирался изнутри! Демонолог быстро нащупал тяжелый металлический засов и кое-как сдвинул его в сторону. Аккуратно откинул створку и выглянул наружу. Парню повезло, ведь лаз выходил во внутренний двор таверны!

Однако на этом везение, как показалось сначала, закончилось. С трудом выбравшись на покатую крышу, Малтис обнаружил, что до земли очень далеко, и спрыгнуть явно не получится. Как назло, на этой стороне таверны не было ни водостоков, ни парапетов, ни каких либо выступов. Голая стена, лишь пару окон на первом этаже, и те, похоже, из подсобных помещений.

Идея пришла внезапно. До смешного банальная, но не совсем простая в исполнении. Воодушевившись, Малтис юркнул обратно. Пересек чердак, спустился в коридор и помчался в свою комнату. У входа снова прислушался. Внизу царил все такая же умиротворенная тишина. Демонолог вздохнул с облегчением и проскользнул в каморку. Там он быстро сдернул с кровати тонкое одеяло и набитый соломой матрац. Бросился обратно. На чердаке, у самого лаза на крышу, Малтис остановился и, в очередной раз, нырнул в астрал. Ухватил два эфирных потока и... задумался. Необходимо было просчитать все до мелочей, выверить всю последовательность действий.

Вскачь понеслись минуты. Мысли утонули в астральной бездне, и лишь только концентрация воли демонолога лепила из эфирной энергии необходимую форму. Идея за идеей, идея за идеей. Наконец, когда оба эфирных сгустка задрожали и засеребрились, Малтис, не покидая астрала, направил их на одеяло и матрац. После этого осторожно выбрался на крышу, замер. От длительного пребывания в ином плане бытия ноги и руки плохо слушались демонолога. И они в любой момент могли подвести, однако Малтис не струсил и не отступил. Вместо этого он достал из-за пояса кинжал, вонзил его между

стыками черепицы, подергал. Сидит, вроде, надежно!

Демонолог медленно вытянул с чердака одеяло и матрац, и аккуратно спустился еще ниже. Ноги дрожали и оскальзывались на покато́й крыше, руки тряслись от напряжения, дыхание сбилось... Еще ниже... Малтис, найдя равновесие, резко выдернул кинжал из крыши и воткнул его в другую щель между черепичными плитками. Неуклюже перебирая ногами, спустился еще ближе к краю. Снова замер.

«Пойдет! Отсюда допрыгну, — подумал демонолог». И скинул матрац с крыши. Резко сконцентрировался на первом потоке эфира, очень аккуратно дернул его, когда матрац практически достиг земли. Отлично! Матрац, как и было задумано, завис в воздухе.

Малтис перевел дыхание, расправил широкое одеяло и так же сбросил его, остановив с помощью эфира примерно на половине пути до земли. Вернул кинжал в ножны и рыбкой нырнул с крыши...

Одеяло, парящее в воздухе, провисло, однако выдержало вес свалившегося демонолога. Малтис завертелся, путаясь в пожелтевшей ткани, потряс головой, прогоняя темно-багряные сполохи, возникшие перед глазами. Наконец, немного придя в себя, парень привстал на полусогнутых и глянул вниз. Матрац находился точно под одеялом.

Малтис выдохнул, зажмурился и резко отпустил первый эфирный поток. Одеяло дернулось, обвисло и вместе с демонологом ухнуло вниз. Однако у самой земли падающего Малтиса встретил мягкий соломенный матрац. Парень открыл глаза и отпустил второй поток. В тот же миг в спину толкнула земля. Демонолог вынырнул из астрала, поднялся с земли и бросился бежать.

***

Летнее знойное солнце, цвета перезревшего лимона, медленно, но неуклонно катилось к горизонту. С ближайших лип и кустов зреющей вишни доносились особенно праздничные и романтические трели соловьев и пестрянок. У кузнечиков, видимо как обычно, снова случилось что-то из ряда вон выходящее. Иначе как объяснить их оглушительно-беспокойное стрекотание? Местные коты и кошки по-хозяйски обосновались на крышах близлежащих домов. Они вальяжно жмурились, лениво помахивали хвостами и грели бока на раскалившейся за долгий день черепице.

— Долго!

— Слишком долго!

— Часа четыре уже тут торчим.

— Ага! У меня даже вода во фляжке закончилась.

— По-моему она там никогда и не начиналась!

— Ха!

— Не смешно. Лоссерское крепленое. Ты им никогда не делился.

— Почему я должен делиться с тобой? Разве в кодексе братства есть такой пункт?

— Нет, конечно. Но хотя бы из соображений цеховой солидарности!

— Святые Трое! — закатил глаза Красный гвардеец. — Ты где таких слов набрался?

— Каких?

— Ну вот этих вот. Про солидарность, получается, про сообразительность. Или что ты там имел ввиду?

— А, это! Так где-то в таверне. Мужики из литейного цеха такими мудростями сыпали. Ну а я подрезал, значит. А вообще как-то так затейливо звучит.

— Ага, по-ученому. Почаще такие штучки вворачивай, небось капитаном-то и станешь

тогда.

— Думаешь? А я боялся, что мне за это в лицо кастетом!

— Отставить! — рявкнул на подчиненных Рейнор Паскаль. — Хватит трепаться!

Гвардейцы снова притихли в надежде минут через пять завести новую беседу ни о чем. И так продолжалось на протяжении четырех часов! Капитан то и дело осаждал своих людей, а те, в очередной раз, впад в уныние, начинали пустой солдатский треп.

Рейнор зло глянул на своих бойцов и отвернулся. Прошелся туда-сюда, нервно поправил плащ, погладил рукоять своего двуручного меча. Капитан начинал нервничать. Внутри, где-то там, где, говорят, есть что-то наподобие души, начинала закипать злорадия и... что-то еще. Темное. Что-то, от чего в редкие мгновения отключался рассудок. Всего на пару мгновений. Рейнора захлестывало с головой и будто бы уносило неизведанным еще потоком. В такие моменты капитан готов был сорваться, сделать что-то необдуманное... А еще... еще ему хотелось получить высшее командование. Неважно над кем и где. Просто хотелось.

— Молокосос хитрит! — не выдержал молчания один из солдат.

— Хитрит? — рыкнул Рейнор. — Да он сейчас валяется в таверне и ссыт под себя от страха. Хитрит! Он видит нас из окна и не знает, что ему делать.

— Так может быть нам свалить? Не светиться тут? — спросил солдат.

— Нет! — ответил капитан. — Мы прижали его. Из таверны можно выйти только с фасадной стороны. Через дверь или окна, и они прямо перед нашими глазами. Он никуда не денется. Мы прижали его.

— Да уж! — поддакнул гвардеец. — Как крысу в углу.

Рейнор резко обернулся на подчиненного, окинул его пристальным взглядом и зашагал к таверне. На ходу бросил:

— Ни на что не отвлекаться! Стоять тут! И со здания глаз не спускать! А я пока пойду проверю.

Гвардейцы быстро подобрались и вытянулись в струнку. Недавнюю дурь как ветром сдуло.

Рейнор уверенным шагом пересек улицу, миновал неширокую лужайку и остановился перед входом в таверну. Прислушался. Подождал несколько мгновений и резко толкнул дверь.

В таверне было все так же тихо. За стойкой дремал Берни, а больше в зале никого не было. Рейнор шагнул к трактирщику, и в тоже мгновение из подсобки вынырнула милостивая горничная. Она оглушительно громко хлопнула дверью и замерла рядом со стойкой. Берни всхрапнул, дернулся как от укуса осы и открыл глаза. Мутным ото сна взором уставился на капитана, а уже в следующее мгновение, когда узнал посетителя, вытянулся как на параде. Даже каблуками растоптанных ботинок умудрился щелкнуть.

— Чего изволите?! — гаркнул Берни. Еще он хотел козырнуть, так лихо, как делают это все солдаты, но в последний момент почему-то передумал.

— Ничего, — мотнул головой Рейнор. — Мне приказано передать послание мастеру Малтису, и насколько я знаю, он разместился в этой таверне. Он здесь?

— Да-да! — закивал Берни. — Он в своей комнате, на втором этаже. Первая дверь налево. Но... я могу сам позвать его. Или моя помощница. Зачем вам утруждать себя?!

— Не стоит. Я сам, — сказал Рейнор и зашагал к лестнице, ведущей наверх.

Горничная, все это время сжимавшая в руке серебряные монеты, хотела, было, заступить капитану дорогу, но вовремя остановилась. А в следующее мгновение, когда

Рейнор поравнялся с ней, у девушки вдруг возникло нестерпимое желание отдаться этому безжалостному воину.

Рейнор был уже на середине лестницы, когда почувствовал запах. Такой необычный и... тошнотворный. Он был знаком капитану, но почему-то теперь вызывал чувство нестерпимого отвращения.

«Святые Трое! Как они терпят его!», — подумал Рейнор.

Подниматься дальше не хотелось, однако капитан пересилил себя. Миновал лестницу и остановился в начале коридора. Здесь запах становился и вовсе невыносимым.

— Договоренность! Помни о договоренности! — строго прозвучал ласковый, бархатистый голос.

Рейнор завертел головой, но в коридоре никого, кроме самого капитана, не было.

— Не стоит испытывать мое терпение! — раздался тот же голос.

Капитан гвардейцев, не понимая что делает, схватился за голову и зашагал к комнате Малтиса. От мерзкого запаха перед глазами все колыхалось и плыло, к горлу подкатил осклизлый, солоноватый ком. Желудок задергался. Рейнор, сделав над собой усилие, толкнул дверь и заглянул в небольшую каморку. Пусто и...

Едкий дым флавиновой свечи скользнул в ноздри, резанул по глазам, забил рот. Капитан упал прямо на порог и опорожнил желудок. Потом еще раз и еще. До болезненных спазмов, до дрожи во всем теле. До постыдных истерических визгов. Он плакал и блевал, а в голове полыхали костры, и гремел ужасный молот, отзвуки которого, казалось, разносятся по подземелью циклопического размера. И кто-то говорил с ним. Говорил, не умолкая ни на секунду. Кричал, угрожал, умолял, упрашивал. А потом будто стал главным. Над телом и разумом...

Рейнор обнаружил себя лежащим на полу в луже блевотины. Голова гудела, тело ломило, но капитан все же поднялся на трясущиеся ноги. Еще раз окинул безумным взглядом комнату Малтиса. Пустая. Пустая! Щенок удрал и оставил на полу только флавиновую свечку.

«Как?! Как ему удалось? Хитрый... Нельзя недооценивать демонолога, пусть даже молодого, даже неопытного... Переиграл... Или это вы безмозглые идиоты... То есть мы...», — в голове Рейнора металась спутанная мысль. Чужие мысли!

Капитан, еле переставляя ноги, покинул комнату, проверил все остальные и только после этого заковылял вниз по лестнице. У стойки окинул кровожадным взглядом притихшего трактирщика, сдернул засаленный передник с горничной и вытер им с губ засыхающую блевотину. Бросил грязную тряпку обратно девушке. Горничная, извиваясь всем телом, потянулась к Рейнору. Мужчина лишь захохотал пугающим голосом. Повернулся к Берни и сказал:

— Мастер Малтис, оказывается, покинул ваше заведение. В комнате его нет. Поэтому, как только он появится, передай ему, что я буду ждать в переулке Нэбри, на окраине старого квартала. Пусть явится туда сразу после захода солнца.

Не дожидаясь ответа, Рейнор вышел вон из трактира. Махнул своим воинам и направился вниз по улице.

***

Тихо скрипнула дверь.

— Ты где весь день пропадал? — раздался встревоженный голос. — Давай, заходи, заходи! Чего на пороге мнешься?

Малтис резко обернулся. Энни стояла на пороге, уперев руки в боки. На голове пожелтевшая от времени и пота косынка. Из-под нее торчит выбившаяся седая кудряшка. Поверх простого домашнего платья накинут замызганный фартук, сшитый из разноцветных лоскутков.

— Я... — Малтис еще не успел перевести дух. Демонолог бежал от самой таверны до дома, ни разу не останавливаясь. — Дел много... навалилось... пришлось... немного задержаться.

— Так заходи тогда! Чего стоишь? — прикрикнула хозяйка дома и тут же по-матерински добро улыбнулась. — Давай-давай, сейчас обед разогрею, печка-то еще горячая!

Малтис улыбнулся в ответ и, все еще тяжело дыша, поплелся вслед за женщиной. Та прошла сразу на кухню и принялась греметь горшками, крышками, глиняными плошками. Через пару минут из печи ароматно потянуло похлебкой, тушеными овощами с мясом, картошкой и кашей. Еще через какое-то время на столе исходила паром небогатая, но вкусная еда. Малтис принялся за еду, но ел без особого аппетита. То ли сказывалась усталость, то ли навалившиеся проблемы.

— Спасибо, Энни, все очень вкусно, — наконец покончив с пищей, сказал демонолог.

— И как тебя только ноги еще носят. Ешь, что соседские цыплята. Вон бледнющий какой! Ну, ничего, скоро муж с мастерской придет — ужинать будем!

— Извини, но я не останусь на ужин, — тихо сказал Малтис и попытался ободряюще улыбнуться.

— Как?! Опять куда-то побежишь? — всплеснула руками женщина.

— Нет... — демонолог не знал, как начать. — Я... я выселяюсь.

— Малтис, я ведь...

— Подожди. Не перебивай, Энни, я все сейчас объясню. В общем... меня снова отправляют на юг. Мне поручили много... важных заданий, и я не знаю когда вернусь. Честно, Энни, работы очень много. Не знаю даже, на сколько все это затянется, — Малтис не хотел расстраивать эту добрую женщину, поэтому не стал говорить о том, что случилось сегодня. По сути, он даже не врал, просто сказал не все. Да ей и не нужно этого знать.

— Ох, мальчик! — Энни с тоской взглянула на демонолога. — Ты же еще просто мальчишка.

— Извини... — с грустью в голосе сказал Малтис.

— Тебе не за что извиняться. Во всяком случае, не передо мной!

Демонолог кивнул. Поковырял деревянной ложкой остывшую, недоеденную кашу. Посидел молча, достал из кармана монеты, отсчитал нужное количество и положил на стол.

— Что это? — с недоумением спросила Энни.

— Оплата за последний месяц.

— Перестань! Не надо. Тебе они теперь будут нужнее, а мы уж тут как-нибудь...

— Нет, ты их заберешь, — жестко сказал Малтис. Энни даже опешила от такого напора.

— Хорошо, — наконец сказала женщина. — Я их заберу, но комнату пока сдавать не буду. Подержу под тебя.

Малтис лишь пожал плечами. Встал из-за стола и сказал:

— Что ж, мне пора собираться.

— Ну, тогда пошли, провожу хоть тебя!

Они вдвоем отправились в комнату Малтиса. Там демонолог первым делом принялся укладывать в сумку всю необходимую одежду. Когда с этим было покончено, парень

нагнулся к кровати и достал из-под нее довольно увесистый сверток. Следом вытянул широколезвийную саблю и плеть, полагающуюся каждому мастеру демонологии. Приладил оба оружия на поясе. Распаковал сверток и высыпал содержимое прямо на пол. Кошель с небольшим запасом серебряных уни, бронзовый подсвечник искусной работы, пучок флавиновых свеч, россыпь корешков. Одни для концентрации внимания, другие для утоления боли, третьи от инфекций. Энни с интересом смотрела на все эти вещи. Малтис ловко распихал припасы по небольшим отсекам сумки, взглянул на хозяйку.

— Ну, вроде готов! — сказал демонолог. — Теперь с тобой... Я хочу кое-что тебе подарить.

— Не стоит... — попыталась возразить Энни.

— Нет, стоит, — Малтис отсчитал пару десятков свечей, вручил хозяйке подсвечник и самодельный медальон, который забрал из своей каморки в Красной Академии. — Смотри, эти свечи будешь зажигать раз в десять дней, и тогда никакая демоническая сущность не сунется в твой дом. Подсвечник. Для этих же свечек. На него я наложил эфирную энергию. Она будет усиливать действие флавина. И медальон. Держи. Носи его всегда на шее. Если он вдруг обожжет твою кожу, то значит где-то рядом демон или одержимый. В таком случае немедленно уходи подальше из такого места. Так... Вроде все...

— Флавин... эфир... — непонимающе забубнила Энни. — Я совсем ничего не понимаю! Что все это значит.

— Сложно объяснить, — улыбнулся Малтис. — Просто делай так, как я сказал. От этого мне будет спокойнее. За тебя, за твою семью.

— Хорошо. Я сделаю... — в голосе хозяйки прорезалась дрожь. Энни обняла демонолога и поцеловала в лоб.

— Ладно, мне пора! — наиграно бодро сказал Малтис. Еще раз обнял женщину и уверенным шагом вышел из дома.

Только на улице парень остановился, сглотнул горечь, возникшую в горле от проступивших слез и, не оборачиваясь, двинулся в обратный путь. Сабля, слегка оттягивающая пояс, придавала уверенности, ободряюще касалась бедра. И хотя демонологам нельзя было носить холодное оружие в городе, Малтис плевать на это хотел. И так слишком много уступок. Всю жизнь. Всю свою нелепую, случайную жизнь он только и делал, что мирился с правилами. То, что больше всего сдерживает одних, полностью развязывает руки другим. И первых всегда больше, чем вторых. Всегда так было и навсегда так останется. Кто бы что ни делал. И если даже кто-то перевернет привычный всем мир с ног на голову — ничего не изменится. Кто-то всегда будет выполнять чужую волю. Но стоит только тебе понять что к чему, стоит только открыть глаза пошире, начать действовать, и ты сразу же станешь предателем. Изгоем, изменником, человеком низшего сорта, сумасшедшим, в конце концов! Так было с мастером Вингутом, так стало с Малтисом.

Нормы, устои и правила лишь ограничивают, для этого и созданы. Но вот парадокс: они очень глубоко вросли в общество, а общество, как один из факторов, напрямую влияет на развитие человека. Так и получается, что чистый изначально младенец становится в итоге очередным слепком, обрубком, исторгнутым обществом и окружающей средой. Но остается ведь что-то внутри? В самом потаенном уголке души? Может что-то всколыхнуться иногда. И тогда даже морально полусгнивший труп когда-то чистого духа внутри самого гнусного человека пустит горячую слезу обжигающего, дикого сожаления. О том, что было, что безвозвратно упущено; о том, что сделано и о том, что никогда уже не притворить в жизнь.

Так сложно нарушать правила! Но еще тяжелее бороться с обстоятельствами. Ради чего? Ради деревянного ящика, в котором тебя опустят в землю, кишашую червями? Или ради лучшей жизни? Бесконечная борьба, после которой останутся только сожаления. В самом конце пути. Одни сожаления, и Малтис боялся переполниться ими, ведь они и так уже захлестывали его. Демонолог не знал своих родителей, помнил только беспризорное детство, потом приют, свои вшивые волосы, побои, тяжелые работы в городских сточных канавах. Побег, нестерпимый жар в голове, сводящие с ума глаза демона. Мастер Вингут и школа демонологии, потерянные друзья, потерянный учитель и нескончаемый поток людей вокруг. Малтис никогда не был один, но всегда был одинок. И поток сожалений стал его стимулом жизни. Демонолог боялся переполниться им.

Занятый невеселыми мыслями, Малтис даже и не заметил, как добрался обратно до таверны «Полумесец». Мысленно собрался, внутренне сконцентрировался и приготовился к самому худшему. Однако красных гвардейцев перед таверной уже и след простыл.

«Что ж, — вздохнул демонолог, — дело все равно придется довести до конца. Вот только все всегда приходится делать самому! Надоело уже, да и обидно как-то. Реально обидно».

Малтис уверенно зашагал к таверне. У самого входа остановился, набрал горсть небольших камешков и распихал их по карманам. Что же, партия начата! Демонолог толкнул входную дверь и со спокойным видом вошел в заведение. Берни все так же торчал за стойкой, нервно и суетливо протирал стаканы и глиняные стопки. Изредка трактирщик бросал озадаченный взгляд на собравшихся в зале работяг, лентяев и пройдох. Посетителей пока набралось немного, но и их Берни не спешил обслуживать.

— Я смотрю у вас тут народу поприбавилось, — сказал Малтис, подойдя к стойке.

Трактирщик вздрогнул, ошарашено взглянул на демонолога. Взгляд трактирщика расфокусировался, но через пару секунд снова стал осмысленным.

— Д... да... Завсегдатаи подошли... э-э-м-м... несколько работяг после тяжелого дня... Чего изволите, мастер Малтис... — забормотал Берни.

— Да ничего! — демонолог широко улыбнулся. — Просто решил поинтересоваться как у вас дела, вот и все.

— Хорошо... неплохо. Да... Ах, да! Я ведь... Вот старый дурак, чуть не забыл! — трактирщик явно нервничал и даже не пытался скрыть этого. — Вам послание!

— Что за послание? — искусно изобразил удивление Малтис.

— Заходил Рейнор Паскаль, капитан красных гвардейцев. Просил передать, что у него для вас послание. Сказал, что будет ждать вас в переулке Нэбри, на окраине старого квартала. Сразу после захода солнца.

Малтис открыто улыбнулся, цокнул языком и сказал.

— Что же, тогда мне стоит поторопиться, — ответил демонолог, — а то солнце уже к горизонту катится.

— Да-да, — серьезно сказал Берни. — Не стоит тянуть, отправляйтесь прямо сейчас.

Демонолог еще раз улыбнулся и не спеша вышел из трактира. Вдохнул свежий воздух теплого летнего вечера и двинулся к конюшне. Там он забрал свою старую кобылу, запрыгнул в седло и поскакал в старый квартал.

Кобыла старалась изо всех сил. Нет, не то чтобы она неслась до свиста ветра в волосах, но уже и не плелась как днем. Видимо смена обстановки пошла старой лошадке на пользу.

Ранний вечер накрывал Таэрмин. Небо, ставшее бледно-кисельного цвета, смешанного с

нежной голубизной, преобразило своими нежными отсветами центральные улицы. Катившееся к горизонту солнце легко и непринужденно заскользило по новеньким и не очень крышам. Без надрыва, спокойно и упоенно застрекотали сверчки. Людей вокруг стало меньше, но прибавилось кошек, ласок и собак. Центр города засиял, стал красив и даже помпезен. В воздухе расплескалось спокойствие. Обманчивое.

Малтис наслаждался идиллией, пока была возможность. Но вот, наконец, центральные улицы остались позади, слева потянулся парк, справа — череда таверн и приземистых павильонов. Дальше по улице расположился квартал более-менее зажиточных горожан. Их добротные дома относительно вольготно раскинулись на просторных участках. Проехав чуть дальше, демонолог миновал и уже закрывшийся рынок, выехал к городским таможенным складам и повернул направо. Начался район победнее. Тут и дома были скромнее, а вскоре потянулись и вовсе откровенно запущенные лачуги, плотно жавшиеся друг к другу. Потянуло помоями. Еще ниже по улице добавился запах сточных вод. Вокруг, не смотря на еще яркое солнце, стало темно и, будто бы, промозгло.

Будто бы время в песочных часах, солнце больше чем наполовину закатилось за горизонт. Малтис петлял по узким улочкам южной оконечности города. Вскоре показали стены первых домов старого квартала, однако демонолог свернул в сторону и поехал дальше.

Две сотни шагов. Малтис дернул поводья. Кобыла тихо всхрапнула и резко замерла. Демонолог спешился, взял животину под уздцы и сошел с дороги. Еще пятьдесят шагов. Заросли сливы.

— Подожди тут, — парень похлопал лошадь по морде и стал привязывать поводья к стволу, что покрепче. — Я скоро.

Кобыла будто бы все поняла. Захлопала глазами, затрясла гривой. Малтис потрепал лошадь за ухо и направился дальше. Вскоре он вышел к небольшому пруду, отыскал иву и отломил от нее гибкий куст. Зашагал обратно.

На границе со старым кварталом Малтис отыскал заброшенный, полуразвалившийся дом и забрался внутрь. Присел у перекосившегося окна и принялся наблюдать. В течение двадцати минут ничего не происходило. Однако когда солнце окончательно закатилось за горизонт, и на город опустилась ночь, демонолог услышал тихие шаги. Через десяток ударов сердца на улице показался красный гвардеец. Он неторопливо крался вдоль домов и постоянно озирался вокруг. Гвардеец явно разведывал обстановку, но делал это слишком шумно.

Малтис, затаив дыхание, следил за воином до тех пор, пока тот не скрылся за поворотом улицы.

«Значит все в сборе! — подумал демонолог. — Что ж, пора и мне сделать свой ход».

Он достал из сумки корень эритты, запихал его в рот целиком, разжевал и проглотил. То же самое проделал с корешком, повышающим концентрацию. Прикрыл глаза и принялся ждать эффекта. Через пару минут время остановилось. Реальность стала словно желе, далекие отзвуки двоились и троились. Малтис мгновенно нырнул в астрал. Окружающий мир стремительно крутанулся и всей своей полнотой обрушился на демонолога. На пару мгновений сердце бешено закувыркалось, руки и ноги задрожали, тело покрылось мерзко холодными мурашками. Резкий свет ударил по глазам. Это до предела обострилось зрение. Теперь темнота стала не помехой.

Время грянуло о край астрала и понеслось вскачь. Демонолог резко поднялся на ноги, мысленно скользнул по ближайшему потоку эфира и вскоре нашел свою астральную метку.

Она находилось точно в переулке Небри. Что ж, Рейнор не обманул. Гвардейцы и, правда, ждали Малтиса в условленном месте.

Демонолог покинул старый дом, огляделся по сторонам и бесшумно перебежал дорогу. Нырнул между двух почерневших лачуг и оказался в старом квартале. Запетлял между домами, запоминая примерное расположение каждого из них. Минут пять Малтис шнырял по улочкам, прячась в тени, замирая, прислушиваясь. Внезапно раздались тихие шаги. Демонолог, беззвучно переставляя ноги, нырнул в тень ближайшего дома. Сердце еще быстрее забухало в груди, готовое вот-вот проломить ребра. Малтис набрал в грудь побольше воздуха и задержал дыхание. Гвардеец, широко раскрыв глаза, практически на ощупь пробирался по темной улице. Все тот же разведчик!

Малтис улыбнулся и, держась в некотором отдалении, двинулся за воином. Бесшумная поступь и возможность видеть в темноте стали отличным преимуществом для демонолога. Отличным, но не единственным! Основные свои козыри Малтис еще не пустил в игру. Рано. Слишком рано. Неизвестно еще, сколько воинов Рейнор привел с собой. Сначала необходимо все выяснить, определить расклад сил и... Сделать один ход. Один единственный, а на большее времени и не будет.

Демонолог неслышно крался за гвардейцем. То и дело нырял в астрал, чтобы отследить свою метку. К радости, она до сих пор не сменила своего положения — так и находилась в переулке Небри. Через пару минут Малтис понял, что в своем преследовании он движется туда же. Что ж, это еще лучше.

Через пару сотен метров гвардеец, спотыкавшийся впереди, наконец свернул в узкую улочку, проходящую между двумя наклонившимися к друг другу домами. Демонолог слегка ускорил шаг и, рискуя, приблизился к воину. Однако догонять не стал, а замер у гнилого угла дома. Нырнул в астрал, мысленно метнулся к метке. Совсем близко! Всего пару десятков метров. Отлично!

Малтис бросился к стене дома. Замер, распластавшись по трухлявым бревнам, слился с тенью, медленно присел и нырнул в заросли малины. Ветки слегка хрустнули, но такой тихий звук вряд ли кто мог услышать. Демонолог, боясь резко двинуться и наделать шума, замер в очень неудобной позе. Однако под воздействием корней, тело практически не ощущало напряжение или боль.

Гвардеец тем временем, шаркая по разбитым булыжникам, добрался до своих.

— Где он? — раздался отдаленный голос Рейнора.

— Не знаю, — понуро ответил гвардеец. — Я три раза обошел квартал. Никого. Абсолютная тишина.

— Демона ему в зад! — с досадой сказал другой гвардеец.

— Не поминай! — с опаской сказал третий. — Ждать будем, капитан?

— Будем! — уверенно сказал Рейнор.

Упорные! Демонолог так же тихо выбрался из кустов малины и бесшумно побежал обратно. Совсем недолго пропетляв по старому кварталу, он нашел вполне пригодную улицу. Двинулся по ней, но на полпути остановился. Уселся прямо на холодную брусчатку и начал готовиться. К последнему ходу. К единственно возможному в такой ситуации. Сначала Малтис достал из кармана все собранные у таверны камешки и разложил их перед собой. Нырнул в астрал и принялся небольшими горстями черпать эфирную энергию. Ее он осторожно направлял на мелкие камни. Когда каждый из них был наполнен эфиром, Малтис, не выпуская из рук нити энергии, начал давать ей мысленное значение. Идея за идеей, идея

за идеей... И опять заново. Гудящие образы проплывали в голове демонолога, раз за разом. Иногда они оглушали, иной раз взрывались, обжигая черепную коробку изнутри, выжигали глаза, крошили зубы. И опять по новой...

Закончив с камешками, Малтис встал и, не выпуская из рук нити эфира, прошагал чуть дальше по улице. Достал из-за пояса ивовый прутик, сорванный у пруда, и воткнул его практически горизонтально между бревен дома, вплотную прилегающего к узкой дорожке. После этого накинул нити энергии на ивовый куст и отпустил их. Сделал несколько шагов назад, окинул простейшую конструкцию оценивающим взглядом. Отлично! Прут еле заметен в темноте.

Демонолог осмотрелся по сторонам, неторопливо зашагал по улице. Наконец, найдя то, что искал, присел на корточки и начал срывать сухую и пожухлую траву. Набрав приличный пучок, снова вернулся на середину дорожки. Установил по обеим ее краям флавиновые свечи, достал из походной сумки кремниевый камень и небольшой ножик. Сойдет за кресало! Усевшись поудобней, Малтис принялся высекать искру. Не сразу, но все же сухая трава задымила, а через пару мгновений вспыхнула. Демонолог, прикрывая рукой чахлый огонек, зажег обе свечи, постоял пару минут и двинулся обратно. К переулку Небри.

Парень бесшумно шагал по улочкам и не забывал осматриваться по сторонам. Однако вокруг не было ни души. Когда до переулка Небри осталась всего сотня метров, Малтис достал саблю из ножен и закричал:

— Эй! Есть тут кто-нибудь? Капитан Рейнор?!

Свернул на ближайшую улочку и бросился бежать. Теперь он не скрывался, даже наоборот — издавал как можно больше шума. Иногда демонолог ударял саблей по стенам домов, чтобы обозначить свое местоположение. Красные гвардейцы не откликались, однако Малтис знал, что они бегут следом. Что ж, отлично! План пока работает.

Миновав улицу, парень стремительно выскочил на смежную и рванулся вправо. Добежав до очередного поворота, нырнул туда. Снова вылетел на то место, где проходил пару минут назад и побежал обратно. Демонолог не оглядывался и уже не смотрел по сторонам. Он лишь старался, чтобы преследователи не догнали его раньше времени, чтобы не застали на невыгодной позиции.

Через несколько ударов сердца парень снова нырнул в поворот и огромными прыжками понесся вдоль черных трупов домов, нависающих мрачными стенами справа и слева. Вскоре он оказался на широкой дороге. На секунду остановился и осмотрелся. Где-то тут должно быть его подготовленное место. Внезапно сзади раздался отдаленный топот и тяжелое дыхание. Малтис оглянулся и увидел двоих гвардейцев, что неслись следом.

«Значит, все-таки додумались разделиться и зажать меня с двух сторон! — мелькнула мысль в голове демонолога».

Парень побежал дальше. Через двадцать ударов сердца свернул направо и оказался у своей засады. Тут Малтис остановился, перевел дух и очень осторожно зашагал к горящим флавиновым свечам. Аккуратно миновал ивовый прутик, торчащий из стены, медленно перешагнул камешки, наполненные эфирной энергией, и остановился на середине улицы. Принялся ждать, хотя и понимал, что гвардейцы нагрянут вот-вот. Однако надеялся нормально отдышаться и восстановить силы. И это получилось. Удалось даже распрямиться, принять удобную позу и сосредоточиться на предстоящем бое.

Топот раздался с обеих сторон. Двое гвардейцев возникли спереди, двое других — сзади. Все четверо замерли. Малтис тоже не шевелился. Внезапно один из воинов сделал шаг

вперед, остановился и сказал:

— Бросай клинок! Не глупи.

Демонолог узнал в этом гвардейце капитана Рейнора.

— Ты видишь во мне глупца? — немного подумав, с усмешкой ответил Малтис.

— Здесь слишком темно, чтобы я хорошо видел, — язвительно парировал Рейнор.

— Для человеческих глаз — да, но не для твоих, капитан. Ведь они у тебя уже давно смотрят сквозь Мрак, не так ли? — сказал Малтис.

— Бр-р-р-ось клинок! — прорычал капитан.

— Допустим, брошу, — продолжил игру демонолог, — но у меня останется плеть. Я размотаю ее за пару секунд, ты же знаешь.

— Знаю. Пары секунд как раз хватает для броска копья! — мерзкая ухмылка чувствовалась в голосе Рейнора. — Но... я не буду этого делать, ведь ты нужен нам. Нужен архи-мастеру Годварду. Мы пришли только за этим...

— Значит Годвард! — громко сказал Малтис. — Все как я и думал... Что же, саблю я не брошу, так же как и не стану выполнять ваши требования.

— Это твое окончательное решение? Подумай-ка получше, ведь сейчас ты нарушаешь прямой приказ главы твоего ордена. А это измена! Измена всему: кодексу, вашему уставу, людям, которых ты поклялся защищать.

— Мне плевать на твои слова! Ведь они уже и не твои вовсе, а демона, что поселился внутри тебя!

Внезапно в голове Малтиса мелькнула совсем другая мысль... но было уже слишком поздно. Слишком... Рейнор утробно зарычал, дернулся, однако демонолог уверенно и спокойно сказал:

— Повторяю! Я. Не стану. Выполнять. Ваши. Требования!

— Взять! — рявкнул капитан Рейнор.

Сзади бросились двое гвардейцев. Через мгновение раздался хлесткий щелчок ивового прута о легкую броню. Громыкнуло. Земля содрогнулась, старые дома жалобно закрипели и в тот же миг к небу взметнулись обломки брусчатки, пыль и шлем одного из воинов. Раздался дикий вопль боли, грязные ругательства, скулеж.

Спереди к Малтису метнулся третий гвардеец. Демонолог резко развернулся и бросился в облако пыли, поднявшееся от взрыва эфирной энергии. Споткнулся об исковерканное тело воина и упал. Быстро подобрался и вскочил. Мгновенно сместился в сторону. Сквозь белую взвесь Малтис разглядел короткое копье, лежавшее на обочине дороги. Парень схватил оружие и сразу же метнул его в ту сторону, где должен был находиться капитан Рейнор. Пылевая завеса мешала обзору, и демонолог не надеялся на успех, однако внезапно раздался глухой крик.

Парень припал к земле, выставил перед собой саблю, развернулся и устремился к месту взрыва. Один из неудачливых гвардейцев так же лежал посреди улицы, Малтис увидел его сразу. Однако в отличие от первого воина этот шевелился. Он пытался подняться на ноги и у него это получалось. Иссеченный камнями боец истекал кровью, но не сдавался. Демонолог подскочил к нему и... Ослепительная вспышка боли ожгла левую скулу. Малтис опрокинулся на спину, тут же перекатился, резко подобрал ноги, крутанулся и вскочил. Мир перед глазами слегка плыл и покачивался, однако демонолог не обращал на это внимания. Он сосредоточился на гвардейце, что обошел его со спины, а хитрый воин снова нанес удар древком копья. Малтис пригнулся и одновременно с этим сместился вправо. Реакция,

усиленная кореньями, справлялась с такими ударами на отлично.

Гвардеец резко развернулся вслед за демонологом, но тот снова скользнул в сторону и ушел от очередного удара. Воин прокрутил копьё в руках, однако Малтис уже был у него за спиной и мощным взмахом сабли срубил противнику голову. Тело, суча ногами, завалилось набок.

Внезапно ребра демонолога вспыхнули от мощного удара. Парень завалился вперед и сильно ударился лицом о расколотую брусчатку. Верхнюю губу ожгло дикой болью. Ничего не понимая и не видя, Малтис перевернулся на спину и тут же получил новый удар в бок. Воздух вылетел из легких, и парень, будто рыба, выброшенная на берег, раскрыл рот.

Послышалась возня, и демонолог кое-как сфокусировал взгляд. Увидел над собой того израненного гвардейца. Именно он свалил Малтиса на землю, однако теперь ему было не до драки. Из-под шлема воина шла кровь. Видимо камни и осколки брусчатки сильно повредили внутренние органы.

Демонолог трясущейся рукой нащупал саблю, несмотря на боль, резко поднялся, отклонился назад и разрубил истекающего кровью противника. Метнулся сквозь оседающую пыль назад. Совсем рядом с флавиновыми свечками парень обнаружил капитана Рейнора. Тот лежал на земле и корчился. Правое плечо его было пробито копьем. Демонолог неспешно подошел к капитану гвардейцев, занес над головой саблю.

— Стой... — послышался слабый голос Рейнора, — стой, прошу! Он ушел... ушел... А я... я... просто подчинялся ему... Был не в себе...

— Хм... — протянул Малтис, — и кто же ушел? О ком ты говоришь?

— Демон... демон, что был во мне...

— Странно, его ведь никто не изгонял из тебя!

Демонолог резко опустил клинок. Голова Рейнора покатилась по брусчатке. Тело капитана задергалось, а из его груди вырвался сгусток непроглядного мрака. Зашипел, заметался. Малтис уже был готов к этому: достал из внутреннего кармана чистое зеркальце и нырнул в астрал. Там он щедро зачерпнул эфирной энергии, потянул ее в реальный мир.

Вырвавшийся на свободу демон остановился, взглянул на Малтиса и хотел уже заговорить. В этот момент парень поднес к нему зеркало. Демон остолбенел на мгновение, но тут же завыл, а Малтис накинул на него эфирную энергию. Энергия тут же превратилась в призрачную клетку, схлопнулась и пропала в астрале вместе с демонической сущностью.

«Еще одного поймал! — метнулась в голове тяжелая, но радостная мысль».

Малтис с облегчением выдохнул и повалился на землю.

Глава 20. Алаэн Дербидж. Доверие

5419 год, начало второго месяца зимы

Северная тропа, на пути к Лесам Элькхевен

Я проснулся от легкого шороха. Нащупал рукоять ромфеи возле своих ног, подобрал оружие и поднялся со своего лежака. Костер еле горел, но мелкие булыжники, лежавшие вокруг очага, были раскалены и отдавали достаточно жара. Достаточно для того, чтобы под каменной плитой было хоть сколько-то тепло. Я подкинул в угасающий огонь несколько поленьев и пошел к выходу из убежища. Бросил короткий взгляд на Ланиту. Видимо девушка тоже только что проснулась. По крайней мере, вид у нее был подобающий: отсутствующий взгляд в округлившись глазах, влажное от пота лицо, выбившиеся из-под капюшона густые черные волосы. Северянка даже не шелохнулась и не обратила на меня внимания, когда я прошел мимо.

Бон услышал мои шаги и обернулся. Взгляд мужчины упал на ромфею, которую я до сих пор сжимал в руке. Северянин отшатнулся, сделал шаг назад, но я вовремя сообразил и убрал оружие в ножны.

— Извини, — тихим шепотом бросил я. — Привычка спать с оружием в руках.

Бон кивнул, повернулся ко мне спиной. Я поравнялся с парнем и также замер, устремив свой взгляд на север.

— Ну, что? Пора идти дальше, — помолчав пару минут, сказал я. — Собирайся, скоро рассветет.

— Не скоро, — коротко бросил северянин. — Да и не стоит нам сегодня покидать убежище. Давай дождемся вечера тут, а там уже и решим, что делать дальше.

— Мы и так торчим тут уже сутки! — возмущенно прошептал я. — Или у тебя есть причины на то, чтобы так задерживаться тут?

— Есть, — коротко бросил Бон. — Я забочусь о своей семье... Ну, о тех, кто выжил.

— Я это понимаю и всеми силами пытаюсь помочь тебе. Поэтому и предлагаю идти дальше, ведь чем быстрее мы выдвинемся, тем быстрее вы будете в безопасности. Пойми, до Нортмарка путь не близкий.

Бон вздохнул, обернулся ко мне и ответил таким тоном, будто бы общался с несмышленным подростком:

— Метель. Ночью была метель.

— И что? — я улыбнулся. — Мы и не в такую непогоду бродили по северным пустошам.

— В такую не бродили... — уверенно сказал Бон. В глазах его я различил нарождающийся страх. — Сегодня ночью дул ветер с самого Вековечного Ледника. И все бы ничего, но он пришел со снегом.

Северянин замолчал. Поскреб густую щетину на своем подбородке. Молчал и я, ждал, когда Бон продолжит объяснять. Однако мужчина не спешил прояснить ситуацию.

— Объясни, как это связано и в чем опасность? — не выдержав, спросил я.

— Ветер с Вековечного Ледника стылый, свирепый, морозный. Он несет с собой стужу, великие снега и долгую ночь. Выходить в такой ветер смерти подобно. Мало кто выживает, если попадет в такую метель. И я не думаю, что мы трое — исключение. Да и не похожи мы на северных витязей, которым любой мороз нипочем.

— По-моему ветер как ветер...

Бон снова вздохнул и продолжил:

— Ты не понимаешь... Ты не жил на севере... Старейшины в нашем поселении часто рассказывали нам про такую метель и всегда предостерегали нас. Они говорили, что один раз за сотню лет дует ветер с Ледника. Он не щадит никого и несет с собой долгую ночь. Тогда становится темно даже днем. И сияние, что, говорят, идет из самого Мрака, не может разогнать тьму.

— Северное сияние... — прошептал я. — И как долго длится такая ночь?

— Старейшины говорили, что всегда по-разному, но чаще всего около половины года.

— И чем же это так опасно? — серьезно спросил я. Почему-то я безоговорочно верил словам Бона.

— Кроме лютого мороза, жгущего кожу не хуже пламени, ничем. Ну, еще говорят, что из своих нор выбирают разные твари. Кобольды, цверги, стрыгой... Так говорили старейшины. При мне такого никогда не случилось... — Бон тяжело замолчал.

— А откуда старейшины знают? — с неподдельным интересом спросил я.

— Последний раз стылый ветер с Ледника приходил на север пятьдесят лет назад. Многие из живущих застали те времена. Вот они и рассказывали.

— М-да... — озадаченно протянул я. — И что ты предлагаешь? Сидеть под этой плитой полгода?

— Нет. Только еще один день. Посмотрим, что будет дальше и двинемся в путь.

— И замерзнем где-нибудь у северных рубежей.

— Не замерзнем, — жестко сказал Бон. — Сегодня ночью был только предвестник великой метели и до настоящей стужи еще далеко. Она только-только начинает разыгрываться на северной оконечности Вековечного Ледника, а сюда доходят лишь слабые отголоски ледяной вьюги. Время еще есть. Мы успеем уйти на юг, но нужно переждать день.

— Я согласна с братом! — неожиданно раздался тихий голос Ланиты.

Я обернулся, взглянул на ее испуганное лицо. На малыша, укутанного в шкуры.

— Ладно, ждем еще день. Отдыхайте.

Бон кивнул и отправился спать, а я остался дежурить у входа в убежище.

Северянин оказался прав: рассвет задержался часа на полтора. На первый взгляд это не так заметно, если ты в пути или занят важными делами, вот только мне делать было как раз таки нечего. Я просто сидел на шкурах у входа в наше убежище и смотрел на север.

Опоздав на полтора часа, мутное, блеклое солнце все-таки показалось из-за верхушек гор Анрод. Первое доказательство слов Бона. Я прищурился и еще раз окинул светило скептическим взглядом. У меня не было причин не верить Бону, однако я хотел убедиться во всем сам. Что ж, видимо парень не обманывал. Да и зачем это ему? Чтобы задержать меня на севере? Вряд ли. Хотя, если он шпион врагов, которые сейчас хозяйничают на севере, то резон есть. Вот только зачем ему задерживать меня, если он мог попросту всадить копьё мне в спину. Возможностей было предостаточно. После того, как мы прочитали послание мастера Вингута и покинули безымянный аванпост, прошло пять дней. Пять дней мы были в пути и Бон мог в любой момент избавиться от меня. Да что там! Во время нашей стычки с гвизарами у северных рубежей парень мог напасть на нас сзади и внести сумятицу в наши ряды. Тогда гвизары бы легко нас одолели и продолжили движение на юг. Да только какой был в этом смысл? То-то и оно. Возможностей было предостаточно. Одно с другим не срастается. Не шпионы они, да и не враги вовсе.

Я нервно подергал себя за бороду, разгладил отросшую за время путешествия щетину на щеках. Мысль о том, что Бон и Ланита опасны, не давала мне покоя. И, хотя, я понимал, что это глупость, что это подозрение не вяжется с фактами, тревога все же копошилась в моем сознании. Интересно, что бы сказал на это Ториш? А Джалек? Так, стоп! Джалек! А о нем я и вовсе забыл. Вот на кого стоило ориентироваться. Этого восточного змея на мякине не проведешь, от его подозрительного взгляда ничто не укроется. Однако ж и он молчал по поводу этих северян, а значит они не вызвали у него вообще никаких подозрений.

Ну и хорошо! Ну и славно! На душе сразу стало намного легче.

Я обернулся, окинул взглядом наше небольшое убежище. Бон спал, тихо посапывая на расстеленной шкуре, Ланита жевала вяленое мясо вприкуску с какими-то кореньями и сухими стебельками. Я невольно восхитился северянкой. Хотя не столько ей, сколько всем северным народом. Вот же люди! Веками живут в тяжелейших условиях и даже не думают пойти на компромисс, договориться с южанами и переселиться в места с более мягким климатом. Больше того! Северяне легко выживают там, где мы бы давно сгинули. Они знают, как и чем питаться, где брать витамины для организма. Вот Ланита, она же не зря жует эти корешки — добывает витамины. Для себя, а, главное, для своего малыша!

Улыбнувшись, я отвернулся и уже машинально ощупал два свитка, лежащих во внутреннем кармане тулупа. Да, в странный переплет мы попали! Интересно, что там во втором письме? Очень интересно... Какие-то тайные сведения? Не иначе, только вот не моего ума это дело. Пусть демонологи разбираются, да королевские чинуши. Да хоть и сам король! Я вздрогнул. Почему-то в моем мозгу внезапно засела уверенность в том, что информация, содержащаяся в этом свитке гораздо важнее государственных дел, поэтому без короля тут уж никак не обойтись.

Вот так я вляпался! Хотя, с другой стороны, появилась возможность проявить себя еще в чем-то, помимо исправной службы. Возможно, после этого отец пересмотрит свое отношение ко мне. Да вот только ему все не до этого. Государственные дела, да хлопоты по поместью, видимо, все также сжирают львиную долю его времени... Нет, так дело не пойдет...

Я, как делал это обычно, выкинул все мысли и воспоминания об отце из головы и продолжил наблюдать за заснеженной пустошью и близлежащими отрогами гор.

К полудню, когда солнце, наконец-то, миновало вершины гор Анрод и стремительно понеслось по небосводу, поднялся ветер. Он дул со стороны Вековечного Ледника и с каждой минутой становился все студеней и студеней. Через полчаса небо на севере посинело, нахмурилось, а еще через час в воздухе закружили первые снежинки. Крупные, пухлые, размером с ноготь большого пальца. С каждой минутой эти снежные хлопья все быстрее и быстрее мельтешили вокруг.

Новый, мощный порыв ветра накинудся с новой силой, закрутил снежные вихри по всей пустоши. С каждой минутой становилось холоднее. Мороз нещадно жег лицо и руки, запуская свои коварные щупальца под тулуп, сковывал холодом ноги. Я встал, свернул шкуры в тугий рулон и поспешил обратиться под каменную плиту.

Бон все так же умиротворенно спал. Ланита передвинулась поближе к огню, достала какие-то тряпки и укутала в них и без того утепленный сверток со своим малышом. Я направился к связке с поленьями. Дров, которые мы поочередно тащили на себе аж от самого безымянного аванпоста, осталось не так уж и много. Я взял четыре полена из тех, что побольше и подкинул в костер. Да, дрова стоило бы, конечно, экономить, но только не в

такую погоду; не в такой мороз. Да и, тем более, если завтра мы выдвинемся в путь, то этого запаса нам должно хватить. По крайней мере, до северных рубежей — точно. А там уже и леса начинаются. Так что не замерзнем!

Метель, несущая небывалую стужу, бушевала до самого вечера. К ночи она немного стихла. Мы с Бонем по разу успели сменить друг друга и чувствовали себя, в общем-то, вполне отдохнувшими.

— Все так, как ты и говорил! — сказал я, прихлебывая горячий отвар, заваренный на северных травах. — Метель суровая разыгралась.

— Это еще не суровая, — хмуро бросил Бон. — Будет хуже. Старейшины рассказывали, что, бывало, выйдет в такую вьюгу какой смельчак на улицу, да кожу-то и обморозит сразу. Кто на руках, кто на лице...

— Все равно... Очень холодно, — поежился я.

— Станет теплее. Ненадолго, но станет. Я же говорю, это только предвестники. Первые отголоски великой бури. А этот ветер, что сейчас дует, скоро и вовсе на нет сойдет. Вот увидишь — к полуночи тихо станет. Да и мороз немного отпустит.

— Это хорошо, — я полной грудью вдохнул душистый, насыщенный аромат обжигающего отвара, сделал щедрый глоток. — Думаю, рано утром можно будет отправиться в путь.

— Согласен. В общем-то, можно будет выдвигаться сразу, как только метель закончится.

Я кивнул и стал допивать свой отвар. Отличная штука! Согревает на славу, мозги прочищает, а уж как бодрит — слов нет.

Внезапно в памяти всплыл наш утренний разговор с северянином. Я, немного подумав, спросил:

— Послушай! Помнишь, с утра ты говорил, что такая метель и эта долгая ночь бывают всего раз в сто лет?

— Говорил, — согласился Бон.

— Так вот. Потом ты сказал, что последний раз такое ваши старейшины наблюдали лет пятьдесят назад. Так?

— Точно.

— Интересно, как такое получилось?

— Сам не понимаю... И сильного этого боюсь, — во взгляде Бона отражался страх и сомнение.

Я поспешил закрыть тему и пока не думать об этом. Мы замолчали и принялись ждать ночь. Снова медленно потянулось время в безделье. А ночью, далеко после полуночи, метель стихла. Прекратился снег. Вокруг властвовала только стужа, но и она постепенно пошла на убыль. Мы быстро собрались и двинулись в путь.

***

— Дровишек подкинь, — тихо сказал я.

— М-м-м? — Бон оторвался от пресной каши с вяленным мясом. Видимо он думал о чем-то своем.

— Дров в костер, говорю, подкинь, — повторил я. Облизал ложку и принялся споласкивать жестяную посудину от остатков еды.

— Зачем? — удивился Бон. — Их и так чуть осталось. Надо поберечь.

— Куда беречь-то? До северных рубежей меньше дневного перехода осталось, а уж там

лес, дров вволю. А если сегодняшним темпом пойдём, то уж и после полудня сразу там и будем... Ночь холодная, так что подкинь, подкинь!

— Я не думаю, что мы тут заночуем, — с неохотой сказал Бон.

Ланита оторвалась от кормления своего малыша и непонимающе уставилась на брата. Я вопросительно выгнул бровь.

— В смысле? — я не придумал лучшего вопроса.

— Сейчас доедим и в путь. На ночевку встанем в полночь, а может и позже. Часа четыре поспим и дальше.

— Так уж темнеть начало! — не согласился я. — Куда ты так гонишь? Мы успеваем, даже с опережением идем.

Тут я не приврал. После того как день назад мы покинули убежище под каменным навесом, шли мы очень споро. Снег после трескучих морозов слежался в плотный, не проваливающийся наст. Такой и лошадь вьючную выдержит.

— Надо еще быстрее! — хмуро бросил Бон. — Успеваем-то успеваем, но кто ее знает. Я уж теперь ни в чем не уверен. А ну как опять налетит вьюга?

Я пристально глянул в глаза северянину и откровенно спросил:

— Не только в этом причина, ведь так?

— Так... Предчувствие у меня плохое... Не знаю, тревожит что-то.

— Ну, и что ты предлагаешь? — тихо спросила Ланита. Она закончила кормить сына и теперь, ничуть не смущаясь, заправляла под одежды красивую, упругую грудь с большим, выразительным соском.

— Доедим и отправимся в путь. После полуночи остановимся на ночлег. Отдохнем и снова двинем на юг. Завтра к полудню я планирую, что мы достигнем ваших лесов, — Бон кивнул в мою сторону. — Там все равно будет проще.

Я надолго задумался, допивая горячий травяной отвар. Что ж, может быть, северянин дело говорит? Хм... В любом случае мне нужно как можно скорее добраться до заставы Нортмарк и передать послание мастера Вингута командующему Ольтеру. Хотя, рисковать ох как не хочется. Ну а с другой стороны что? Какой риск? Мы и днем также рискуем, и ночью...

— Ну, чего тогда рассиживаться? — нарочито бодро спросил я. — Давайте вещи собирать и в путь!

Мы быстро собрали вещи, зашвыряли снегом костер и отправились на юг. Шли все так же быстро, благо идти было светло. На идеально черном небе светила яркая луна да мириады звездных россыпей. Кристально белый снег искрился под ночным холодным светом, отлично освещая путь. Почти как днем! Невероятно красиво! Я позволил себе расслабиться и полюбоваться северными бескрайними просторам. Просторами, надо сказать, пугающими.

Почему-то сейчас, в эту самую минуту, я ощутил себя какой-то мелкой, совсем ничего не значащей букашкой по сравнению с этим... небом. По сравнению с этой бескрайней чернотой и тем, что скрывается далеко за ее пределами. Колоссально! В груди набухало и ширилось чувство, сравнимое с этой самой бескрайностью, безграничностью. Оно росло до тех пор, пока не лопнуло, не всколыхнуло сердце. То, в свою очередь неистово трепыхнулось, на мгновение замерло и возобновило свой бег с новой, бешеной скоростью.

Далеко-далеко, в небесном океане, глубочайшем из всех, сверкали звезды. Они складывали из своего света созвездия, а те, в свою очередь — скопления созвездий. По крайней мере, так их называл мастер Трэвис, служащий демонологом в поместье моего отца.

Звезды... Но ведь и это еще не все! Там, где-то далеко за ними, есть что-то еще. Обязательно быть! Такая глубочайшая небесная бездна не может просто так взять и закончиться на звездах. Нет! Но что же там? Такая же бесконечная пустота и чернота? А за ней? Все то же самое? Такие же звезды, созвездия, их скопления и... миры? Подобные нашему. А на них — такая же жизнь! А дальше? Еще дальше за мирами? Что же там? Бесконечная череда всего этого?

По-моему дыхание мое сбилось, а, возможно, и вовсе остановилось на несколько мгновений. В груди было тяжело и тесно. Хотелось выдохнуть и вдохнуть во всю грудь. А еще хотелось крикнуть. Громко так, чтобы в Нортмарке услышали, а еще лучше — дома, в Дербидже!

От размышлений и созерцаний местных красот меня отвлекла... внезапная тревога. Она беспокойным муравьем заползла в голову, острым крючком дергала и тянула нервы. В окружающей обстановке ничего не изменилось, но, казалось, будто кто-то наблюдает за мной. За всеми нами. Я закрутил головой, но так, чтобы спутники этого не заметили. Нет, ничего! А ощущение так и не пропадает...

Я невольно перевел взгляд на темнеющую слева каменную гряду гор Анрод. Спина вмиг стала мокрой, а волосы под меховой шапкой встали дыбом. Угроза шла оттуда. Вот только кто мог нас увидеть? До ближайший отрогов и хребтов лиги три, не меньше... Хотя, некоторые твари, обитающие в этих горах могут видеть гораздо дальше...

— Давайте ускоримся! — тихо предложил я.

Бон лишь согласно кивнул, бросил встревоженный взгляд на черные горы и зашагал еще размашистее.

Луна медленно плыла по океану небесной черноты, освещая своим неверным, искаженным светом окрестности. Чернеющая на востоке стена гор Анрод становилась все темнее и темнее. Она, по мере нашего продвижения на юг, оставалась от нас все дальше и дальше, однако тревога не уменьшалась, а, наоборот, нарастала.

Я то и дело бросал беспокойные взгляды на горы и тревожно озирался вокруг. В груди, постоянно сбиваясь с ритма, бухало сердце. В животе поселилась вязкая, жирная тяжесть. Во всех демонов Мрака, чтоб им пусто было! Все складывается хуже нет! И ведь говорил же я этому упертому северянину, так нет, нужно было спешить! Хотя... как ни крути — палка о двух концах. Мало того, что сами можем вскоре погибнуть, так еще и последнее поручение мастера Вингута можем не выполнить! И вот это уже куда хуже и печальнее смерти трех никому неизвестных путников... Вот ведь угораздило!

Медленно тянулись минуты, а за ними и часы. Давно перевалило за полночь, а ничего плохого так и не произошло. Я уже начал сомневаться в своих опасениях. Да и надежда на благополучный исход дела появилась. Может, пронесет? За это стоит помолиться Троице... Вот только я не знаю ни одной молитвы. К своему стыду я никогда не увлекался религиозной тематикой. Больше того, я не очень-то верил в богов и в их силу, хотя стоило бы. Стоило бы проникнуться и «следовать», как это называют служители храмов Трех Богов. Было бы хоть какое-то утешение и надежда...

Еще через какое-то время впереди замаячила россыпь обледеневших валунов. Бон замедлил шаг, сбросил на землю вязанку с остатками дров и тихо сказал:

— Пойду осмотрю те камни. Может, прямо там и заночуем... Присмотри за сестрой.

Я подобрал вязанку и кивнул. Северянин побежал в сторону скопления валунов. Бон отсутствовал совсем недолго. Уже минут через десять он вернулся обратно и сказал:

— Все нормально. Там можно устроить стоянку. Пошли.

Среди камней и, правда, нашлось подходящее место для ночлега. Широкая площадка, с трех сторон окруженная высокими плоскими валунами, как нельзя лучше подошла для этих целей. Мы остановились и принялись разбирать вещи. Однако, только я хотел развести костер, как со стороны гор донесся неясный звук. В груди снова бухнуло.

Мы все замерли как вкопанные. Звук повторился вновь, уже более отчетливо, но я все равно не мог понять, что это. Пришлось напрячь слух до предела, однако вокруг снова воцарилась абсолютная тишина. Казалось даже, что я слышу как шуршат мелкие снежинки на ветру. Через несколько ударов сердца все звуки и вовсе исчезли, словно уши забило овечьим пухом.

АУУУУУУУУУУУУУ!

Сердце трепыхнулось, замерло и попыталось выскочить из груди. Во рту вмиг пересохло, а руки заходили ходуном. Со стороны гор донесся вой! Вот только не обычный волчий, а такой, будто бы был человек. Был необычно и запредельно жутко!

В первое мгновение, от растерянности, я впал в ступор и не мог понять, кто издает этот вой. Однако Бон, как человек, лучше меня знающий север, быстро сориентировался и заорал:

— Стрыга!

Я дернулся как от удара. Все вокруг снова пришло в движение, вернулись звуки, запахи, ночной северный мороз. Я испуганно глянул на хмурящегося Бона, на бледную, словно снег, Ланиту и бросился собирать вещи.

— Быстрее! Давайте быстрее, — торопил спутников я.

Дважды говорить не пришлось. Бон быстро похватал свои пожитки, закинул за спину вязанку с дровами. Мы, не стовариваясь, бросились бежать. Так быстро насколько хватало сил.

Теперь впереди мчался я, а северяне неслись следом. Только бы успеть до лесов Элькхевен, а там мы либо сможем укрыться, либо дадим достойный отпор. Да уж, не повезло, так не повезло. Из всех самых паршивых ситуаций мы смогли угодить в наихудшую. Стрыга — опасный враг. Вот только она никогда не появляется одна. Эта тварь всегда приводит с собой матерого стрыгоя и весь выводок своих горбатых, головастых, голодных отпрысков. Порой такие стаи насчитывают не меньше двух десятков особей... Я отогнал от себя дурные мысли и поднажал.

В ушах бешено свистел ветер. Он охлаждал щеки и нос, обжигал своим ледяным дыханием легкие, заползал под одежду и обнимал ледяными руками разгоряченное тело. Однако я не обращал на это никакого внимания. Собственно как и на тяжесть вещевых мешков, зимнего тулупа и теплых сапог. Я просто мчался вперед в надежде выжить. Не отставали и северяне.

За спиной то и дело раздавался многоголосый жуткий вой. Он подстегивал не хуже плетей или, например, приказов сержанта. Значит стрыга, все-таки, ведет за собой большой выводок. Суда по голосам — очень большой.

Пришлось еще ускориться. Я обернулся на северян — не отстают ли? Бон бодро бежал сзади, а вот Ланита поотстала. Ей тяжело было угнаться за здоровыми мужчина и при этом нести на руках ребенка.

Я, не останавливаясь, дернулся назад, подбежал к девушке и попытался выхватить у нее из рук младенца. Она решила сопротивляться, но я сделал страшные глаза и все-таки забрал малыша. Тот даже не пискнул, он, будто ничего и не происходило, умиротворенно

посапывал в своем теплом свертке.

— Не переживай, с твоим сыном ничего не случится! — сказал я Ланите и снова бросился вперед. Дело пошло полегче. Северянка бежала теперь наравне со всеми и не тормозила отряд.

Вой и жуткие вопли, то и дело звучащие в ночи, нарастали и приближались. Выводок стрыгоев приближался пугающе быстро. Видимо их подгонял голод и страх упустить добычу. Да, в этих заснеженных пустошах и обледеневших горах пропитание найти непросто, вот твари и торопятся. Однако и мы не медлим, тем более у нас есть пусть и небольшая, но все же фора: стрыгой бегут от самых гор, а мы — по прямой, и опережаем их лиги на три-четыре.

Через несколько часов такого бега ноги начали тяжелеть, спина будто бы одеревенела, в легких разгорался огонь, мешающий дышать. Сил, чтобы ускориться, уже не осталось, и это пугало. Как бы быстры и выносливы мы не были, но стрыгой все равно превосходят нас во всем. Звери, они звери и есть. Куда уж нам до их энергичности и упертости, основанной на голых инстинктах. Они не устанут, не отступят, не бросят свою добычу.

Близилось утро, а мы все так же мчались по заснеженному плато. Не останавливались на отдых или легкий перекус, не разговаривали, только изредка оглядывались. Еще через час со мной поравнялся Бон и сказал, пытаюсь не сбить дыхание:

— Нам бы... до рассвета... продержаться. Да... еще час, а там, глядишь, и... отстанут!

— С чего ты так решил? — спросил я.

— Они... не любят солнечный свет, — бросил Бон.

— Будем надеяться! — ответил я. Однако в следующую секунду пришло понимание того, что рассвет, скорее всего, как и вчера, задержится. А это еще минимум пару часов!

— Сегодня опять позже рассветет? — на всякий случай уточнил я у Бона.

— Да! — Бросил тот и скривился так, будто за раз съел целую горсть мороженой клюквы. Я тяжело вздохнул, пытаюсь выровнять сбившееся дыхание, и побежал дальше. Ничего другого и не оставалось.

Как мы и предполагали, часа через два с половиной из-за гор показался багровый краешек светила. Далекий вой зверей сменился на возмущенные вопли и быстро перерос в яростное тьяканье.

Солнце лениво поднималось над горными пиками, освещая пока еще неярким светом окрестности. Плато, по которому мы неслись не жалея сил, постепенно пошло под уклон, а потом — в подъем. Через несколько минут мы, наконец, выбрались на относительно ровный участок. Чуть правее высилась большая куча человеческих тел, присыпанная снегом.

— Вот и пришли туда, где все началось! — хмыкнул Бон.

Я кивнул. Да, вышли в то самое место, где не так давно схлестнулись с гвизарами.

— Скоро будет лес! — бросил я северянину.

Не останавливаясь, мы понеслись дальше. За несколько минут преодолели открытый участок и нырнули в каменный лабиринт. Вот они, северные рубежи! Наконец-то!

Внезапно за спиной снова зазвучал вой стрыгоев. Отчетливый, близкий, несущий страх и панику.

— Не отстанут! Надо поднажать, — заорал Бон.

Поднажать... Легко говорить, а вот сделать не так-то просто. Особенно когда ноги сводит судорогами, а в легких полыхает самый настоящий пожар. Когда силы давно закончились, в животе пусто и приходится просто заставлять себя сделать очередной шаг.

Иначе смерть...

Странно это осознавать, но она в любом случае придет. Вот только хочется, чтобы это наступило потом, а еще лучше — никогда.

Второе дыхание открылось, когда впереди замаячили сосны и ели вперемешку с дубами и вязами. Меня словно кто-то подтолкнул в спину, а потом подхватил и просто понес вперед. В этот момент мне почему-то показалось, что в лесах Элькхевена мы найдем спасение.

Мы промчались по каменистой низине, нырнули на северную тропу и, проваливаясь по пояс в снег, принялись штурмовать небольшой перевал. Я поднял ребенка Ланиты над головой — так было удобнее пробираться через сугробы — и, вздымая снег, побрел вперед. Сзади пыхтел Бон, еще дальше сопела северянка. Она безнадежно отстала, увязнув в снегу. Миновав снежный завал, я положил сверток с малышом прямо на снег и двинулся обратно. Забрал у Бона вязанку с дровами и вещевые мешки, сказал:

— Помоги сестре.

Через несколько минут взмокшие и запыхавшиеся северяне, наконец, преодолели заснеженный перевал. Я взвалил на себя все мешки с нашими пожитками, подхватил ребенка и сказал:

— Давайте быстрее, до леса совсем немного осталось... Потерпите.

Бон глянул на меня. В его глазах читалась грусть и... обреченность. Я закрыл глаза, сжал челюсти и побежал дальше. Северянин подхватил дрова и побежал следом. Сзади еле плелась Ланита.

Вскоре мы ворвались в лес. Я сразу повернул влево, потом резко вправо, крикнул:

— Где-то здесь пролегает северная тропа. Следуйте точно за мной, никуда не отклоняйтесь. Я не хочу потом разыскивать вас по всему лесу.

Северяне лишь пыхтели сзади. Пыхтели до тех пор, пока снова не раздался яростный вой стрыгоев. Совсем рядом! Я отчетливо услышал, как зашелестел снег сзади. Северяне ускорились. Однако вой тварей нарастал с каждой минутой и очень быстро приближался. Видимо стрыгой почувствовали близкую добычу и теперь рвали жилы, лишь бы поскорее полакомиться горячей плотью.

— Стой! — закричал Бон. — Да стой ты! Все хватит... Встретим тварей тут. Нет смысла бежать. Они и так нас догонят...

Я понял, что северянин встал и стоит, не двигаясь с места. Пришлось и мне остановиться.

— Мы и так выбились из сил! — продолжил Бон. — Если пробежим еще несколько лиг, вовсе не сможем драться. Тогда стрыгой сожрут нас заживо.

Я повернулся к Бону и оценивающе оглядел его, потом осмотрелся по сторонам. Бросил мешки прямо в снег и сказал:

— Эта поляна неплохо подойдет для сражения. Так ведь?

Северянин кивнул:

— Подойдет.

Бон положил дрова рядом с мешками и сказал сестре:

— Подойди сюда. Вот... Да. Встань здесь и будь всегда у нас за спинами. Не лезь вперед и не мешайся под ногами... Возьми у Алаэна ребенка. Береги его.

Ланита часто закивала, забрала из моих рук сверток с малышом, шмыгнула носом и встала поодаль. Мы с боном прошли чуть вперед.

— Если что, присмотри за сестрой, — сказал северянин. В его голосе слышались

умоляющие нотки. — Хотя...

Я вопросительно уставился на Бона и выгнул бровь дугой.

— Ты хороший человек, Алаэн. Добрый. Твое... нутро не знает зла, но знает боль и сострадание. Я рад, что знаком с тобой и готов умереть плечом к плечу с таким достойным воином как ты. Жаль только, что Боги отмерили нам такой маленький срок... Мы не переживем этот день...

Ох, Бон, зря ты говоришь такие слова. Я, к сожалению, а, может быть, и к счастью, не собираюсь сегодня умирать. И хоть ты и не знаешь, но со мной это уже однажды случилось. Вот только я снова топчу эту землю. Очень живой и совсем здоровый. Почему я вернулся к жизни? Честно говоря не знаю, но, наверное, на это есть какая-то серьезная причина... Нет, я не собираюсь умирать сегодня. Сегодня я собираюсь биться. За твою жизнь, за жизнь этой спокойной, молчаливой девушки и за маленькое, чистое чудо, что тихо посапывает у нее на руках. Сегодня я буду биться за многие другие жизни. И горе тому, кто не отступит! Пусть это будут даже стрыгой.

Однако вслух я сказал лишь одно:

— Не беспокойся и не отчаивайся.

Бон кивнул, а я заглянул в его решительные глаза. В них плескалась лишь готовность биться, словно в последний раз. Что ж, я тоже готов.

Через несколько минут вой зверей раздался совсем близко, а еще через мгновение затрещали ветки и на поляну выпрыгнули стрыгой. Их было всего семеро. Стрыги, самца-стрыгоя и основного выводка видно не было. Скорее всего на нас вышла передовая стая. Самые молодые, быстрые и глупые особи. Видимо они ни разу не сталкивались с человеком, поэтому лезли так безрассудно не чувствуя в нас угрозы.

Совсем небольшие, не больше простой беспородной собаки, тощие, горбатые; с безволосой, коричневой шкурой и мохнатой, уродливой головой, они выбежали на поляну и закружили вокруг нас. Молодые стрыгой яростно тьякали, рычали и подвывали, но нападать не торопились. Прислушивались и принимались.

— Хей, хей! А ну пошли прочь! — Бон громко орал на тварей и тыкал в их сторону копьём.

Внезапно один из стрыгоев стремительно кинулся на Бона. Но я среагировал раньше.

Мерно подрагивающая ромфея сама собой оказалась в руках, и я стремительно нырнул вперед. Поднырнул под копьё северянина и одним легким движением меча разрубил стрыгоя пополам. Не останавливаясь, качнулся вперед, крутанулся и на широком замахе полоснул вторую тварь по морде. Та взвыла и бросилась наутек.

Мимо моего лица мелькнуло копьё северянина, пробив насквозь третьего стрыгоя, прыгнувшего на меня. Я метнулся в сторону, освобождая путь Бону. Тот выдернул копьё из тощей туши и быстро отступил назад.

Еще один стрыгой, привстав на задние лапы, стремительно бросился на меня. Я не успел перегруппироваться, поэтому пришлось принимать зверя на плечо. Визжа, тварь перелетела через меня и упала сзади. Бон, не медля, проткнул ее копьём.

Из-за моей спины просвистело полено и ударило очередного стрыгоя по голове. Зверь развернулся и, рыча, бросился на Ланиту. Я метнулся вперед и прямо в прыжке срубил твари голову. Кровь окатила меня с головы до ног. Плевать!

Из-за деревьев вынырнули еще два зверя и сразу бросились в атаку. Я, словно стенобитный таран, устремился напрямиком на стрыгоя, но в последний момент метнулся

вправо, крутанулся и отсек твари задние ноги. Зверь рухнул в снег, заверещал подобно человеку, но продолжил целеустремленно ползти вперед. Одним мощным ударом я прекратил страдания твари.

Бон так же расправился с очередным стрыгоем и ринулся было на следующего, но тот, поджав куцый хвост, бросился обратно в лес. Я прыгнул вперед и одним махом уложил последнего замешкавшегося зверя.

— Это не все! — крикнул Бон.

— Нет, не все, — согласился я. — Это был только авангард стаи. Основной выводок и стрыга с самцом на подходе.

Где-то совсем рядом раздался многоголосый, яростный вой. Он сулил лишь смерть и боль. Вот теперь стрыгой окончательно разозлились! Они залаяли, затывкали, а потом...

БААААААААААААМ!

Вокруг будто бы все замерло. Пропали все звуки, затихли стрыгой. Только эхо от выстрела еще гуляло над макушками деревьев. Но через пару ударов сердца стихло и оно. Поэтому гиканье, крики, свист и человеческие голоса, зазвучавшие у нас за спиной, показались неестественными. Однако они были вполне реальны.

В нескольких сотнях метров от нас голосила толпа каких-то людей. Стрыгой разочарованно завывали, обреченно затывкали.

БААААААААААААМ!

Над лесом снова прогремел выстрел.

Бон стремительно развернулся, встал в боевую стойку и выставил перед собой копье.

— Стоять! Стоять! Бросить оружие! — донесся свирепый крик из-за деревьев.

— Бон, опусти оружие, — тихо попросил я.

Северянин несколько секунд стоял как вкопанный, но копье все-таки опустил.

— Кто такие? — из-под сосновых лап вынырнул здоровенный, бородатый мужчина в форме егерского сержанта. — Эл?

— Сержант Илмер?! — Радостно воскликнул я. — Свои, свои!

Егерь широко улыбнулся и шагнул навстречу. Мы крепко пожали друг другу руки.

— Эй, ребята, гоните стрыгоев на север! — Илмер обратился к своим бойцам.

Мимо нас пронеслись несколько егерей. Еще несколько свистели и орали где-то неподалеку.

— Ну, рассказывай! Как ты тут оказался? О, да еще с северянами! — сержант окинул Бона и Ланиту неприязненным взглядом.

— Дай хоть отдышаться, не гони! — Попросил я сержанта.

Тот хохотнул и добродушно сказал:

— Демон с тобой! Отдыхай, после расскажешь, а еще лучше — в сторожке у Бэна. И самое главное, почему эти не связаны?! — Илмер указал на северян.

Я кивнул и сел прямо в снег. Все расскажу, но позже...

Небо над головой нахмурилось и посерело, запорхали пока еще мелкие снежинки. Подул ледяной ветер.

«Книга странствий и приключений Отто Безымянного.

Мифы и легенды Эльта».

Часть первая: Рождение мира.

Сказ второй: Согревшие бурю.

(Утерянный отрывок)

...Но в подтверждение первому мифу о сотворении мира есть и другая легенда. Я слышал ее очень давно, от одного странного бродяги, зовущего себя Вендом. Он прибился к нашему отряду еще в самом начале похода, о котором я поведаю дальше. И хоть ниточки того рассказа со временем ускользают от меня, я постараюсь передать его в мельчайших деталях.

Это произошло в те незапамятные времена, когда вечно юный и светлый день, озаряющий новорожденные земли Эльта румяным солнцем, длился бесконечно долго. Ни разу еще солнце не померкло в ночном мраке, не кончался вечный полдень. Наш мир, Лоратан, просыпался.

Помыслы троих молодых, могучих Богов тогда сформировались окончательно и по образу самих же Богов породили первых людей, несмело ступивших на северные земли. Так появился изначальный народ, и Боги покровительствовали, потакали ему и подсказывали, как правильно жить. В общем, Святые Трое любили своих детей и всячески баловали их.

Вот только была одна беда. Добрая половина Эльта в те века была покрыта глубокими снегами и окутана морозами, и бурями. Шли годы, но погода и не думала смилостивиться. Наоборот, становилось только холоднее и холоднее.

Наконец, когда первые люди освоились на севере Эльта, они зароптали. Стали вопрошать Богов о том, почему те так несправедливы. Почему насылают на народ эту зверскую стужу. Боги, свободно ходившие тогда среди людей, услышали просьбы и мольбы своих первых и самых любимых детей, стали думать, что делать дальше. Но вариантов было немного, и все единогласно решили двигаться на юг в надежде найти более теплые края. Однако Боги сразу предупредили людей, что путь будет не из легких, и только от их храбрости и самоотверженности зависит исход всего дела. Другого выбора не было, и люди согласились. Они без сожаления покинули родные края и отправились в путь.

Земли молодого Эльта были суровы, особенно — северные. В самом начале пути людей, идущих на юг, настигла великая метель. Буря бушевала столь яростно, что чуть не заставила переселенцев повернуть назад. Но Боги зорко следили за своими детьми и, увидев происходящее, тот час же самолично отправились на помощь.

Ливеллон — Бог Жизни, Берталлон — Бог Смерти и Венадон — Бог Вечности зашагал по северным пустошам. Святые Трое быстро нагнали людей и на какое-то время умилили разбушевавшуюся стихию. Первые люди воспряли духом и отправились дальше, но и Боги последовали за своими детьми, страшась теперь оставлять их без присмотра.

Здесь мне стоит извиниться перед моим читателем и сделать небольшое отступление от прямого повествования. А все ради того, чтобы высказать пару своих умозаключений по поводу дальнейших событий.

Хочется отметить недостоверность, и даже некоторое несовпадение в поведении

Богов из данной легенды. То ли Трое были слишком юны, то ли вовсе не они создавали Лоратан, но судя по мифу, Боги плохо знали свой мир. Однако, опять же, всплывает новая заговоздка: если не они создавали свой же мир, то кто тогда? И если не Трое хозяева Лоратана, то для чего они тут нужны, и кто истинный хозяин нашего мира?

Я сразу же задался данным вопросом и незамедлительно спросил об этом у Венда, но тот лишь неопределенно отмахнулся и принялся рассказывать дальше. Поэтому и я продолжу свое повествование.

Итак, Боги и люди бок о бок продвигались на юг. Они шли многие недели и месяцы и наконец, достигли отрогов гор Анрод, что в переводе с первого языка людей означало Великие. Именно тут, в предгорьях, люди столкнулись с новой напастью. Среди скал, каменных валунов и ущелий жило великое множество ужасных зверей, доселе невиданных переселенцами. И звери эти были отнюдь не миролюбивы. Первыми на кочевников напали огромные белошерстные тигры с клыками в локоть длиной.

Люди храбро восприняли угрозу. Дружно встали они на пути у чудовищ и дали свой первый бой. Боги так же приняли участие в сражении. Но не так-то легко было остановить лютых хищников, и много переселенцев погибло в том сражении. Однако люди одержали верх. Оправившись от ран и потрясения, они двинулись дальше. Вот только недолго был спокоен их путь. На путников снова напали монстры. И в этот раз опаснее, чем в предыдущий.

Из темных логовищ и мрачных ущелий выбрались мерзкие, четырехрукие циклопы. Их было не так уж и много: всего лишь одно семейство. Однако они сильно потрепали первых людей. Долго длилась битва, пока сами Боги не пришли в неопишемую ярость. Впервые они разозлились и тогда проявили всю свою мощь. Трех Богов приводила в бешенство одна только уродливая внешность многоруких чудищ. Святые Трое не могли поверить в то, что такая мерзость может существовать на свете. Они, вместе со своими детьми ударили по врагам со всей яростью, со всей мощью, что у них была, и под корень уничтожили гадких созданий.

И дальше отправились первые люди, но теперь шли осторожно, постоянно ожидая новых врагов. Неприветливый, жестокий север не заставил себя долго ждать и вскоре наслал на переселенцев громадных волков, затем коварных цвергов и ужасных стрыгоев; потом — двуногих мохнатых ящеров, следом за ними — северных бешеных буйолов. И многих других зверей, что норовили уничтожить первых людей. Однако те упорно двигались на юг, невзирая на все козни жестокого мира. Люди помнили слова Богов о том, что только храбрость и самоотверженность поможет достигнуть цели.

Сами же Боги были удивлены. Они считали, что досконально знают свой молодой мир, но все вышло наоборот. Трое и помыслить не могли о таком многообразии живых существ, населяющих Эльт.

Недоумение Богов заметили люди. Зароптали. Шепотки недоверия зазвучали в толпах. А большие всех роптал и выказывал недовольство молодой и могучий воин по имени Ргош. Он постоянно подбивал людей на волнения, но те, боясь своих создателей, мало прислушивались к юному воину. Переселенцы снова последовали за своими Богами.

Все дальше и дальше уходили кочевники, и вот уже достигли они середины горного хребта Анрод, а вокруг все так же простирались заснеженные пустоши. Снова разыгралась метель, еще слабая, но с каждым новым днем она все сильнее и сильнее бушевала над миром. Крепчал мороз. Но самым страшным было то, что день ото дня

вокруг становилось все темней и темней. Близилась первая ночь молодого мира. День, длившийся многие десятки лет, догорал.

Люди испугались. Первобытный ужас поселился в их душах и сердцах, и даже Боги не в силах были что-либо изменить. Они день и ночь трудились, силясь повлиять на природу, пытаясь усмирить бурю, но так ничего и не добились.

Переселенцы заторопились. Они понимали, что до наступления великой ночи необходимо найти надежное убежище. Иначе, вместе со смертью долгого дня, умрут и люди. Понимали это и Боги, и сами подгоняли своих детей.

Первым не выдержал горячий и строптивый Ргош. Снова он стал вносить смуту в ряды соплеменников. Могучий воин искренне и открыто усомнился в своих создателях, и многие тогда поддержали его. Ргош обвинил Богов во лжи и глупости. Он говорил, что Трое вовсе не Боги, раз никак не могут повлиять на свой собственный мир. Также Ргош сказал следующие слова:

«Ежели вы создали нас, то кто тогда создал вас? С чего вы решили, что вы Боги?»

Святые Трое не нашли, что ответить своему ребенку, а изрядное количество соплеменников горячо поддержали Ргоша. Молодой воин, воодушевленный одобрительным гомоном толпы, заявил, что и вовсе никуда больше не пойдет. Останется тут, прямо на этом месте. И сколько ни спорили, ни уговаривали Боги настырного юношу, переубедить не смогли. А настаивать или применять грубую силу Трое не хотели, поскольку любили каждого человека и боялись причинить вред хоть кому-нибудь из своих детей.

После долгих препирательств Боги смирились с решением Ргоша и отправились дальше на юг, оставив молодого воина и горстку верных ему людей на севере. А еще на севере остался Берталлон, Бог Смерти. Он пообещал остальным, что приглядит за отщепенцами и поможет им, если это потребуется. Так первые люди, во главе с Ргошем, навсегда обосновались на севере, а покровительствовал им Бог Смерти.

Итак, двое оставшихся Богов и верный им народ двинулись дальше. Сквозь свистящий шквалистый ветер, сквозь колючую ледяную крупу, непрерывно летящую с неба. Люди, невзирая на ужасную бурю, двигались вперед и вперед. Они не забыли слов своих создателей и истово, всем сердцем верили им, и сквозь трудности и преграды двигались к цели.

Боги так же старались изо всех сил усмирить природу и замедлить приход великой ночи, но так ничего и не добились. Люди видели усердие и неудачи своих создателей, но не опечалились, не опустили рук. Только еще целеустремленнее двинулись на юг. Их гнала вперед вера в лучшее и страх перед надвигающейся ночью. Страх окончания дня и близкой смерти.

Как никогда раньше сплотились первые люди Эльта и зашагали быстрее. Сердца их забились в унисон, а дыханья стали жаркими. И с каждым шагом люди выдыхали жизнь, а вместе с ней и все тепло, что было в них. Чем дальше они продвигались на юг, тем большую частичку себя отдавали они общему делу.

Долго шли переселенцы, и вот уже в их изуродованных морозом телах еле-еле теплилась жизнь. Капля за каплей она утекала, но не исчезала бесследно. Вскоре люди заметили, что постепенно становится теплее, а непогода отступает. И воспряли они духом, задышали чаще, отдавая последнее тепло ненасытной буре. Наконец непогода отступила. Метель стихла, перестал трубить яростный ветер, снег прекратил падать с прохуdivшихся небес. Сугробы, лежавшие тут со времен сотворения мира, начали таять. Зазвенела капель, зажурчали ручьи, зазеленели проталины. Так кочевники согрели бурю

своей верой и жаром, идущим от самого сердца.

Наступил долгий вечер, а за ним близились и сумерки. Однако первые люди теперь были в безопасности. Зима отступила! На ее место пришла первая в этом мире весна. Яркая, молодая и добрая. Она щедро встретила людей и приютила их на своих пышных луговинах, в густых лесах. Некоторые переселенцы начали обживать на новых местах, другие отправились дальше. Они разбредались по Эльту, строили все новые и новые поселения и плодились.

Бог Вечности — Венадон, видя, что людям теперь ничего не угрожает, покинул их и отправился путешествовать по миру. Говорят, что он до сих пор бродит где-то по материку. Бог Жизни — Ливеллон, отправился на восток с горсткой кочевников. Сильно манили их дальние неизведанные края. И много диковинного встретили они на своем пути, но одно им запомнилось больше всего. На границе живописных лесов и вольных степей первые люди встретили рукотворную пирамиду. Не высокую, всего в пять человеческих ростов. Кочевники были удивлены и не понимали, кто мог построить такое чудо, а главное — как? Ведь других людей, кроме самих переселенцев, тут не было! Одно было ясно точно: пирамида эта выглядела удивительно и загадочно. Первые люди сложили о ней множество легенд. Некоторые из них дошли и до наших времен. Я расскажу о них далее, а сейчас предлагаю перейти к окончанию нашей истории.

Итак, люди, идущие с Ливеллоном, осмотрев пирамиду, не пожелали селиться рядом с ней и двинулись дальше на восток. Они так же оседали на новых местах и обустроивали там свою жизнь. А Святые Трое молча радовались за своих детей.

Так первые люди расселились по всему Эльту...

Больше книг на сайте - Knigoed.net